

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ им. С.С. СУРАЗАКОВА

А.С. Суразаков
А.А. Тишкин

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
КЫЗЫК-ТЕЛАНЬ-І В ГОРНОМ АЛТАЕ
И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ**

МОНОГРАФИЯ

Барнаул 2007

ББК 63.48 (2Рос–4Алт- 61')

С 90

Ответственный редактор:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**

Рецензенты:
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадоллов**;
кандидат исторических наук **В.И. Соёнов**

С 90 **Суразаков А.С.**

Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения : монография / А.С. Суразаков, А.А. Тишкин. – Барнаул : Азбука, 2007. – 232 с.: ил.

ISBN 978-5-93957-227-9

В монографии представлены результаты археологического изучения одного из погребально-поминальных комплексов Горного Алтая. Особое внимание уделено многочисленным сооружениям раннескифского времени. В этом плане памятник Кызык-Телань-I можно считать наиболее исследованным некрополем бийкенской культуры. Издание содержит подробные описания раскопанных курганов, выкладок, святилища и оградки, которые датируются разными периодами. Анализ погребального обряда и обнаруженных находок позволил определить место каждого объекта в современной культурно-хронологической концепции изучения древней и средневековой истории Алтая. В приложении приведены иллюстрации результатов раскопок.

Книга рассчитана на археологов, культурологов, музеологов, этнографов и других специалистов, интересующихся Алтаем.

Монография подготовлена и издана в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири»

ISBN 978-5-93957-227-9

© Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007
© Оформление. Издательство «Азбука», 2007

*Светлой памяти выдающегося российского археолога
Владислава Александровича Могильникова
посвящается*

Введение

Раскопанные курганы памятника Кызык-Телань-I, сведения о которых отражены в предлагаемой монографии, относятся преимущественно к раннескифскому времени. Несмотря на малочисленность инвентаря, плохую сохранность остеологического материала и полную «разграбленность» большинства каменных ящиков, исследованный могильник в настоящее время является наиболее крупным из известных некрополей бийкенской археологической культуры. Уже это само по себе представляет большой научный интерес.

На рассматриваемом комплексе раскопаны и более ранние объекты. Такие данные дополняют характеристику афанасьевской культуры и привлекаются для сравнения в связи с постоянно муссирующейся проблемой участия ее носителей в генезисе этносов Алтая эпохи раннего железа. Кроме этого, исследованы захоронения пазырыкского времени, тюркская оградка и другие археологические памятники, еще не введенные должным образом в научный оборот.

Необходимо остановиться на общей характеристике комплекса Кызык-Телань-I, на истории его изучения, планировке и последовательности возведения зафиксированных сооружений.

После этого представим описание и анализ полученных при раскопках сведений. Сначала будут рассмотрены материалы раннескифского времени, а потом найдут отражение данные по другим выделенным культурно-хронологическим «пластам».

Археологический памятник Кызык-Телань-I находится в 7 км к юго-юго-востоку от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Он расположен в одноименной долине, которая занимает 15-метровую надпойменную террасу правого берега Катунь, и тянется вдоль него на 2,5–3 км. С юга и запада эта территория ограничена склоном террасы, с востока и севера – горами. В конце долины Кызык-Телань обрывается дорога, представлявшая отрезок первоначального варианта Чуйского тракта, от которого затем отказались ввиду сложности его строительства и малочисленности населения на правобережье Катунь. Северо-западная часть рассматриваемой площади частично распахивалась, а юго-восточная, где сконцентрировано большинство древних сооружений, хорошо задернована и на ней находилась стоянка для скота.

Памятник насчитывает около 120 археологических объектов различного времени, обнаруженных в пределах одного могильного поля (рис. 2). Выделяются небольшие группы, представляющие собой, по всей вероятности, общинные кладбища. Достаточно хорошо идентифицируются кольцевидные каменные выкладки афанасьевского типа, округлые в плане курганы с каменной наброской диаметром 5–20 м эпохи раннего железа и подквадратные оградки тюркского времени. В центре указанных сооружений иногда заметны пологие западины. В восточной части представляемого комплекса, у подножия окаймляющих долину гор, находится святилище – камень с петроглифами, рядом с которым зафиксирован культурный слой с остатками кострищ, фрагментами керамики и костями животных.

Строгой закономерности в расположении курганов не наблюдается. Однако можно выделить отдельные группы и цепочки, о чем речь пойдет ниже. Археологические объекты сильно задернованы. Многие поросли мелким кустарником и слабо выделяются на поверхности, что при визуальном осмотре затруднило определение их точного количества, первоначальной фор-

мы, размеров, а также культурной и хронологической принадлежности.

Памятник в урочище Кызык-Телань был открыт новосибирскими археологами (Кубарев, 1990, с. 10). В 1980 г. А.С. Суразаков произвел там первые раскопки, вскрыв восемь курганов (№1–7 и 10) и одну подквадратную каменную оградку с вертикальной стелой в центре (объект №8). Кроме этого, удалось скопировать петроглифы и заложить небольшой раскоп у камня, на котором находились изображения (объект №9) (Суразаков, 1981, с. 214; 1983, с. 42–52). Затем работы на памятнике были продолжены в 1988, 1989 и 1991 гг. совместными экспедициями ГАНИИИЯЛа (руководитель А.С. Суразаков, г. Горно-Алтайск) и Института археологии АН СССР (руководитель В.А. Могильников, г. Москва). В полевых исследованиях принимал участие научный сотрудник сектора археологии ГАНИИИЯЛа О.В. Ларин. К раскопам привлекались студенты-практиканты исторических факультетов Горно-Алтайского и Барнаульского пединститутов, а также школьники из г. Горно-Алтайска и с. Шебалино, отпускники и вольноопределявшиеся рабочие из Горно-Алтайска и Москвы.

Основной объем был выполнен в полевом сезоне 1988 г., когда исследовались 29 объектов, из которых один отнесен к афанасьевской культуре (№31), 20 курганов (№11–12, 14–21, 23, 26–30, 34, 38, 39–40) и шесть выкладок (№13, 22, 24, 25, 35, 36) определены раннескифским временем, а два кургана (№37, 41) датированы пазырыкским периодом. В 1989 г. вскрыто 13 каменных сооружений. Из них объекты №32 и 33 отнесены к афанасьевской культуре, а курганы №44–52 – к раннескифскому времени. Следует отметить комплексы №45/51 и №46/50, в которых зафиксированы погребения людей в каменных ящиках и сопровождавшие их, но отдельно устроенные конские захоронения в ямах. Выкладка №43 оказалась с непотревоженным грунтом. Курган №42 можно считать объектом пазырыкской эпохи. В 1991 г. было раскопано шесть курганов раннескифского периода (№54–59). Таким образом, к настоящему времени на памятнике изучено всего 58 различных комплексов, включая святилище (рис. 2).

Особенности современного состояния курганов обусловили некоторое своеобразие методики раскопок. Поскольку точные размеры сооружений до исследования не фиксировались, то визуально прослеживаемая насыпь в виде возвышения или отдельных, торчащих из-под дерна камней перекрывалась квадратным или прямоугольным раскопом по величине, превышавшей видимые контуры объекта. Затем намечалась центральная бровка, и производилось снятие дерна и кустарников для зачистки каменной насыпи. При необходимости к раскопу делались дополнительные прирезки. Это позволяло выявлять подлинные размеры наземных конструкций, которые и указываются в последующем изложении. После проведения необходимой фиксации (графической и на фотоаппараты) насыпи разбирались. При этом в первую очередь снимались мелкие и беспорядочно лежавшие камни наброски, что позволяло проследить конструктивные особенности исследуемых сооружений. Нужно отметить, что верхние края плит ящиков в большинстве случаев были видны еще до разборки насыпей. После фиксации выявленных конструктивных особенностей снимался профиль по бровке. Затем бровка и кольцевые выкладки разбирались, погребенная почва снималась, а зачистка осуществлялась по всей площади раскопа по уровню материка. В заключительной фазе работ производилось детальное изучение каменных ящиков или могильных ям, в которых совершались захоронения.

Погребенная почва представляла собой светло-серую супесь мощностью около 0,1 м, материк – светло-серо-коричневый гравий. Ящики были заполнены гумусированным песком с мелкими камнями. Забегая вперед, отметим, что устройство большинства захоронений раннескифского времени в хорошо заметных каменных погребальных камерах, установленных на уровень древнего горизонта, обусловили их ограбление или осквернение. Непотревоженными оказались только погребения афанасьевской культуры, оградка №8 и курган №42 скифского времени. Можно отметить ряд негативных показателей (проникновения, разрушения, влагопроницаемость и др.), которые явились причиной плохой сохранности антропологического материала. Поэтому многие раскопанные ящики оказались без костей и предметов,

но были заполнены указанным выше грунтом. Трудно однозначно назвать их кенотафами, хотя исключать этого нельзя. При изучении погребальных памятников раннескифского времени Горного Алтая исследователи часто сталкиваются с такой проблемой, и объяснения могут быть разными (Тишкин, 1996а, с. 20–21). Не исключено, что часть скелета была выкинута при ограблении или осквернении, а оставшиеся кости полностью истлели, на что указывает очень плохая сохранность остеологических остатков, встреченных в отдельных каменных ящиках. Подобная ситуация отмечена при исследовании памятников в долине Карасу (Могильников, 1986, с. 42–43, рис. 7, 8), при раскопках курганов памятника Кор-Кобы-I (Суразаков, 1990; Ларин, Суразаков, 1992) и на других объектах, где зафиксированы погребения, устроенные около уровня древнего горизонта (Кирюшин, Тишкин, 1997). Возможно, что в «пустых» ящиках были захоронены младенцы или маленькие дети. Данный вопрос требует специального изучения. Основная же задача монографии заключается в публикации материалов, полученных при раскопках в долине Кызык-Телань. Лишь небольшая часть из них введена в научный оборот.

В «Археологических открытиях» (Суразаков, 1981) нашли отражение данные о курганах №3–6. Эти объекты, исследованные в 1980 г., первоначально датированы V–III вв. до н.э. На основе анализа их погребального ритуала был сделан вывод о возможном выделении в Горном Алтае кара-кобинской культуры, отличной от пазырыкской (Суразаков, 1983, с. 42–48). Позднее время изученных курганов №3–6 было определено V–IV вв. до н.э. (Суразаков, 1988, с. 103). В настоящее время их интерпретация частично пересмотрена. Опубликованы также материалы объектов №31–33, отнесенных к афанасьевской культуре и датированных рубежом III–II тыс. до н.э. (Ларин, 1990, с. 3–6, рис. I–VIII). В изданиях по археологии имеются лишь краткие сообщения о других работах на памятнике Кызык-Телань-I или ссылки на некоторые полученные результаты (Могильников, Суразаков, 1994, 2003; Ларин, Суразаков, 1994, с. 87; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 33–34; Суразаков, Тишкин, 2003; и др.). Поэтому является важным введение в научный оборот наиболее полных сведе-

ний о планиграфических и других особенностях крупного археологического комплекса, отражающего процессы освоения Горного Алтая в древности и средневековье.

Некрополь Кызык-Телань-I не является сплошным могильным полем. Визуально на нем выделяются пять групп курганов и несколько примыкающих к ним или отдельно расположенных цепочек. Кроме того, небольшие цепочки, состоящие из нескольких курганов, фиксируются и внутри групп. Рядом с погребальными конструкциями располагаются выкладки. Зафиксированная ситуация отражает последовательность сооружения объектов памятника, а также социальную структуру оставивших его коллективов.

Выделяющиеся на могильнике пять групп курганов пронумерованы римскими цифрами (рис. 2) с юго-востока на северо-запад, исходя из следующих соображений. В юго-восточной части площадь памятника ограничена боом, выходящим к Катунь и служащим естественной границей долины. Эта часть могильника исследована наиболее полно. Все визуально наблюдаемые сооружения групп I–III также раскопаны. Курганы групп IV–V вскрыты частично. Объекты раннескифского времени, по всей видимости, начали сооружаться с юго-восточной оконечности долины, от бома. Затем уже шло устройство курганов к северо-западу, в сторону основной и наиболее расширенной части долины. Возможно также, что курганы различных групп могли быть воздвигнуты представителями разных общин относительно синхронно. Средняя или основная часть долины оказалась почти полностью свободной от погребально-поминальных сооружений, сделанных из камня. Подобная приуроченность курганов к концам, а не к средней части долин и у скальных выходов прослежена А.С. Суразаковым в 1974 г. в ходе разведок в зоне предполагаемого затопления Катунской ГЭС. Аналогичная ситуация отмечена в ряде других мест Горного Алтая, например, на памятниках Кызыл-Джар, Талдура, Бойтыгем-II, Тыткескень-I и др. (Могильников, 1983а–б; Могильников, Елин, 1982, 1983; Абдулганеев, Ларин, 1992, с. 35; 1994; Кирюшин, Тишкин, 1997; и др.). Такая планировка могильников определялась, видимо, рядом обстоятельств разного характера. В условиях ограничен-

ного количества в Горном Алтае территорий, удобных для реализации хозяйственной деятельности, это обеспечивало использование средней части долин в качестве пастбищ или давало возможность обработки участков, пригодных для занятий земледелием. В какой-то мере указанное размещение погребальных сооружений гарантировало изоляцию зоны памятника. Следует отметить, что в концах долин рядом находятся склоны гор, с которых брали камень для возведения насыпей, что существенным образом облегчало его доставку.

Остановимся на размещении курганов по группам и цепочкам (рис. 2). Самую южную группу I образуют пять курганов (№11–12, 14–15, 21) и одна выкладка №13, находившаяся между объектами №12 и 14. При этом курганы №11–12, 14 были выстроены в цепочку, ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ. Под углом 45–50° к ней в направлении ЮЮВ–ССЗ (почти Ю–С) стояли курганы №15 и 21. Исходя из непосредственной близости друг к другу, можно говорить о парном расположении курганов №11 и 12, №15 и 21. Ритуал всех пяти курганов группы I одинаков. Они содержат под насыпями из рваных камней с кольцевыми выкладками по периметру единичные погребения в ящиках из каменных плит, установленных на уровне древнего горизонта. Компактное расположение и аналогичный погребальный обряд свидетельствуют об их хронологической близости. В ящике кургана №21 был найден бронзовый втульчатый асимметрично-ромбический наконечник стрелы, датирующийся концом IX – 1-й половиной VI вв. до н.э. Подобные изделия представлены в кургане Аржан (Грязнов, 1980) и в других памятниках раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 80–84). Это позволяет относить рассмотренные объекты ко 2-й половине VIII – 1-й половине VII вв. до н.э. К группе I с запада пристроен курган №2, возможно, уже пазырыкского времени, с погребением в ящике, установленном в яме.

Объекты группы II зафиксированы в 28 м к северу от предыдущего скопления. Семь курганов располагались двумя почти параллельными цепочками, ориентированными по линии ЗСЗ–ВЮВ, на расстоянии 10–12 м друг от друга. Западная из них включала четыре кургана (№16–18, 23), восточная – три (№19,

20, 60). С севера и юга к группе II симметрично примыкали две каменных выкладки (№22, 24). Среди камней первой обнаружен уголек, вторая оказалась без находок. В курганах группы II прослеживается некоторое разнообразие погребального ритуала: устройство каменных ящиков на уровне древнего горизонта (курганы №16–17, 19–20); установка ящика в яме таким образом, что плиты его перекрытия были на уровне древнего горизонта (курган №23); сооружение ямы без ящика (курган №18). Датированных вещей не обнаружено, кроме «оленных» камней, лежавших возле насыпей курганов №17 и 18. Верхний предел их бытования определяется VII–VI – рубежом V в. до н.э. (Савинов, 1994, с. 113). По указанным особенностям зафиксированного обряда курганы группы II, возможно, являются несколько более поздними по отношению к объектам группы I.

Группа III, состоявшая из восьми сооружений (№10, 26–30, 34, 61), располагалась вблизи камня с петроглифами и отстояла на 25–30 м к северу от предыдущего скопления (рис. 2). С западной стороны к указанным курганам примыкали три выкладки (№25, 35–36). Четкой планировки в локализации объектов рассматриваемой группы не наблюдалось. Можно отметить микрогруппу из трех курганов (№27–28, 30), парное расположение конструкций №29, 34 и обособленность объекта №10, отстоявшего на 9 м к востоку от кургана №34. Для погребальных памятников группы III характерны захоронения в ящиках из плит, установленных на уровне древнего горизонта, под насыпями из рваного камня с кольцевой выкладкой по периметру. Компактное расположение и единообразие ритуала указывают на хронологическую близость этих объектов. В кургане №29 найдена бронзовая пронизка-столбик от перекрестия ремней узды. Подобные изделия датируются обычно VII–VI вв. до н.э. К раннескифскому времени можно относить и другие курганы группы III. Следует указать отличие сооружения №10, которое содержало погребение в каменном ящике, установленном в яме глубиной 1,4 м, что свойственно уже погребальному обряду кара-кобинской группы памятников пазырыкской культуры.

Объекты групп I–III вместе представляют одну макрогруппу, состоявшую в основном из курганов раннескифского време-

ни и отделенную от группы IV пространством шириной около 50 м. В свою очередь сооружения групп IV–V представляют другую макрогруппу, в которой объекты связаны тремя цепочками нераскопанных курганов, ориентированных по линии Ю–С и относящихся, судя по отмеченному направлению, к пазырыкскому времени. По-видимому, эти конструкции по отношению к основной массе памятников VIII–VI вв. до н.э. являются более поздними и ими было занято пустое пространство между ранее сформировавшимися скоплениями.

Группа IV насчитывает 31 объект. С юга к ним пристроена цепочка из четырех курганов (№3–6), а с запада и востока – две квадратные оградки тюркского времени. В данной группе, помимо указанных, исследовано еще 20 сооружений. Среди них можно наметить 5–6 цепочек курганов, ориентированных с разными отклонениями от линии З–В. В южной половине центральной части этого скопления в одной цепочке с объектом №47, содержавшем захоронение в каменном ящике, находились два кургана (№46, 51) с погребениями в цистах и сопутствующими захоронениями лошадей, совершенными под отдельными выкладками №45 и 50, которые располагались с юго-восточной стороны. Большинство исследованных курганов рассматриваемой группы содержат характерные погребения в каменных ящиках на уровне древнего горизонта с насыпью из рваных камней и кольцевой выкладкой по периметру. На периферии, в южной части, в курганах №38, 41, 37 прослежено размещение ящиков в ямах.

Группа V является самой многочисленной и наименее исследованной. Ее объекты локализовались в северной части некрополя. Там находится самый крупный курган могильника диаметром около 20 м, высотой 1,2 м, вероятно, раннескифского времени, сложенный, как и другие курганы, из рваного камня и имеющий в центре грабительскую воронку. Всего в группе V насчитывается около 55 курганов и выкладок, располагающихся без четкого порядка. Раскопано семь объектов, в том числе два кургана и выкладка (№31–33) афанасьевской культуры (Ларин, 1990, с. 3–6, рис. I–VIII), два кургана (№34, 44) VII–VI вв. до н.э. с погребениями в каменных ящиках на уровне древнего горизон-

та, курган №42 с захоронением в каменном ящике и в яме, возможно, пазырыкского времени и выкладка №43 без находок.

В 20 м к северо-западу от крайних курганов группы V находится цепочка из пяти подквадратных оградок (размерами около 4х4 м), ориентированная по линии ЮЮЗ–ССВ. Рядом расположен объект диаметром около 8 м, высотой 0,45 м. В 35 м от него на северо-запад зафиксирована цепочка из пяти каменных насыпей диаметром 6–8 м, высотой 0,3–0,4 м, ориентированная по линии Ю–С. Судя по такой организации погребального комплекса, курганы предварительно можно было бы отнести к пазырыкскому времени (2-я половина VI–III вв. до н.э). Самый южный объект №7 этой цепочки раскопан. Обнаружены останки детского погребения на уровне древнего горизонта без вещей.

В основной части монографии и приложении, приводятся описание, иллюстрации и анализ всего массива имеющихся данных. Опубликованный ранее материал также включен в текст соответствующих глав для создания более полного представления о результатах раскопок, полученных на памятнике.

Авторы выражают благодарность всем участникам названных выше экспедиций за добросовестную и подчас самоотверженную работу в нелегких полевых условиях. Следует отметить, что в подготовке монографии в свое время участвовал и В.А. Могильников. Однако скоропостижная кончина не позволила ему осуществить запланированное исследование с учетом современных научных разработок и новых подходов. Тем не менее следует признать вклад Владислава Александровича как в процесс полевых изысканий, так и в описательную часть подготовленных к публикации материалов. В связи с этим авторы посчитали своим долгом посвятить монографию памяти известного археолога В.А. Могильникова.

В связи с тем, что создание монографии, а также изыскание финансовых возможностей для ее издания заняли длительное время, в книге не нашли отражение новейшие публикации по затронутым проблемам. Авторы посчитали главной задачей введение в научный оборот имеющихся археологических материалов.

Глава I

Сооружения раннескифского времени

В настоящее время на территории Горного Алтая зафиксировано довольно много археологических объектов, датированных рамками раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005). Однако существует ряд проблем, связанных с отражением особенностей различных памятников данного периода (могильников, святилищ, изваяний и т.д.). Исследованные на археологическом комплексе Кызык-Телань-I объекты дают возможность выявить закономерности планиграфического и конструктивного характера на основе изученных погребальных, поминальных и других сооружений. К сожалению, из-за того, что памятник попадал в зону планируемого строительства Катунской ГЭС, раскопки велись на нем в ускоренном аварийном режиме. Поэтому в процессе работ не всегда удавалось проследить некоторые детали имевшихся конструкций. Не было также и опыта исследований своеобразных курганов бийкенской археологической культуры. К таким объектам вначале применялась методика вскрытия, соответствующая представлениям о надмогильных сооружениях скифского времени как о простой каменной наброске. В результате насыпь после зачистки сразу же разбиралась «на вынос». Тем не менее имевшая место всесторонняя фиксация (графическая, фотографическая и описательная) позволяет разобраться практически в каждой ситуации и восстановить ряд важных показателей, исходя из полученных наработок.

Исследованные на памятнике Кызык-Телань-I сооружения в большинстве своем датируются раннескифским временем (в пределах VIII–VI вв. до н.э.). К этому периоду относятся 46 раскопанных объектов, в том числе 37 обозначенных курганов и девять выкладок. По-видимому, камень с петроглифами (№9) и культурный слой рядом с ним также связаны с рассматриваемым комплексом. О результатах изучения их будет изложено отдельно в третьей главе.

1.1. Описание исследованных курганов и выкладок

Курган №1 был диаметром 6,4 м, высотой 0,48 м от уровня древнего горизонта (УДГ). Насыпь округлой формы складывалась из камней в 2–3 слоя (рис. 3.-1). В центре отмечена пологая западина (рис. 3.-2). Каменный ящик (рис. 3.-3) из вертикально поставленных плит оказался немного смещен от центра к северо-востоку. Он располагался на УДГ, внутри имел такие размеры: 0,6х0,52 м. Высота подквадратной погребальной камеры, перекрытой тремя продолговатыми плитами, составила 0,42 м. В ящике ничего не обнаружено. К сожалению, при раскопках не была выявлена кольцевая выкладка, располагавшаяся по периметру кургана, хотя, судя по зафиксированному разрезу (рис. 3.-2), ее наличие можно предполагать с большой долей вероятности.

Курган №6. Округлая каменная насыпь имела диаметр 8,8 м, высоту 0,5 м от УДГ (рис. 4.-1). В центральной части фиксировалась пологая западина (рис. 4.-2). Подпрямоугольная яма размерами 1,45х1,2 м и глубиной 1,2 м была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. На дне ее находился каменный ящик. Внутренние параметры этой погребальной камеры, составленной из вертикальных плит, следующие: длина 2 м, ширина 0,74 м, высота 0,38 м. В ящике обнаружен скелет человека (рис. 4.-3). Умерший находился в скорченном положении, на левом боку, головой на север. Руки были скрещены на груди.

В районе костей таза, груди и правого плеча найдены восемь бронзовых обойм и стерженек-застежка от пояса (рис. 5). Круглый в сечении стерженек-застежка (длиной 3,5 см, диаметром 0,7 см) имеет в средней части желобок для более жесткого соединения с ремнем. Следом за ним идет простая наременная обойма высотой 2,5 см, шириной 1,2 см. Пять других обойм – фигурные, с небольшой выпуклостью в середине. Их высота – 3,5 см, ширина – 1,2 см. Массивная обойма для подвешивания ножа или кинжала, общей высотой 4,8 см, наибольшей шириной 2,5 см, имеет в нижней части продолговатое овальное отверстие для продевания подвесного ремня. В обеих стенках концевой

обоймы (высота 3,8 см, ширина – 2,2 см) оставлены сквозные отверстия для крепления с ремнем. Судя по обоймам, они надевались на ремень шириной 3,3 см. На рисунке 5 представлены возможные графические реконструкции пояса, выполненные А.Л. Кунгуровым. Там же находятся варианты расположения деталей поясного набора, опубликованного А.С. Суразаковым (1983, 1988) дважды. На обложке дана фотография описанных выше бронзовых изделий, находящихся в экспозиции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск).

Курган №7. Овальная насыпь диаметром 7 м, высотой 0,44 м (рис. 2). Под ней оказался нетронутый грунт. В северо-восточной части кургана на уровне погребенной почвы найдено несколько плохо сохранившихся фрагментов черепа и трубчатых костей ребенка.

Курган №11 был диаметром 5,8 м, высотой 0,6 м (рис. 6) и самым юго-восточным на могильном поле (рис. 2). Его сложили из рваных камней в 3–4 слоя. После выборки мелких камней в пределах насыпи выявлено кольцо из крупных плитообразных блоков в 1–2 слоя с внутренним диаметром в 3,3 м. Высота выкладки в среднем была 0,38 м. В центре кольца на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик, составленный из четырех массивных плит (рис. 7.-1). Восточная плита завалилась во внутрь камеры и лежала горизонтально. Ящик был перекрыт двумя каменными плитами, впоследствии упавшими одним концом вниз. Он ориентирован продольно по линии ЮЮВ–ССЗ, почти ЮВ–СЗ. Камера оказалась заполнена мелкими камнями попеременно с гумусированным песком (рис. 7.-2).

Погребение нарушено. На дне камеры в разбросанном виде лежало несколько фрагментов трубчатых костей человека (рис. 7.-1). У середины северной стенки обнаружено ребро человека. Вероятнее всего, умерший находился в скорченном положении, на левом боку и был ориентирован головой на северо-северо-запад или северо-запад. Вещей не встречено.

Курган №12 зафиксирован в 5 м к западу от предыдущего кургана (рис. 2). Округлая каменная насыпь (рис. 8) имела диа-

метр 8,5 м и высоту 0,9 м. Она была сложена из рваных камней в 3–5 слоев.

У северо-западного края наброски лежала заготовка одного из каменных дисков-жерновов для ручной мельницы (рис. 8). Она сделана из серого гранита (рис. 9). В 1,5 м к северо-востоку от центра кургана, среди камней насыпи, найдено несколько фрагментов керамики от плоскодонного сосуда баночной формы без орнамента (рис. 8), в том числе части венчика и дна (рис. 10.-1–3), найденные на глубине около 0,65 м от верха насыпи. Из исследованного кургана происходят «клыки медведя» (рис. 10.-4–5).

После выборки мелких камней по периметру насыпи выявлена овальная кольцевая выкладка, располагавшаяся на погребенной почве (рис. 11.-1–2). Конструкция состояла из крупных плитообразных камней, уложенных в 2–4 слоя. Ее внутренний диаметр был 5 м, а высота в среднем составила 0,4 м. В центре кольца на древнем горизонте стоял каменный ящик, сделанный из четырех массивных плит (рис. 11.-1). Его юго-восточный угол был дополнен небольшой плитой, закрывавшей щель. Внутренние размеры ящика – 1,15х0,6 м, высота 0,54 м, ориентация по линии ЮВ–СЗ. Погребальная камера оказалась заполнена камнями и гумусированным песком. На дне ящика зафиксировано несколько разбросанных костей человека. У северо-северо-западной стенки обнаружены фрагменты черепа, позволяющие предполагать, что погребенный был ориентирован головой на северо-северо-запад или северо-запад. У юго-восточного угла ящика на древнем горизонте вертикально располагалась массивная каменная плита высотой 0,65 м, поставленная до сооружения насыпи и выполнявшая определенную ритуальную роль.

Выкладка №13 расположена в 3 м к западу от предыдущего объекта и в 1 м к юго-востоку от последующего кургана №14 (рис. 2). Она представляла собой развал камней, вытянутый по линии ЮЗ–СВ, размерами 3,5х2 м, высотой 0,42 м (рис. 12.-1, 3). В центре и у западного края на уровне погребенной почвы найдено несколько фрагментов керамики без орнамента, в том числе венчик с отогнутым краем. Вероятнее всего, объект был связан с

курганами №12 и 14. Он мог выполнять роль жертвенника или поминальника.

Курган №14. Овальная насыпь диаметром 3,3 м, высотой 0,42 м была сложена из рваных камней преимущественно в два слоя. В пределах насыпи выявлено кольцо с внутренним диаметром 1,7 м, высотой до 0,3 м. Его составили из крупных камней в 1–2 слоя (рис. 12.-1, 3). В 0,6 м к юго-востоку от центра насыпи, среди камней наброски, найден обломок стенки глиняного лепного сосуда без орнамента.

В центре кольцевидной выкладки, на уровне древнего горизонта, стоял ящик, сделанный из шести массивных камней удлиненной формы и перекрытый двумя такими же скальными обломками (рис. 12.-2). Внутренние размеры сооружения – 0,6х0,53 м, высота 0,34 м, ориентация по линии ЮВ–СЗ. Заполнение ящика – мелкие камни и гумусированный песок. Костей человека и вещей не обнаружено.

Курган №15 расположен в 18 м к северу от кургана №12, рядом с объектом №21 (рис. 2). Насыпь диаметром 4,6 м, высотой 0,7 м была сооружена из рваных камней и валунов в 2–4 слоя (рис. 13; 14.-2). Среди них, в северной части наброски, обнаружены фрагменты трубчатой кости и три зуба лошади. После выборки мелких камней по периметру насыпи выявилась кольцевая выкладка диаметром 2,6 м, высотой в среднем 0,4 м, сложенная из крупного плитообразного камня в виде стенки в 2–3 слоя. С внешней стороны кольца, у восточного края, найдена часть трубчатой кости животного, а в центре у ящика обнаружено несколько фрагментов керамики от двух сосудов (рис. 14.-1). От первого сохранился тонкий и плотный, гладко заглаженный обломок стенки. От другого зафиксировано девять фрагментов. Судя по ним, сосуд был толстостенный, грубо вылепленный из глины с примесью шамота. Поверхность его заглажена. Один из найденных обломков стенки оказался украшен нарезкой в виде решетки.

В центре кольцевой выкладки на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик, составленный из четырех массивных плит (рис. 14.-1–2). Его внутренние размеры – 0,54х0,48 м, высота

0,62 м, ориентация по линии ЮЮВ–ССЗ. Перекрытие из небольших плит обрушилось во внутрь ящика. Заполнение погребальной камеры представляло собой мелкие камни и гумусированный песок. На дне ящика лежало несколько фрагментов разрозненных трубчатых человеческих костей, по которым трудно определить положение погребенного.

Курганы №16–18, 23 располагались как бы отдельной «цепочкой» по линии ЮВ–СЗ, параллельно краю террасы, в южной части могильника (рис. 2).

Курган №16. Почти круглая каменная насыпь диаметром около 5 м, высотой 0,45 м от окружающей поверхности (0,6 м от УДГ) была сооружена из рваного камня и отдельных валунов в 2–3 слоя (рис. 15; 16.-2). После снятия наброски оконтурилась кольцевидная выкладка с внутренним диаметром 3,4 м, сложенная из крупных камней преимущественно в два слоя. Внутри нее, у восточного борта, стояла большая каменная плита размером 1,4х0,3х0,5 м. В кольце зафиксирован каменный ящик размерами внутри 0,8х0,45 м, высотой до 0,6 м, сложенный из четырех поставленных на ребро плит (рис. 16.-1–2). К двум углам подпрямоугольного сооружения с внешней стороны было приставлено еще по одному камню. Погребальная камера, установленная на УДГ, ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ. Заполнение ее состояло из гумусированного песка и мелких камней. Кости человека и вещи в ящике не обнаружены.

Внутри кольцевой выкладки на уровне древней поверхности найден фрагмент стенки сосуда светло-коричневого цвета. Изделие было изготовлено из глины с примесью крупного шамота и украшено ямочным орнаментом. Наружная поверхность гладкая, внутри видны полосы от выравнивания стенок емкости.

Курган №17. Округлая насыпь диаметром 8 м, высотой 0,75 м от окружающей поверхности (около 1 м от УДГ) была сооружена из рваных камней и отдельных валунов (рис. 17.-1).

В 1,2 м к северо–северо-западу от центра кургана встречен обломок венчика сосуда с зауженным горлом без орнамента. Он слеплен из глины с примесью шамота, плотный, темного цвета, с

гладкой поверхностью. Рядом найдены два фрагмента стенок (рис. 17.-2б-в).

Возле северо-восточного края насыпи под дерном, на уровне древней поверхности, лежал «оленный» камень, оформленный из валуна размерами 55,5х22,5х9 см (рис. 17.-1). На камне светло-серого цвета (гранит ?) изображены марал, лук, горит (?), поясик и неопределенная петля (рис. 18). Все они слабо выбиты на поверхности валуна и видны только при наклонном освещении.

После снятия наброски и выемки мелких камней насыпи выявилось кольцевая выкладка диаметром 6 м, сложенная из крупных камней преимущественно в два слоя (рис. 19.-1). В кольце между камнями лежала часть стенки сосуда, изготовленного из грубого, плохо промешанного теста с примесью шамота, с ямочным орнаментом (рис. 17.-2а).

В центре кольца на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик размерами внутри 1,2х0,7 м, высотой до 0,6 м, ориентированный по линии ЮВ-СЗ. Он был сделан из шести вертикально поставленных плит, к которым с западной стороны посредине прислонена вертикально еще одна плита-нащелина, а с северного торца горизонтально уложен крупный камень (рис. 19.-1-2).

К юго-восточному торцу этой основной погребальной камеры оказался пристроен еще один ящик размерами внутри 1,2х1,05 м, трапецевидной формы, ориентированный аналогично первому (рис. 19.-1). В этом сооружении находились кости четырех ног лошади, которые сохранились плохо. Они, вероятно, остались от захоронения шкуры коня. В первом ящике кости человека отсутствовали. Очевидно, не сохранились. Заполнение ящиков представляло собой гумусированный песок вперемежку с мелкими камнями.

Курган №18. Овальная насыпь размерами 8,9х8,6 м, высотой 0,6 м от окружающей поверхности (0,65 м от УДГ) была сооружена из рваных камней (рис. 20). После снятия наброски зафиксирована кольцевая выкладка диаметром внутри 7,5 м, выложенная на спланированной древней поверхности из крупных

камней в 1–2 слоя (рис. 21.-1). На камне, в северо-восточной части кольца, найден фрагмент венчика сосуда баночной формы темно-сери-коричневого цвета, грубо вылепленного из глины с примесью крупного шамота. Поверхность его гладкая, внутри обнаружен нагар, а снаружи отмечен орнамент в виде пояска из «жемчужин» и подтреугольных вдавлений (рис. 22.-3). В южной половине кольцевой выкладки обнаружена овальная яма размерами 2,7х2,5 м, глубиной 0,7 м от уровня древнего горизонта, ориентированная по линии ЮЮВ–ССЗ (рис. 21.-1–2). За счет наклона стенок в придонной части ее размеры сократились до 2,4х1 м (рис. 22.-2). Яма была заполнена камнями и суглинком со щебенкой.

Погребение оказалось нарушено. Около центра и в юго-восточной части ямы найдены разрозненные кости скелета человека – нижняя челюсть, обломки таза, ребро, фрагменты плечевой кости и нижних конечностей. Судя по расположению берцовых костей, можно предполагать, что погребенный был уложен головой на северо–северо-запад скорченко, на левом боку (рис. 22.-1). Вещей не обнаружено.

К юго–юго-западу от края насыпи, в 1,3–1,5 м от кольцевой выкладки, под дерном обнаружен лежавший «оленный» камень (рис. 21), изготовленный из сколотого куска темно-серого алевролита или плотного сланца. Его размеры: длина 57,5 см, ширина сзади 15,5 см, спереди 9–11,7 см. В поперечном сечении камень трапециевидный. Толщина его до расширения уступом в верхней части 5,5–6,5 см. Высота уступа 14 см, толщина 11–12,5 см. Вверху, по бокам, выбито по кольцевидной фигуре (серьге), диаметром около 6 см. В средней части фиксируется подобие пояска шириной 1,2–1,3 см. Изображения выполнены точечной техникой. Сама форма камня с уступом в верхней части, на которой выбиты окружности, напоминает антропоморфную фигуру (рис. 23).

Курганы №19 и 20 располагались отдельной «цепочкой» и сооружены почти параллельно предыдущей группе (рис. 2).

Курган №19. Немного овальная насыпь размерами 7х6 м, высотой 0,45 м от современной поверхности (0,7 м от УДГ) была

сооружена из различных камней в основном в 2–3 слоя (рис. 24.-1, 3). После разборки мелких камней насыпи выявилась кольцевая выкладка размерами внутри 5,1х4,9 м, сложенная из крупных камней преимущественно в два слоя (рис. 24.-2–3). В центре кольца, на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик размерами внутри 1х0,65 м, высотой до 0,42 м, ориентированный по линии ЮЮВ–ССЗ. Погребальная камера была устроена из четырех массивных плит (рис. 24.-3). Ящик заполнен темным гумусированным песком с мелкими камнями. Костей человека и вещей не обнаружено.

Курган №20. Каменная насыпь размерами 8,6х7,4 м, высотой 0,7 м была сооружена из рваных камней и отдельных валунов. У южного края ее, под дерном, обнаружены фрагмент дна и 10 мелких обломков стенки грубого плоскодонного сосуда, изготовленного из глины с шамотом и растительной примесью (тесто плохо промешано) (рис. 25.-1). В центральной части кургана зафиксированы два скопления фрагментов глиняного сосуда, без орнамента, аналогичных вышеописанным (рис. 25.-2; 26).

В юго-западном секторе насыпи найден курант ладьевидной формы размерами 23,3х9,8х3,2–4,1 см из темно-серого плотного валунного песчаника (рис. 27.-1). Среди камней юго-восточной части кургана выявлен крупный фрагмент нижнего камня зернотерки, половина которого обнаружена в выкиде между курганами №19 и 20. Данное приспособление было сделано из темно-серого гранитного валуна размером 28х11,8х5,8 см (рис. 27.-2).

После снятия мелких камней наброски кургана обозначилась кольцевая выкладка размерами 6,6х6 м, сложенная из крупных скальных обломков преимущественно в два слоя. На уровне древнего горизонта, на площадке 1,4х0,6 м, вытянутой по линии ЮЮВ–ССЗ, встречены два скопления костей человека – обломки трубчатых и распавшиеся фрагменты тазовых, лежавшие таким образом, что можно предполагать положение погребенного головой на северо–северо-запад. Рядом с костями, с северной стороны, обнаружен развал из крупных камней, вероятно, представлявший разрушенный ящик, камни которого были мельче, чем обычно.

Курган №21. Располагался к юго-востоку от кургана №15 и почти соприкасался с ним (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 5,8 м, высотой 0,5 м от окружающей поверхности (0,8 м от УДГ) была сооружена из рваных камней и валунов. После снятия мелких камней выявилась кольцевая выкладка диаметром около 4,8 м, сложенная из крупных камней преимущественно в два слоя (рис. 28.-1-2). В центре ее на уровне древнего горизонта находился каменный ящик, имевший форму неправильного пятиугольника, близкого к квадрату, размерами 1,2х1,1 м, высотой до 0,55 м, ориентированный по линии ЮЮВ-ССЗ. Он был составлен из больших, поставленных на ребро плитообразных камней (рис. 28.-3).

В ящике находились обломки разбросанных костей, возможно, от скелетов двух человек (ребра, ключицы, трубчатые и др.). Из-за беспорядочного их расположения трудно определить позу и ориентировку погребенных. Однако, судя по фиксации костей черепа в северо-западном углу ящика, ключицы и обломков костей рук в западной половине погребальной камеры, а фрагментов бедренных костей в восточной половине сооружения, можно заключить, что один погребенный был уложен скорченно, головой на запад или северо-запад. Плохая сохранность и фрагментарность костей не дают возможности уверенно говорить о расположении другого скелета.

В юго-восточном углу ящика найден бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 29.-4), с асимметрично ромбической конфигурацией пера. С южной стороны у основания ящика встречены фрагменты грубого толстостенного сосуда баночной формы (рис. 29.-1-3). В тесте, из которого горшок изготовлен, фиксируются примеси крупного шамота и растительная добавка. Заполнение ящика состояло из темного гумусированного песка и мелких камней.

Выкладка №22 располагалась несколько к западу и как бы между курганами №16 и 17 (рис. 2). Она имела форму, близкую к округлой, размерами 2,4х2,2 м и была ограничена по периметру крупными рваными камнями. В центральной части в 1-2 слоя лежали мелкие камни (рис. 30.-1-2). В юго-восточной части сре-

ди камней выкладки найден уголек. Скорее всего, сооружение было связано с курганом №17 или со всем комплексом близлежащих объектов раннескифского времени.

Курган №23. Плоская насыпь диаметром 3,5 м, высотой 0,15 м от окружающей поверхности (0,25 м от УДГ) оказалась сложена преимущественно из небольших рваных камней. Два камня-плиты размерами 1,1х0,45х0,2–0,25 м и 1,3х0,32х1,1 м лежали под северной полкой кургана.

Прямоугольная могильная яма с закругленными углами размерами 1,35х1,05 м, глубиной 0,5 м от уровня материка и 0,6 м от древнего горизонта, с вертикальными стенками, была ориентирована по линии ЮВ–СЗ и находилась почти в центре кольцевой выкладки (рис. 31.-1–2). В ней зафиксирован каменный ящик в форме неправильного пятиугольника размерами 1,8х1,3–1,6 м, высотой до 0,6 м, сложенный из пяти вертикально поставленных плит и одной плитки-нащелины в северном углу (рис. 32.-1–2). Ориентирован он был так же, как и могильная яма.

Погребение разрушено. Перекрытие ящика из каменных плит скинуто при ограблении. Кости скелета перемешаны и находились в беспорядке. Позвонки и кости верхних конечностей концентрировались в северо–северо-западной части ящика. Сюда же были бедренные кости и одна берцовая. Вторая берцовая лежала в южной части ямы. Исходя из такого расположения костей, можно предположить, что погребенный был уложен с согнутыми ногами головой на северо–северо-запад или северо-запад. Вещи в могильной яме не обнаружены. При снятии насыпи, на древней поверхности, в 0,5 м к северо-запад от выкладки, найден скребок из кремня.

Выкладка №24 стояла отдельно в южной части некрополя (рис. 2). Объект неправильной подромбической формы размерами 2,2 х1,9 м, высотой 0,16 м от уровня окружающей поверхности (0,4 м от УДГ) был сооружен из рваных камней и валунов в 2–3 слоя (рис. 33). Выкладка ориентирована продольной осью по линии ЮЮВ–ССЗ. Находок нет.

Выкладка №25 также располагалась отдельно и была сильно задернована (рис. 2). На поверхности выступал вертикально ус-

тановленный камень высотой 0,38 м и с общими размерами 0,8х0,18–0,28 м. Стела стояла в южной части выкладки неопределимой формы, размерами 3,6х2,4 м. Объект состоял из одного слоя камней, лежавших не сплошь, а на некотором расстоянии друг от друга (рис. 34.-1–2). В средней части выкладки на УДГ найден фрагмент заготовки дисковидного жернова из серого гранита, который раскололся, по всей видимости, при сверлении (рис. 34.-3). Его размеры 28,5х16,5х6,5 см.

Возможно, выкладки №24, 25, 35 и 36 связаны между собой, так как они располагались рядом друг с другом по линии 3–В.

Курган №26 занимал промежуточное положение между двумя группами объектов (рис. 2). Его насыпь имела округлую форму диаметром около 5,5 м, высоту 0,35 м от окружающей поверхности (0,6 м от УДГ) и была сложена из рваных камней и валунов. После снятия мелких камней наброски выявилась округлая кольцевая выкладка размерами 3,7х4 м, сложенная из крупных камней, а также, вероятно, завалившийся каменный ящик. В восточной половине, близ центра, лежал большой камень размерами 1х0,85х0,20–0,25 м, возможно, от перекрытия ящика. Находок не обнаружено.

Курган №27. Округлая насыпь диаметром 5 м, высотой 0,35 м от окружающей поверхности (0,57 м от УДГ) была сооружена из рваных камней и валунов в 2–3 слоя. После снятия мелких камней обозначилась кольцевая выкладка размерами внутри 3,4х3,2 м, сложенная из более крупных камней в 2–3 слоя. В центре, на уровне древнего горизонта, стоял каменный ящик трапециевидной формы размерами внутри 0,82х0,2–0,5 м, высотой до 0,5 м, сложенный из четырех массивных каменных плит. Он был ориентирован по линии ЮЮВ–ССЗ. Перекрытие не сохранилось. Заполнение ящика состояло из гумусированного песка и мелких камней. Костей человека и вещей не обнаружено.

Рядом с насыпью кургана №27 найден фрагмент венчика сосуда баночной формы с гладкой темно-коричневой поверхностью. Изделие было выполнено из глины с примесью песка и орнаментировано вдоль венчика рядом ямок.

Курган №28. Округлая насыпь диаметром около 5,7 м, высотой 0,3 м от окружающей поверхности (0,45 м от УДГ) была сооружена в 2–3–4 слоя из рваных камней и валунов (рис. 35.-1–2). После снятия мелких камней наброски выявилась овальная кольцевидная выкладка размерами внутри 3,7х4,7 м, сложенная на уровне древней поверхности попеременно из крупных и мелких камней преимущественно в два слоя высотой около 0,3 м.

В центре зафиксирован каменный ящик размерами внутри 1,6х0,6 м, высотой до 0,3 м. Он был оформлен из шести массивных плитообразных камней и ориентирован по линии ЮВ–СЗ (рис. 35.-3). Заполнение ящика – темный гумусированный песок с мелкими камнями. Костей и находок вещей не встречено.

Курган №29. Округлая насыпь диаметром около 9 м, высотой до 0,9 м от окружающей поверхности (до 1 м от УДГ) сооружена из рваного камня и отдельных валунов в 3–5, а местами в шесть слоев (рис. 36.-1; 37.-2). После снятия мелких и беспорядочно лежавших камней обозначилась овальная кольцевая выкладка размерами внутри 7,7х6 м, шириной 0,3–0,5 м, высотой преимущественно 0,3–0,35 м. Она была сложена в основном в два слоя из крупных камней, иногда с добавлением мелких. В насыпи в разных частях встречены отдельные кости животных (лошади ?), разрозненные конские зубы (два коренных, один резец) и обломки глиняных сосудов (рис. 36.-1–2). Снаружи, у северного края кольца, найдены два фрагмента керамики – венчик, орнаментированный рядом жемчужин, и часть стенки. Черепки, плотные, гладкие, вылепленные из глины с примесью песка, имели следы нагара. В южной части насыпи встречены разрозненные фрагменты от грубо сделанного, гладкого горшковидного сосуда светло-коричневого цвета, изготовленного из глины с примесью шамота. Там же обнаружены втиснутые между камнями два диска жерновов от ручной мельницы (рис. 38, 39). Нижний, из серого мелкозернистого гранита, имеет диаметр 27,5 см, толщину 3,1 см, диаметр отверстия сверху – 3,8 см, снизу – 3,1 см. Верхний диск, из светло-серого гранита, оказался диаметром 27,8–28,5 см, с максимальной толщиной 4,5 см. Диаметр отверстия сверху 5,6 см, внизу – 4,5–5 см.

В центре кольца, на древнем горизонте, стоял каменный ящик неправильно-трапецевидной формы размерами внутри 1,1х0,95 м, высотой около 0,6 м, сложенный из пяти основных массивных плит толщиной 0,15–0,35 м и приставленных к ним снаружи с северной стороны двух плит, одной нащельной (толщиной около 0,1 м) и второй – массивной короткой (толщиной 0,2 м), прижимавшей ее (рис. 37.-1). Около юго-западного угла, прикрывая его, стояла еще одна плита длиной около 1 м. Погребальная камера была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ.

В юго-западном углу ящика и рядом лежали разрозненные фрагменты трубчатых костей человека, определить по которым положение и ориентировку погребенного не представляется возможным. Рядом с костями находились два светло-коричневого цвета фрагмента венчика от сосуда баночной формы, грубо сделанного из плохо промешанного теста с примесью шамота. Он был орнаментирован рядом ямок (рис. 37.-3, 4). На дне ящика, у западной стенки, встречена бронзовая пронизь для перекрещивающихся ремней узды (рис. 37.-5).

Курган №30. Округлая насыпь диаметром около 6,4 м, высотой 0,45 м от окружающей поверхности (0,6 м от УДГ) сооружена из рваных камней и отдельных валунов (рис. 40.-1–2). В ходе разборки насыпи обнаружилась овальная кольцевая выкладка размерами внутри 5,8х5,4 м, высотой до 0,3–0,4 м, которая была сложена из крупных рваных плитообразных камней (преимущественно в два слоя), поставленных на ребро и уложенных друг на друга. В центре кургана на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик размерами внутри 1,2х0,75 м, высотой до 0,5 м, ориентированный по линии ЮЮВ–ССЗ. Погребальная камера составлена из установленных на ребро четырех массивных плит (рис. 40.-3). С восточной стороны к нему были приставлены еще две плиты: одна (нащельная) длиной около 0,8 м, закрывавшая юго-восточный угол, и вторая длиной 1,08 м, подпиравшая восточную стенку.

В северо-западном углу ящика лежала плечевая (?) кость человека, без эпифиза, плохой сохранности, а у западной стенки – часть глиняного сосуда. Отдельные фрагменты керамики встре-

чены также в насыпи кургана у края юго-восточного сектора. Около уровня древнего горизонта найден обломок венчика сосуда баночной формы, вылепленного из глины с обильной примесью крупного песка и орнаментированного рядом ямок. У северо-восточного края кургана, на том же уровне, обнаружен фрагмент сосуда без орнамента, а около него три кости животного (лошади?). Еще одна подобная кость встречена в насыпи, у восточного края ящика (рис. 40.-1).

Курган №34, по всей видимости, составлял с курганом №29 микропечку (рис. 2). Насыпь размерами 6,7х5,6 м, высотой 0,2 м от современной почвы (0,5 м от УДГ) сооружена в основном из рваных камней (рис. 41.-1). На ее поверхности в отдельных местах просматривались плиты кольцевой выкладки, которая после разборки насыпи имела следующие параметры: внутренние диаметры от 5,4 до 5,9 м, высоту до 0,3 м. Кольцо-стенка выкладывалась преимущественно в два слоя (рис. 41.-2). В центре кургана, на древнем горизонте, находился каменный ящик размерами внутри 1,3х0,75 м, высотой 0,4 м (рис. 42.-1). Он состоял из пяти плит, поставленных на ребро, и был ориентирован по линии ЮВ–СЗ. При этом северо-западный торец образован двумя грубыми камнями-плитами.

В ящике лежали обломки трубчатых костей человека, смещенные с первоначального положения. Однако, судя по расположению берцовых костей в юго-восточной части ящика, а плечевых – в северо-западной, можно констатировать, что погребенный располагался головой на северо-запад. Три фрагмента костей зафиксированы за пределами ящика, на глубине 0,68 м от поверхности кургана (рис. 42.-1). В погребальной камере также найдены три зуба лошади, шесть мелких обломков стенки и один венчик от грубого, рыхлого сосуда баночной формы, вылепленного из глины с примесью растительности и шамота, с подобием валика вдоль края. В 0,5 м к юго-востоку от ящика, в насыпи, на глубине 0,68 м найден фрагмент от другого сосуда (плотного, гладкого, изготовленного из глины с примесью мелкого шамота).

Внутри кольца, у северо-западного края, на древней почве лежал обломок зернотерки (рис. 42.-2) размером 16,2х11,8 см, толщиной в изломе 2,6 см, в торце – 3,3 см. Орудие труда было сделано из темно-серого гранита и имело следы износа с обеих сторон.

Снаружи кольцевой выкладки, у юго-восточной части, под дерном, на древнем горизонте зафиксировано несколько мелких обломков кальцинированных костей (рис. 42.-1).

Выкладка №35 выявлена по выступающим из-под дерна отдельным камням. Она располагалась в 20 м к юго-западу от кургана №29 (рис. 2), имела неправильную форму размерами 1,6х1,2 м и состояла из одного слоя компактно лежавших камней. Рядом с выкладкой (преимущественно с востока) находились и другие камни без определенного порядка (рис. 43.-1). Находок нет.

Выкладка №36 неправильной формы размерами 2х1,9 м, высотой 0,2 м от окружающей поверхности (0,28 м от УДГ) была сложена в 1–2–3 слоя рваных камней (рис. 43.-2). Вокруг располагались отдельные камни, не образовавшие какой-либо конструкции. В раскопе ничего не обнаружено. Исследованный объект находился в 8 м к северо-западу от выкладки №35 (рис. 2).

Курган №38. Округлая насыпь диаметром 4,2 м, высотой 0,3 м от окружающей поверхности (0,4 м от УДГ) была сооружена из рваных камней в 2–3 слоя (рис. 44.-1, 3). После разборки мелких и беспорядочно лежавших скальных обломков выявилось кольцо диаметром внутри около 2,5 м, сложенное из ряда крупных камней. Почти в центре кургана находился каменный ящик, стоявший в ямке (глубиной 0,1 м от УДГ) на материковой щебенке. Погребальная камера (размерами внутри 0,5х0,45 м) была сделана из поставленных на ребро четырех плит высотой до 0,35 м и ориентирована по линии ЮВ–СЗ (почти ЗСЗ–ВЮВ) (рис. 44.-2). Заполнение каменного ящика представляло собой гумусированный песок с мелкими камнями. Костей человека и вещей не обнаружено.

Курган №39 находился в группе IV и, вероятно, составлял одну цепочку с аналогичными объектами №37, 38, 40, ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 2). Насыпь размерами 6,9х6 м, высотой 0,5–0,55 м от УДГ была сложена из рваных камней в 2–3–4 слоя (рис. 45). После снятия мелких и беспорядочно лежавших скальных обломков под южной полкой насыпи обозначилось полукольцо из крупных рваных камней. В этом полукольце лежали кости ног лошади, представлявшие, скорее всего, остатки шкуры коня. С севера к полукольцу примыкал ящик размерами внутри 1,5х0,8 м, высотой 0,5 м, сложенный на погребенной почве из четырех массивных плит и ориентированный по линии ЮЮВ–ССЗ (рис. 46). С северной и западной сторон ящик частично нарушен. В погребальной камере находились фрагменты костей человека в перемещенном состоянии. Можно лишь предполагать, что умерший лежал скорченно, головой на северо-запад.

Кости ног лошади частично сохранили анатомическое положение. Скорее всего, шкура животного передней частью была уложена на северо–северо-запад, в сторону ящика с захоронением человека. Погребение разграблено, вещей не обнаружено.

Курган №40. Округлая насыпь диаметром около 5,5 м, высотой до 0,5 м от окружающей поверхности (0,65 м от УДГ) была сооружена из рваных камней в 2–3 слоя (рис. 47.-1, 3). При разборке насыпи зафиксирована кольцевая выкладка диаметром внутри от 3 до 3,2 м, высотой 0,2–0,3 м, сложенная из крупных камней. В центре кольца на древнем горизонте стоял частично развалившийся каменный ящик размерами внутри 0,7х0,7 м, высотой до 0,6 м, составленный из четырех плит. С северо-восточной стороны лежал большой камень от перекрытия погребальной камеры (рис. 47.-2, 3), который, очевидно, был сдвинут при ограблении. Заполнение ящика представляло собой гумусированный песок с мелкими камнями. Находок не обнаружено.

Курган №41. Насыпь размерами 8,4х8 м, высотой 0,45–0,5 м от уровня окружающей поверхности (0,76 м от УДГ) была сооружена из рваного камня (рис. 48). При разборке наброски обозначилась кольцевая выкладка диаметром внутри от 6 до 6,6 м,

высотой до 0,35–0,4 м, сложенная из крупных камней в 2–3 слоя. В центре ее зафиксирована подпрямоугольная яма размерами 1,55x1,15 м, глубиной 0,75 м от древнего горизонта. Она ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ. На дне ямы стоял каменный ящик размерами внутри 1,2x0,7 м, высотой до 0,75 м, сложенный из поставленных на ребро пяти основных плит и одной нащельной с северо–северо-западной стороны (рис. 49). Сверху ящик был перекрыт поперек каменными плитами, которые при ограблении оказались перемещены. На дне погребальной камеры в беспорядке лежали ребра и трубчатые кости человека. Можно лишь предположить, что умерший находился в скорченном состоянии и был ориентирован головой на северо-запад. Вещи не обнаружены.

С юго-восточной стороны могильной ямы на древнем горизонте стояли две прислоненные друг к другу плиты. Подобная же картина наблюдалась в кургане №34, где большая вертикальная плита ограничивала с юго-восточной стороны край каменного ящика, установленного на уровне древнего горизонта. Заполнение ямы и ящика состояло из камней и гумусированного грунта.

Выкладка №43 подпрямоугольно-овальной формы размерами 6,3x5,5 м, высотой до 0,38 м после зачистки представляла собой разрозненные скопления валунов и крупных рваных камней (рис. 50). Под ними находился нетронутый грунт погребенной почвы и материкового гравия. Данный объект условно отнесен к раннескифскому времени, как и некоторые другие подобные сооружения.

Курган №44. Округлая насыпь диаметром 4,4 м, высотой 0,4 м была сооружена из валунов и рваных камней. По ее периметру хорошо фиксировалась кольцевая выкладка, частично разрушенная с северо-восточной стороны (рис. 51.-1). Внутренний диаметр кольца составлял 3,4 м, высота – 0,22 м. Стенка сложена на древнем горизонте в 1–3 слоя. Каменный ящик размерами внутри 0,46x0,45 м, высотой 0,34 м, ориентированный по линии ЮВ–СЗ, стоял в центре кургана на УДГ (рис. 51.-2, 3). Он был сделан из четырех грубых необработанных плит. Стенки

ящика снаружи зафиксированы приваленными камнями. Заполнение погребальной камеры представляло собой гумусированный грунт с небольшими камнями. Погребение разграблено. Ни вещей, ни костей не сохранилось.

Курганы №45, 51 представляли единый комплекс, включавший погребение человека (№51) и захоронение лошади (№45). Объекты находились в центре группы IV изучаемого памятника (рис. 2). Курган №51, вероятно, входил в цепочку из трех сооружений (№46, 47, 51), вытянутую по линии ЗЮЗ–ВСВ, и был окружен более мелкими насыпями.

Выкладка №45 с конским захоронением оказалась вплотную пристроена к кургану №51 с юго-восточной стороны. Овальная насыпь размерами 4,2х3,8 м, высотой 0,25 м состояла из беспорядочно набросанных рваных скальных обломков и валунов (рис. 52). У северо-восточного края насыпи, вплотную к юго-западной стене кургана №51, стояла небольшая каменная стела, возвышавшаяся над древней поверхностью на 0,4 м (ширина 0,18 м, толщина – 0,14 м, вкопана в грунт на 0,2 м). По периметру насыпи прослеживалось овальное кольцо размерами 3,5х2,7 м, высотой 0,2 м, вытянутое с юго-востока на северо-запад и сложенное в один слой из крупных камней (рис. 52; 53.-1). В центре кольца располагалась овальная яма с наклонными стенками размерами 2,47х1,59 м (на уровне материка), 1,7х1 м (у дна), глубиной 0,9 м от древнего горизонта, ориентированная по линии ЮВ–СЗ (рис. 52; 53.-1). Заполнение ее представляло собой коричневую супесь с камнями. На дне ямы лежал костяк лошади. Животное находилось на левом боку с подогнутыми ногами, черепом на северо-запад (рис. 53.-2). Детали конского снаряжения не обнаружены.

Уплощенная насыпь кургана №51 диаметром 11 м, высотой 0,8 м состояла из беспорядочно набросанных рваных камней и валунов (рис. 54). По периметру сооружения в отдельных местах проглядывали камни белого мрамора. У северо-западного края кургана лежала упавшая стела длиной 1,4 м (в сечении 0,4х0,2 м). Внутри насыпи, по ее периметру, зафиксировано кольцо с диаметром внутри 9,3 м, высотой 0,25–0,3 м, сложенное

преимущественно в 1–2 слоя более крупных камней (рис. 55). В структуре кольца и с внешней его стороны встречены плитки белого мрамора, принесенные с вершины близлежащей горы.

В центре кургана, на древней поверхности, находилась полуразрушенная грабительским раскопом погребальная камера в виде цисты овальной формы размерами внутри 2,3х0,9 м, ориентированная по линии Ю–С и сложенная некогда из крупного камня в несколько слоев (рис. 55). К моменту раскопок сохранилась нижняя часть кладки (высотой до 0,45 м) в 1–2 слоя камней, уложенных друг на друга. Верхние слои были выброшены наружу и лежали на поверхности насыпи. В южной части цисты найдены беспорядочно разбросанные фрагменты костей рук и ног человека (рис. 55).

Курганы №46 и 50 входили в вышеупомянутую цепочку сооружений №46, 51, 47, замыкая ее с западной стороны (рис. 2). В кургане №46 находилось погребение человека, а в выкладке №50 – сопутствующее ему захоронение лошади (рис. 56 и 57).

Курган №46 имел округлую насыпь диаметром 7,3 м, высотой 0,42 м, сооруженную из беспорядочно набросанных рваных скальных камней и валунов. По периметру, на древнем горизонте, прослеживалось кольцо диаметром 5 м, высотой 0,2–0,25 м, составленное из уложенных вплотную друг к другу более крупных уплощенных камней в один, а иногда в два слоя. В северной части кольца имелся разрыв длиной 0,84 м, обрамленный у концов кольца более массивными камнями (рис. 57.-1), которые образовывали своеобразные ворота входа-выхода с севера в пределы или из пределов ограниченного кольцом ритуального пространства. Погребальной камеры внутри кольца не прослежено. Возможно, как и в кургане №51, это была каменная циста, сложенная на древнем горизонте и разрушенная при ограблении.

С юго-восточной стороны к кольцу примыкал овальный курган (№50) с конским захоронением (рис. 56.-1; 57.-1). Его насыпь размерами 3,1х3 м, высотой 0,2 м состояла из беспорядочной наброски камней в один слой, т.е. фактически являлась вымосткой, как в вышеописанной выкладке №45 с захоронением коня комплекса №45/51. Под камнями наброски – овальная могильная яма с наклонными стенками размерами 2х1,4 м (на

уровне материка), 1,6х1 м (у дна), глубиной 0,85 м от древнего горизонта, ориентированная продольной осью ЮВ–СЗ, т.е. в сторону центра кургана №46 с захоронением человека. На дне ямы, на левом боку лежал костяк лошади с подогнутыми ногами (рис. 57.-4), грудью на северо-запад, без черепа, который, возможно, не сохранился. В месте, где должна была бы находиться голова коня, у северо-западной стенки ямы, обнаружена костяная подвеска в виде стилизованной головы «грифо-барана (?)» (рис. 57.-3), покрытая окислами бронзы. Там же зафиксирован и частично сохранившийся роговой псалий (рис. 57.-2), который первоначально был трехдырчатым (часть с третьим отверстием обломана).

Курган №47 замыкал с востока цепочку объектов №46, 51, 47 (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 5,8 м, высотой 0,4 м состояла из беспорядочно набросанных скальных камней и валунов. По периметру в насыпи находилось множество белых мраморных плиток (рис. 58.-1).

После выборки мелких камней выявлено кольцо с диаметром внутри 4,2 м, высотой 0,26 м, сооруженное из массивных, уложенных плотно друг к другу камней в 1–2 слоя (рис. 58.-3). В северо-восточной части кольца поверх нижнего слоя камней располагалась большая белая мраморная плита.

В центре кольца на древнем горизонте сохранился полуразрушенный ящик из вертикально поставленных плит. Лучше сохранились его северо-восточная и юго-восточная стенки (рис. 58.-2, 3). Внутренние размеры сохранившейся части камеры 0,8х0,5 м, высота 0,4 м, ориентация по линии ЮВ–СЗ. Погребение разграблено. Ни костей, ни вещей не обнаружено.

Курган №48 является первым с востока из пяти объектов в цепочке, ориентированной по линии ЗЮЗ–ВСВ и параллельной описанной группе сооружений №46–51, 47 (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 5,6 м и высотой 0,58 м представляла собой наброску из камней и валунов (рис. 59.-1). По ее периметру местами проглядывали куски белого мрамора. Вплотную, у юго-восточной полы кургана, находился вертикально установленный камень, который возвышался над древним горизонтом на 0,35 м.

Остальная часть была вкопана в грунт. Общая длина небольшой стелы составила 0,6 м.

После выборки камней по периметру насыпи обозначилась кольцевая выкладка с внутренним диаметром 3,8 м и высотой 0,25 м (рис. 59.-2). Ее выложили из крупных, подогнанных вплотную друг к другу камней в 1–2 слоя (рис. 59.-3). В северо-восточной стенке кольца располагались две массивные плиты из белого мрамора. С внешней стороны выкладки, по ее периметру, под камнями насыпи лежало множество небольших плиток из белого мрамора.

К северо-востоку от стелы, на уровне древнего горизонта, найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики (рис. 59.-2). Погребальной камеры не обнаружено. Под курганом шел нетронутый грунт.

Курган №49 находился в 2 м к западу от предыдущего объекта (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 6,2 м, высотой 0,7 м сооружена из беспорядочно набросанных скальных камней и валунов (рис. 60.-1). В ее полах встречались плитки белого мрамора. После выборки мелких и других камней по периметру насыпи на древнем горизонте обозначилась кольцевая выкладка с внутренним диаметром 4 м, высотой 0,2–0,25 м. Она была сложена из массивных камней в 1–2 слоя с включением большого количества плит белого мрамора (рис. 60.-2–3). Под насыпью шел нетронутый грунт. Скорее всего, в центре стоял каменный ящик, разрушенный при ограблении.

Курган №52 находился в западном конце цепочки за объектом №1, исследованном экспедицией ГАНИИИЯЛа в 1980 г. Округлая насыпь диаметром 10,5 м, высотой 0,9 м была сооружена из беспорядочно набросанных рваных скальных камней и валунов (рис. 61.-1–2). На ее периферии попадались плиты белого мрамора. С юго-востока к насыпи примыкала овальная вымостка из одного слоя камней размерами 3,1х2 м, высотой 0,25 м, ориентированная по линии ЮВ–СЗ (рис. 61.-1). Под ней шел нетронутый грунт.

После выборки мелких камней внутри насыпи, по ее периметру, на древнем горизонте выявлена кольцевая выкладка диаметром внутри 8,5 м, высотой 0,2–0,25 м, сложенная из массив-

ных камней в 1–2 слоя (рис. 62). В юго-восточной части его находилось несколько плит белого мрамора.

В 2 м к северу от центра кольца, на древнем горизонте лежали три фрагмента трубчатых костей ног человека. Это свидетельствует о том, что на уровне погребенной почвы стоял каменный ящик, который был полностью разрушен при ограблении. Очевидно, от него происходили крупные плитообразные камни, встреченные при зачистке на поверхности насыпи.

Курган №54 находился в западном конце цепочки сооружений №54–56, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 2). Вероятно, к этой же группе относится объект №53, примыкавший с запада и оставшийся нераскопанным (рис. 2). Курганы №54 и 55 располагались в непосредственной близости (рис. 63.-1).

Диаметр кургана №54 составлял 5 м, а высота от УДГ была 0,7 м. Насыпь оказалась сложена из беспорядочно набросанных серых рваных камней и валунов. В северо-восточной поле отмечен белый мрамор, взятый с вершины близлежащей горы. После снятия мелких камней по периферии насыпи выявлено кольцо диаметром внутри 3,1 м, высотой 0,7 м, сложенное на древнем горизонте в 3–4 ряда из более крупных плитообразных камней (рис. 63.-2; 64). Внутри кольца, ближе к его западной стороне, на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик размерами внутри 0,65х0,56 м, высотой 0,4 м, ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ и составленный из четырех плит (рис. 64). Вокруг ящика на древнем горизонте лежали белые плитки мрамора. Заполнение ящика состояло из земли и мелких камней. Погребение разграблено.

Курган №55. Округлая насыпь диаметром 5,2 м, высотой 0,6 м образована беспорядочной наброской серых рваных камней и валунов. В структуру западной и юго-восточной полы включено несколько камней белого мрамора (рис. 63.-1, 3). Вплотную у западной полы стоял небольшой вертикальный камень-стела высотой от древнего горизонта 0,28 м (рис. 63.-1). После выборки мелких камней по периферии насыпи выявлена кольцевая выкладка диаметром внутри 3,4 м, высотой 0,5 м, сооруженная из более крупных плитообразных камней в 3–4 слоя (рис. 63.-3; 64). Поверх северной и юго-восточной стенок нахо-

дилось несколько плиток белого мрамора. Такими же плитками выложено на УДГ внешнее пространство по периметру кольца (рис. 64). В центре кольца на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик размерами внутри 0,66х0,45 м, высотой 0,42 м, сложенный из четырех вертикально поставленных плит и ориентированный по линии ЮВ–СЗ (рис. 64). От перекрытия сохранилась одна горизонтально лежащая плита. Ящик был заполнен землей и мелкими камнями. Снаружи у западного угла и северо-западной стенки ящика на уровне древнего горизонта обнаружено несколько фрагментов лепной керамики темно-коричневого цвета, плотной, без орнамента. Погребение разграблено.

Курган №56 располагался в той же цепочке, в 2 м восточнее предыдущего объекта (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 7 м, высотой 0,7 м оказалась сложена из беспорядочно набросанных рваных скальных камней серого цвета (рис. 65.-1). Среди камней южной полы зафиксирована кость животного. По периметру насыпи располагалась кольцевая выкладка диаметром 4 м (внутри) и высотой 0,35 м. Она была сложена из крупного плитообразного камня в 2–3 слоя. В юго-западной и восточной стенках отмечено нескольких плиток белого мрамора (рис. 66). Две такие же белые плитки лежали снаружи с юго-западной и юго-восточной стороны.

В центре кольца на уровне древнего горизонта стоял каменный ящик размерами внутри 0,9х0,6 м, высотой до 0,45 м, ориентированный по линии ЮВ–СЗ. Он был сложен из четырех массивных вертикально поставленных плит (рис. 65.-2; 66) и внутри заполнен землей и мелкими камнями. От перекрытия сохранилось несколько небольших плит, упавших в погребальную камеру. Погребение разграблено.

Курган №57 вместе с объектами №58, 59 и еще с двумя нераскопанными насыпями входил в цепочку сооружений, которая шла параллельно вышеописанной группе (№53–56) и располагалась примерно в 20 м к северу от нее (рис. 2). Курган №57 находился в 19 м к северо–северо-востоку от предыдущего, в восточной части цепочки. Округлая насыпь диаметром 7 м, высотой 0,7 м была сложена из беспорядочно набросанных серых рваных скальных камней и валунов (рис. 67.-1). В полы кургана вклю-

жены отдельные плитки белого мрамора (на всех рисунках они отмечены черным цветом).

По периферии насыпи на древнем горизонте располагалась кольцевая выкладка диаметром внутри 3,7 м, высотой 0,7 м (рис. 67.-2; 68). Она была сложена в 2–3 слоя из более крупного камня с включением в западную и северную стенки белых мраморных плит. Такими же плитками выложен внешний периметр кольца (рис. 68). В центре кольца на уровне древнего горизонта находился каменный ящик размерами внутри 0,9х0,85 м, высотой 0,55 м, составленный из пяти массивных, вертикально установленных плит (северо-западная стенка состояла из двух плит, ориентированных по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 68)). Ящик оказался заполнен землей и мелкими камнями. Погребение разграблено. Пространство вокруг ящика было выложено белыми мраморными плитками, образующими своеобразную вымостку на УДГ. У северо-западного угла ящика, снаружи, найдены фрагменты костей животных (рис. 68).

Курган №58 располагался в 24 м к западу от предыдущего объекта, на северной периферии рассматриваемой IV группы сооружений (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 4,5 м, высотой 0,44 м устроена из беспорядочно набросанных серых скальных камней с включением в южной половине нескольких плиток белого мрамора (рис. 69.-1). Под насыпью шел нетронутый грунт (рис. 69.-2).

Курган №59 стоял в 7 м к западу от предыдущего объекта, в начале цепочки (рис. 2). Округло-аморфная насыпь диаметром 4,7 м, высотой 0,36 м сделана из рваных камней с равномерным включением в ее структуру плиток белого мрамора (рис. 70.-1). У северо-северо-западной полы вертикально стояла небольшая каменная стела высотой 0,6 м от уровня древнего горизонта. Под насыпью обнаружен нетронутый грунт (рис. 70.-2).

1.2. Общая характеристика изученного комплекса

На памятнике Кызык-Телань-I раскопана серия различных объектов раннескифского времени. Насыпи каменных курганов имели диаметр от 3,3 до 11 м (обычно 5–7 м), высотой от 0,4 до 1 м от уровня погребенного горизонта (чаще 0,5–0,7 м). Они бы-

ли сделаны из рваного камня и небольшого количества речных валунов, уложенных в несколько слоев (до пяти). Под полами курганов, по периметру и на уровне древнего горизонта, обычно располагалась кольцевая выкладка, сооруженная из более крупных, чем сама насыпь, рваных камней, в 2–3, а иногда в четыре слоя. Диаметр данной конструкции был несколько меньше размеров наброски и колебался в пределах от 2,5 до 8,5 м (чаще 4–6 м). Ширина составляла 0,4–0,6 м, а высота, зафиксированная в ходе раскопок, оказалась 0,25–0,4 м, хотя у некоторых объектов достигала 0,7 м (например, курганы №54 и 57). Кольцевые выкладки представляли собой крепиды-стенки, ограничивавшие курганы, которые имели своеобразную «подцилиндрическую» форму. В ходе грабительских проникновений и с течением времени камни верхних слоев кладки переместились вниз, а насыпь постепенно приобрела современный вид. Не исключено также, что для большей устойчивости колец-стенок снаружи к ним приваливали более мелкие камни, а также выкладывали снаружи по периметру подобие вымосток. На это могут указывать зафиксированные плитки белого мрамора. Отдельные такие камни строители погребальных сооружений включали также в структуру кольцевых конструкций или укладывали в насыпи, преимущественно на уровне древней поверхности, вокруг каменных ящиков, возведение которых предшествовало оформлению насыпи, но могло производиться и одновременно с устройством крепиды кургана.

Очевидно, что назначение кольцевой выкладки не ограничивалось фиксацией камней насыпей в обозначенных пределах. Они, вероятно, подобно ровикам степных курганов (Могильников, 1992, с. 299), имели также культовое значение, отделяя мир мертвых от мира живых. Такой функцией может объясняться наличие в кольце разрыва, как, например, в северной части кургана №46. Своеобразные «ворота» шириной 0,84 м были обрамлены более крупными камнями. Разрывы в крепиде-стенке прослеживались также в курганах №11, 16, 38, 44 и 51. При этом такой проход в кольце кургана №51 был с юго-восточной стороны и оказался направлен в сторону выкладки, под которой зафиксировано сопроводительное захоронение лошади (рис. 55).

Подобные ворота и разрывы в кольцах прослежены на некоторых других памятниках Алтая раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997; Могильников, Суразаков, 1994, с. 39; и др.). В соседних с Кызык-Теланью курганах комплекса Кор-Кобы-1 в кольцевидных выкладках под отдельными насыпями (№12 и 26) находились проходы шириной до 2,5 м (Суразаков, 1990, с. 62; Марин, Суразаков, 1992, с. 57, 58, рис. 3 и 8). Аналогичным образом ровики степных и лесостепных культур Западной Сибири (каменской, саргатской) также обычно имеют разрывы-ворота, отмеченные иногда расширениями у концов и следами жертвоприношений в виде костей животных и черепов лошади (Могильников, 1992, с. 299, табл. 125.-8; Могильников, Телегин, 1992, рис. 1; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 24–25; и др.).

В известной мере кольцевые выкладки-крепиды под насыпями могут быть соотнесены также с оградами херексуров Монголии, часть которых также имеет проходы. В таком случае каменная наброска вокруг ящика или цисты была довольно высокой, а между оградой и насыпью имелся коридор, который мог сообщаться с наружным пространством через «ворота», устроенные в кольцевидной выкладке. В какой-то степени близкие конструкции в виде надмогильной платформы и ограды вокруг нее с крепидой представлены в плиточных могилах Забайкалья и Монголии (Цыбиктаров, 1989, с. 5; 1998). Правда, следует отметить, что в отличие от округлых кызык-теланьских выкладок сооружения плиточных могил имели прямоугольную форму, что отражало, вероятно, различия представлений о строении вселенной.

В настоящее время рассматриваемые конструкции отмечены на всех памятниках бийкенской культуры Горного Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005). Многоплановая интерпретация кольцевых стенок-выкладок и крепид в курганах раннескифского времени, символизирующих жилище, защиту и опору, а также отражающих комплекс мировоззренческих представлений и практических решений, дана в нескольких публикациях одного из авторов монографии (Тишкин, 1996а–б; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, Леонова, 2005; и др.).

Выкладки. Данная категория сооружений выделена на основе ряда ниже представленных особенностей. В отличие от насыпей курганов, имевших округлую форму и сложенных из нескольких слоев камней, выкладки были обычно сделаны из равного камня, иногда с включением валунов, в один слой и имели нерегулярную или подовальную форму. Правда, в объектах №22 прослеживалось до двух, а в №24 и 36 – до двух-трех слоев камней. Размеры выкладок от 1,6х1,2 (№35) до 6,3х5,5 м (№43), высота от уровня погребенного горизонта колебалась в пределах 0,28–0,42 м. Объект №22 был огражден по периметру более крупными камнями. Планиграфически рассматриваемые сооружения находились по соседству с курганами раннескифского времени, но вне расположения микроцепочек (рис. 2).

Под выкладками шел нетронутый грунт. На древнем горизонте следы устройства погребальных камер также отсутствовали. При снятии выкладки №13 в центре и у западного края на погребенной почве найдено несколько фрагментов керамики без орнамента, в том числе венчик с отогнутым краем. Между камнями выкладки №22 встречен уголек, а в средней части кургана №25 (со стелой) встречен фрагмент заготовки дисковидного жернова из серого гранита размерами 28,5х16,5х6,5 см, расколовшейся при сверлении. В четырех объектах никаких находок не обнаружено.

Назначение выкладок не совсем ясно. Возможно, их устройство связано с поминальным культом, на что указывают найденные фрагменты керамики, уголек, заготовка жернова и стела. Не исключено, что часть выкладок, особенно со стелами, могла представлять курганы-кенотафы. Не менее вероятным представляется интерпретация некоторых подобных сооружений в качестве жертвенников. Аналогичные ритуальные объекты зафиксированы на памятниках раннескифского времени Бийкенского археологического микрорайона (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 117; Тишкин, Леонова, 2005).

Особое место занимают выкладки №45 и 50, содержавшие сопутствующие захоронения лошадей у курганов №51 и 46. Они располагались с юго-восточной стороны от объектов, в которых были погребены люди. Данный характерный тип сооружений

раннескифского времени Горного Алтая, наряду с другими (Киришин, Тишкин, 1997, с. 44–49), можно условно обозначить как «кызык-теланьский» (Тишкин, 1996б, с. 11).

Захоронения коней произведены в овальных ямах, ориентированных длиной осью по линии ЮВ–СЗ, глубиной 0,85 и 0,9 м от уровня древнего горизонта. Лошади в них, подобно погребенным людям, лежали на левом боку с подогнутыми ногами головой на северо-запад, в сторону соответствующего кургана. Размеры ям с наклонными стенками на уровне материка были следующими: 2,47х1,59 и 2х1,4 м, а у дна соответственно – 1,7х1 и 1,6х1 м.

Подобные выкладки с сопроводительными конскими захоронениями, расположенными с юго-восточной стороны от кургана с погребением человека, исследованы на отдельных некрополях Алтая раннескифского времени: Айрыдаш-I (Суразаков, Чевалков, 1988), Солонечный Белок (Адрианов, 1916, с. 20–29) и др. Возможно, сопутствующими захоронениями были две лошади под полуразрушенной выкладкой, зафиксированной на памятнике Черный Ануй-I (Молодин, Петрин, 1985, с. 69, рис. 10.-2; 11). Важным, на наш взгляд, является то, что у выкладки №45 (рис. 52) с захоронением лошади на Кызык-Телане-I, как и на памятнике Айрыдаш-I (Суразаков, 1990, с. 198), рядом был установлен вертикально вкопанный камень, несомненно, выполнявший роль коновязи. Небольшие стелы отмечены у курганов бийкенской культуры на многих памятниках Алтая (Тишкин, 1996а; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 114).

Погребальные камеры, ориентация и положение умерших людей. Из общего числа исследованных курганов раннескифского времени в большинстве зафиксированы погребальные камеры в виде ящиков, которые были сооружены из грубых плит, вертикально поставленных на уровень древнего горизонта. В трех объектах (№20, 49, 52) ящики оказались разрушены и имели вид развалов. Среди рассматриваемых курганов есть объект №38 с аналогичной погребальной камерой, установленной в неглубокую (0,1 м) ямку. Обнаружены два ящика, расположенные в могилах таким образом, что их перекрытие из каменных плит лежало на уровне древнего горизонта (№23 и 41). Подобная ситуа-

ция отмечена и на памятнике Айрыдаш-IV (Кочеев, 2000). Имеются два кургана (№46 и 51) с сопутствующими захоронениями лошадей под отдельными выкладками и с погребениями людей в цистах, сложенных из нескольких слоев камней на древней поверхности. Отметим объект с погребением в грунтовой яме без ящика (№18). Один курган (№7) с детским захоронением на древнем горизонте оказался без следов погребальной камеры. В трех сооружениях (№48, 58, 59) под каменной насыпью шел нетронутый грунт. В них не было ни ямы, ни ящика, вообще никаких следов погребения.

Каменные ящики подпрямоугольной или трапезиевидной формы сложены из установленных вертикально на ребро крупных необработанных или грубо обколотых четырех, пяти или шести плит (количество зависело от величины плит и от размеров ящиков). Торцовую стенку ящика образовывала обычно одна плита, продольную – одна или две. При наличии большого зазора между плитами снаружи устанавливали дополнительную плиту-нащелину таким образом, чтобы ящик представлял собой замкнутую камеру. Сверху рассматриваемые сооружения перекрывались каменными плитами, которые почти все сброшены с первоначального места при ограблении. Размеры ящиков рассчитаны на одного погребенного человека, уложенного скорчено и на боку. Однако по величине и пропорциям ящики сильно варьировали, колеблясь в размерах от 0,46x0,45 (курган №44), 0,5x0,45 (курган №38) до 1,2x0,7 (курган №17), 1,2x1 (курган №21), 1,4x1 (курган №26), 1,6x0,6 м (курган №28). В последнем случае можно предполагать положение умершего человека вытянуто на спине или на боку с подогнутыми ногами. Однако кости погребенного не сохранились и уверенно об этом говорить нельзя. Большие размеры, 2,3x0,9x0,45 м, имела также циста в кургане №51, сложенная из нескольких слоев камней. Подобная погребальная камера в кургане №46 оказалась разрушена, и точные размеры ее не удалось зафиксировать.

Высота каждого из ящиков зависела от размера используемых и вертикально поставленных плит и колебалась в пределах 0,3–0,75 м.

После оформления погребальной камеры и сооружения концевой выкладки возводилась насыпь из камней, высота которой была близка высоте ящиков. Вследствие этого верхние края плит ящиков часто хорошо просматривались на поверхности курганов. Примечательно, что погребения в наиболее крупных каменных ящиках (курганы №17 и 39) сопровождалось захоронением «шкуры» лошади, которая зафиксирована в дополнительно пристроенных сооружениях: в ящике или в полукольце. В обоих случаях имитация коня обнаружена с юго-восточной стороны ящика с умершим человеком, т.е. размещалась «в ногах» его. Погребения в цистах курганов №46 и 51 сопровождалось захоронениями лошадей под отдельными выкладками (объекты №45 и 50), которые также оказались пристроены к основным насыпям с юго-восточной стороны, а туши коней передней частью были ориентированы по направлению к ногам человека. Аналогичным образом лежали «шкуры» лошадей в курганах №17 и 39. Следует указать, что обозначение «шкура» используется в данной работе с известной степенью условности, поскольку в рассматриваемых захоронениях представлены только кости ног животных. Останки черепов отсутствовали. Возможно, они не сохранились. Однако не исключено, что их просто не было. Подобная ситуация отмечена при исследовании памятника Бийке (Тишкин, 1996а), а также других объектах бийкенской культуры (Кирюшин, Тишкин, 1997). Погребение человека в каменном ящике в сопровождении костей ног и фрагментов черепа лошади («шкуры»?) в пристроенном сооружении представлено на комплексе Семисарт-I (Марсадолов, 1981б, с. 195), что по характеру ритуала почти идентично ситуации в кургане №17 памятника Кызык-Телань-I. Возможно, с остатками шкуры связаны несколько поломанных конских костей, обломки черепа и зубы в кургане-кольце №42 могильника Кок-Су-I на Южном Алтае, что сопровождалось уздечкой (удила с псалиями, пронизка) и седлом (пряжки) (Сорокин, 1974, с. 75, 79, рис. 2.-1-6). Данные обстоятельства также указывает на имитацию захоронения коня. С другой стороны, как остатки тризны расцениваются Л.С. Марсадоловым (1981а, с. 18) кости ног и черепа лошади, обнаруженные в почвенном слое к западу от кургана №9 на могильнике

Усть-Куюм. Аналогичным образом рассматривает М.П. Грязнов (1980, с. 44–45) подобные находки под округлыми выкладками, располагавшимися вокруг кургана Аржан в Туве. В данных случаях фиксируемые останки животных не имитировали сопровождающее захоронение коня.

Все курганы содержали по одному погребению человека. Большинство ящиков из вертикально поставленных плит было ориентировано по линии ЮВ–СЗ. Четыре таких сооружения располагались продольной осью по направлению ЗСЗ–ВЮВ. Всего с ориентацией в северо-западный сектор (с некоторыми отклонениями) устроены 24 ящика. Погребальная камера кургана №40 имела почти квадратную форму и была оформлена стенками по сторонам света. Ящик кургана №1 оказался ориентирован по линии ЮЗ–СВ. Три ящика в курганах №26, 49 и 52 зафиксированы разрушенными, поэтому ориентация их достоверно не установлена. Тем не менее стоит предполагать, что погребальные камеры были устроены так же, как и в остальных объектах. Аналогично по линии ЮЮВ–ССЗ выкопана грунтовая яма в кургане №18, содержащая останки человека без каменного ящика. В том же направлении ЮВ–СЗ ориентированы ямы с сопутствующими захоронениями лошадей под выкладками №45 и 50. Кони в них лежали грудью на северо-запад, в направлении погребенного, к которому они были приурочены (объекты №51 и 46). Циста в кургане №51 оказалась вытянута по линии Ю–С. Ориентация аналогичной конструкции в кургане №46 достоверно не установлена из-за разрушения ее при ограблении. В целом направления ЮВ–СЗ и ЮЮВ–ССЗ являются господствующими для всех типов погребальных камер, кроме цисты кургана №51, ориентированной продольной осью строго по линии Ю–С.

Кости погребенных людей сохранились в 15 ящиках (включая цисты) и в обоих могильных ямах курганов №18 и 41. В основном это были разрозненные фрагменты, перемещенные при ограблении. В 14 ящиках части скелета человека вообще не обнаружены, что объясняется как проникновением в погребальную камеру, так и особенностью расположения умершего вблизи уровня древней поверхности, что способствовало быстрому разложению останков. Поскольку непотревоженных захоронений

раннескифского времени в Кызык-Телани не сохранилось, судить об ориентации умерших людей приходится на основании взаиморасположения костей верхней и нижней частей скелетов в разных частях погребальных камер, а также по другим косвенным показателям.

Исходя из исследовательской практики, в большинстве случаев фиксация костей (даже в разграбленных курганах) и другие сведения (погребальная камера, лошади, стелы и т.д.) позволяют судить о более или менее достоверной ориентировке умершего (Тишкин, 1996а; Кирюшин, Тишкин, 1997). Сложнее решить вопрос о положении погребенного (на левом или правом боку), о чем на рассматриваемом материале можно говорить только предположительно, привлекая материалы синхронных, культурно и территориально близких памятников. О скорченной позе захороненных людей свидетельствуют вышеупомянутые размеры ящиков, малая величина которых исключает возможность вытянутого положения, кроме отмеченных единичных случаев.

На основании найденных костей верхней части человеческого скелета преимущественно в северо-западной половине ящиков (девять случаев) можно говорить о положении погребенных скорченно на левом (?) боку головой на северо-запад (с небольшими отклонениями). Положение головой на запад или северо-запад констатируется еще в одном случае (курган №21). В пяти курганах из-за полной перемешанности костей ориентация умерших не устанавливается. В одном кургане (№18) погребение совершено в овальной яме с наклонными стенками размерами на уровне материка 2,7х2,5 м (у дна – 2,4х1 м), глубиной 0,6 м от уровня древнего горизонта. Грунтовая яма, ориентированная по линии ЮЮВ–ССЗ, была заполнена камнями с суглинком и щебенкой. Погребение разграблено. Кости скелета перемешаны, но, судя по расположению берцовых костей в юго-восточной части ямы, погребенный был уложен на левом боку скорченно, головой на северо–северо-запад, что сближает его позу и ориентацию с аналогичными показателями с захоронениями в каменных ящиках. Вещей в этом погребении не обнаружено, но напротив юго-западного края насыпи, в 1,3–1,5 м от

кольца, под дерном лежал «оленный» камень (как и в соседнем кургане №17).

Зафиксированные погребения раннескифского времени оказались индивидуальными. Только в каменном ящике кургана №21, по-видимому, находилось парное захоронение. Оно располагалось в ящике, имевшем форму неправильного пятиугольника, близкого к квадрату размерами 1,2х1,1 м, высотой 0,55 м. Погребальная камера была ориентирована по сторонам света и сложена из пяти больших плитообразных вертикально поставленных камней, а также еще одного камня несколько меньшей величины, прикрывавшего северо-восточный угол. Погребение ограблено. В ящике находились разбросанные кости двух (?) человек, из расположения которых точную позу погребенных определить не представляется реальным. Но, судя по нахождению фрагментов черепа в северо-западном углу, ключицы и обломков костей рук в западной половине ящика, а фрагментов бедренных – в восточной, можно предполагать, что погребенные были уложены скорченно, головой на запад–северо-запад или северо-запад. В юго-восточном углу ящика обнаружен бронзовый, двухлопастный и втульчатый наконечник стрелы с асимметрично-ромбическим пером, а с южной стороны, у основания ящика зафиксированы фрагменты грубого толстостенного сосуда баночной формы.

Погребения в каменных ящиках с преимущественным положением умерших на левом боку, скорченно, головой на запад или северо-запад исследованы не только на Алтае, а также на территории Тувы и Северо-Западной Монголии. В Туве подобные памятники относятся в основном к VII–VI вв. до н.э., что соответствует раннему этапу уюкской общности, по Л.Р. Кызласову (1979, с. 40), или алды-бельской культуре, по А.Д. Грачу (1980, с. 24–25). Аналогичные погребения в каменных ящиках на уровне древнего горизонта в Северо-Западной Монголии датируются В.В. Волковым (1967, с. 45–48; 1981, с. 6) в широких пределах I тыс. до н.э. Следует, вероятно, ограничить их хронологию I-й половиной I тыс. до н.э., учитывая время сооружения подобных погребений на Алтае и в Туве. В таких археологических объектах, как и на памятнике Кызык-Телань-I, почти отсут-

существует инвентарь. Следует отметить, что в Монголии и Туве, наряду с погребениями в каменных ящиках, представлены и другие типы захоронений, в том числе в каменных цистах, установленных на древнем горизонте (Волков, 1967, с. 46–48; Кызласов, 1979, с. 41–42; Грач, 1980, с. 24–25; Мандельштам, 1992, с. 180, табл. 73.-11, 13).

Остатки тризны. Очевидно, с обычаем тризны связаны находки в насыпях курганов разрозненных фрагментов керамики и костей животных. Части глиняной посуды обнаружены в 17 курганах и одной выкладке (№13). Кости животных отмечены в насыпях шести курганов (№15, 29, 30, 34, 56, 57). При этом в двух объектах (№15 и 29) они находились как в насыпях, так и в их пределах, на прилежащем к каменной наброске пространстве. В одном кургане (№34) в ящике зафиксированы три зуба лошади, остатки челюсти, а снаружи, у северо-восточного края насыпи, встречены кусочки пережженных костей. Обнаруженный остеологический материал в основном оказался мелким, фрагментированным и плохой сохранности. Из-за этого не были произведены полноценные палеозоологические определения. Однако, судя по имеющим фрагментам, в курганах раннескифского времени преобладали кости лошади и овцы.

В 16 исследованных курганах никаких находок не обнаружено. Это может объясняться разграбленностью могил, а также общей скудностью инвентаря в курганах Саяно-Алтая эпохи поздней бронзы и раннескифского времени.

Завершая характеристику погребального ритуала населения бийкенской культуры, оставившего курганы в урочище Кызык-Телань, можно отметить следующие отличительные черты. Для захоронений людей сооружались небольшие курганы с кольцевидными стенками-крепидами, которые располагались по периметру и были сложены из более крупных камней в несколько слоев. Из погребальных камер преобладали ящики. Они состояли из грубых плит, вертикально установленных на уровень древнего горизонта. Сверху имелись перекрытия из аналогичного материала. Ящики были ориентированы продольными стенками преимущественно по линии ЮВ–СЗ с небольшими отклонениями. Отмечены случаи установки ящиков в неглубоких

ямах. Зафиксирован обычай сопроводительных конских захоронений или их имитация. В кургане, как правило, находилось одно погребение. Около двух насыпей (№17 и 18) обнаружены «оленные» камни, вероятно, специально изготовленные для погребений. Возле насыпей четырех курганов, а также у выкладки с захоронением коня №45 и внутри объекта №25 стояли вертикально вкопанные камни. Специфична также малочисленность, а во многих объектах и отсутствие погребального инвентаря, что отчасти объясняется ограбленностью в виду легкой доступности погребений в ящиках из плит, установленных на древнем горизонте. В значительной мере скудность находок объясняется традицией совершения безынвентарных погребений или снабжением вещами из несохранившихся органических материалов. Подобная ситуация отмечается при изучении курганов Саяно-Алтая, Монголии и Тувы эпохи поздней бронзы, в частности, памятников монгун-тайгинского типа (Грач, 1983, с. 245–246), а также погребений рядового населения Алтая раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997). Аналогичная картина зафиксирована для этого времени на территории Верхнего Прииртышья. На могильнике Зевакино из 107 погребений VIII–VII вв. до н.э. инвентарь обнаружен лишь в 37 могилах и только в двух захоронениях находились глиняные сосуды (Арсланова, 1974, с. 49–51).

В заключение данной главы необходимо указать, что в настоящее время, кроме осуществленной систематизации материалов, предприняты попытки раскрытия сущности погребальных, поминальных и других сооружений бийкенской культуры, проблема происхождения которой остается открытой (Тишкин, 1996а–б; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, Леонова, 2003, 2005; и др.). Исследованные курганы памятника Кызык-Телань-I существенно дополняют их.

Глава II

Анализ находок из курганов раннескифского времени

Комплекс археологических находок из памятников Алтая раннескифского времени представлен и проанализирован в серии опубликованных работ. Основной массив этих данных аккумулирован в монографии Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997). Рассмотрение отдельных категорий предметов материальной культуры бийкенской общности изложено в специальных статьях, посвященных изучению керамической посуды, украшений, предметов конского снаряжения, вооружения и т.д. (Марсадобов, 1987а, 1998, 2002, 2004; Кочеев, 1997, 2001; Тишкин, 1999, 2005а; и др.). Несмотря на имеющиеся обобщения, работа по накоплению источников продолжается. В этом плане немногочисленные находки, обнаруженные на памятнике Кызык-Телань-I, также дополняют имеющиеся сведения.

2.1. Изделия из бронзы, кости и рога

Единообразие большинства погребений, совершенных на уровне древнего горизонта в курганах с каменными ящиками и кольцевой выкладкой по периметру насыпи, позволяет предполагать сравнительно небольшой (в пределах полутора или двух всков) отрезок времени, в течение которого был сооружен могильник бийкенской культуры в урочище Кызык-Телань. Однако точно определить период его функционирования весьма сложно, поскольку датирующие предметы представлены единичными экземплярами. При этом они не дают строго узкой даты. К таким вещам в рассматриваемой группе относятся наконечник стрелы из кургана №21 (рис. 29.-4), пронизь для перекрестия ремней узды из сооружения №29 (рис. 37.-5) и обломок трехдырчатого рогового псаля из объекта №50 (рис. 57.-2). Наконечник стрелы и пронизь, изготовленные из бронзы, происходят из погребений в каменных ящиках на уровне древнего горизонта, а псалий – из конского захоронения под выкладкой №50.

Более конкретно выглядит датировка кургана №6, в котором обнаружены детали пояса: обоймы, наконечник ремня и стерженек-застежка (рис. 5, обложка). Все изделия отлиты из бронзы. Среди них имеются обоймы трех типов. Преобладают узкие декоративные предметы с небольшой выпуклостью посередине (5 экз.). Их высота 3,5 см, ширина 1,2 см. Массивная обойма трапецевидной формы имеет овальную петлю снизу, через которую продергивался ремешок для подвешивания ножа или кинжала. Ее общая высота 4,8 см, ширина 2,5 см. Единственным экземпляром представлена простая овальная обойма, используемая, скорее всего, для зажима подвесного ремешка. Ее ширина 2,5 см, высота 1,2 см. Бронзовый наконечник с полукруглым концом, высотой 3,5 см, шириной 2,2 см имеет в стенках сквозные отверстия для проходящей через них заклепки, фиксировавшей изделие на поясном ремне. Судя по высоте обоек, они нанизывались на ремень шириной примерно 3,3 см (Суразаков, 1983, с. 45). Пояс застегивался на стерженек диаметром 0,7 см, высотой 3,5 см, имевший в середине желобок для фиксации ремня (рис. 5).

Застежки простейшего типа в виде стерженька из дерева, кости или другого материала были известны с глубокой древности и используются до настоящего времени. Подобные изделия широко применялись в раннескифское время (см., например, Грязнов, 1980; Плетнева, 2003, с. 129) и немного позднее, очевидно, до тех пор, пока для этих целей в середине I тыс. до н.э. повсеместно стали применять пряжки и крючки. Аналогичная поясная застежка из бронзы встречена в кургане №51 могильника Уйгарак, датированном VII–VI вв. до н.э. (Вишневская, 1973, табл. XVI.-14).

Литые поясные обоймы с петлей снизу для подвешивания к поясу различных предметов появляются в степях Евразии в VII–VI вв. до н.э. В это время они известны в тасмолинской культуре Центрального Казахстана (Тасмола-VI, курган №1; Кадырбаев, 1966, рис. 28.-7), у саков Приаралья (Вишневская, 1973, табл. III.-1). Бронзовые декоративные обоймы из кургана №6 памятника Кызык-Телань-I находят аналогии среди предметов

кургана №1 некрополя Тасмола-II (Кадырбаев, 1966, рис. 39.-3; 66. 15), реально датируемого не позже VI в. до н.э., а наконец-то времени рассматриваемого поясного набора схож с изделием из Вавилонки, время которого определено более полувека назад 2-й половиной VI – началом V вв. до н.э. (Киселев, 1951, табл. XXIX.-7). А.Д. Таиров (2004) довольно подробно рассмотрел известные поясные наборы раннескифского времени. Среди них анализировался и комплект из кургана №6 археологического комплекса Кызык-Телань-I. Приведенные параллели и современные данные позволяют определить наиболее вероятную дату интересующего нас объекта концом VII – 1-й половиной VI в. до н.э. Эти хронологические рамки соответствуют заключительному (бойтыгемскому) этапу бийкенской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159).

Бронзовый втульчатый двухлопастный асимметрично-ромбический наконечник стрелы из кургана №21 имеет аналогии на широкой территории степей Евразии. В Горном Алтае подобные предметы вооружения встречены в памятниках VIII–VI вв. до н.э. (Кирюшин, Тишкин, 1997). Среди них отметим следующие комплексы: курган №18 памятника Кор-Кобы-I (Ларин, Суразаков, 1992, рис. 9.-2), разрушенное захоронение в каменном ящике в урочище Яломанские ворота (Черемисин, 1993, с. 140–141), впускное погребение в объекте афанасьевской культуры могильника Карасу-II (Могильников, 1986, рис. 5.-2), курган №56 памятника Тыткескень-VI (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 40). Все они расположены в долине Катунь. Кроме того, ряд бронзовых двухлопастных втульчатых и асимметрично-ромбических наконечников стрел известен как случайные находки. Два из них не имеют точного указания местонахождения (Грязнов, 1947, рис. 5.-2; Суразаков, 1979, с. 182, рис. 3.-3). Третий происходит из д. Усть-Балыкса в низовьях Чулышмана Восточного Алтая (Иванов, 1987, рис. 2.-4), а четвертый – с р. Карамы (приток Ануя) на севере Алтая (Ситников, Шульга, 1995, рис. 16). Последнее изделие имеет шип у нижнего края выступающей втулки. Двухлопастные наконечники раннескифского времени рассматривались В.А. Кочевым (1997) в специальной

статье. В монографии Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997, с. 80–86) представлена характеристика немногочисленных предметов вооружения раннескифского времени. В целом находки бронзовых наконечников стрел в Горном Алтае единичны.

Рассматриваемые двухлопастные втульчатые наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером зафиксированы в Туве в кургане Аржан (Грязнов, 1980, рис. 11.-8, 12), который в настоящее время датируется концом IX – началом VIII вв. до н.э., около 800 г. до н.э. (Марсадолов, 1997, 2000). Аналогичные изделия обнаружены в комплексах предгорий Алтая VIII–VI вв. до н.э. (Арсланова, 1972, рис. 1.-20; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 58.-6; Самашев, Жумабекова, Ермолаева, Омаров, 1998; и др.), в Чиликтинском кургане (Черников, 1965, табл. X), на Памире (Литвинский, 1972, табл. 33; 34.-5–6), в тасмолинских памятниках Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1966, рис. 58; 59.-6), у саков Приаралья (Вишневская, 1973, табл. XIII.-5–8; XX.-9; XXV.-14), в Приуралье (Исмагилов, 1988, рис. 5; Смирнов, 1961, рис. 11) и т.д. Широко известны такие находки в степных и лесостепных районах Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья (Иванов, 1987; 1993, рис. 1.-1–2; Абдулганеев, 1993, рис. 3.-1–12). Представлены они и в тагарской культуре (например, Членова, 1967, с. 46, табл. 13.-13).

Бронзовая пронизь от перекрестия уздечных ремней, найденная в каменном ящике кургана №29, имеет многочисленные аналогии в памятниках VIII–V вв. до н.э. на широкой территории горно-степного пояса Евразии. В Горном Алтае подобные изделия обнаружены, например, в объекте №42 памятника Коксу-1 (Сорокин, 1974, рис. 2.-4), в погребении раннескифского времени на р. Каракол (Кубарев, 1998) и на комплексе Элекмонар-II (Степанова, 1996б, рис. 3.-11–16). На территории западных и северо-западных предгорий Алтая они довольно часто встречаются в курганах и «кладах» майэмирской культуры: под Солонечным белком (Грязнов, 1947, рис. 4.-4), Машенка (Шульга, 1998а, рис. 5.-7, 10), Вакулиха-I (Бородаев, 1998, рис. 6.-7–8, 10–11), Кондратьевка-XXI (Алехин, Шульга, 2003, рис. 2.-8–11), Гилево-10 (Шульга, 2005) и др. Обнаружены рассматриваемые

изделия и в памятниках VII–VI вв. до н.э. Верхнего Прииртышья: в Камышинке (Арсланова, 1972, рис. 1.-5) и Измайловке (Пурмолаева, 1987, рис. 32.-11–13). В Семиречье они фиксируются в виде случайных находок и в погребении с конем Джуван-Тобе (Максимова, 1956, табл. I.-12; 1960, рис. 11.-12). Аналогичные пронизи обнаружены в памятниках тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1966, рис. 8.-7–8; 15.-1–2), у саков Приаралья (Вишневская, 1973, табл. VI.-14; VII.-4; VIII.-4; IX.-2; XX.-3), в Туве и Хакасии (Грач, 1980, табл. I.-69; Полторацкая, 1966, рис. 4.-13; Боковенко, 1998; и др.). В комплексах VII–VI вв. до н.э. такие предметы сочетаются с широкими бронзовыми пряжками. Те и другие отсутствуют в ранних памятниках (конец IX – 1-я половина VIII вв. до н.э.) типа Курту-II, Аржан, Ак-Алаха-2, в которых найдены коленчатые псаля (Сорокин, 1966, рис. 5.-1; Грязнов, 1980; Полосьмак, 1993, рис. 2.-3). Нет их и в памятниках предскифского времени степей Восточной Европы и Приуралья. В качестве одного из наиболее ранних экземпляров можно рассматривать небольшую пронизь подобного типа, происходящую из комплекса VIII–VII вв. до н.э. Зевакинского могильника на Верхнем Иртыше. Изделие обнаружено под челюстью ребенка и являлось, по видимому, деталью одежды (Арсланова, 1974, с. 59, табл. III.-24). В тот же период пронизи, увеличенные в размерах, становятся принадлежностью перекрестий ремней конской узды.

Имеются подобные предметы, сделанные из рога, примером чего служат изделия из кургана №5 памятника Карбан-I на Катунь (Демин, Гельмел, 1992, рис. 3.-8–10; 4.-7). В последующее время аналогичные роговые пронизи для перекрестных ремней узды продолжали использоваться населением пазырыкской культуры Алтая, степных и лесостепных районов Верхнего Приобья, Обь-Иртышского междуречья, Приуралья и других регионов (Могильников, Елин, 1982, рис. 1.-8, 2.-5–7; Сорокин, 1974, рис. 7.-4; Уманский, 1992, рис. 3.-5–6; Смирнов, 1961, рис. 49.-15; 50.-5).

Обломок трехдырчатого рогового псаля из конского захоронения под курганом-выкладкой №50 по форме и расположе-

нию отверстий в определенной мере сближается с аналогичными изделиями из кургана №9 Усть-Куюма, датированного Л.С. Марсадоловым (1981а, с. 21, рис. 4.-1-2) VII в. до н.э. Подобные находки зафиксированы на других памятниках Алтая раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 64-66): Семисарт-I (Марсадолов, 1998, фото 3.-3), Кор-Кобы-I (Ларин, Суразаков, 1992), Карбан-I (Демин, Гельмель, 1992, рис. 3.- 1, 4). Они отличаются от более ранних псалиев из Аржана, Курту-II и Ак-Алахи-2, имеющих слабо изогнутую или коленчатую форму с шаровидным или грибовидным завершением и боковые отверстия у концов (Грязнов, 1980, рис. 14, 16, 20, 23, 28, 30; Сорокин, 1966, рис. 5.-1; Полосьмак, 1993, рис. 3). В известной мере псалий из объекта №50 памятника Кызык-Телань-I можно сопоставлять с частью бронзовых изделий аналогичного назначения из комплексов VII-VI вв. до н.э. Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. III.-11-12; VIII.-5; XV.-7; XVI.-10-11; XVIII.-21-22), а также с костяными псалиями тасмолинской культуры (Кадырбаев, 1966, рис. 19.-3). Приведенные параллели и зафиксированные тенденции типологического развития псалиев (Боковенко, 1986; Тишкин, 1996б; Кирюшин, Тишкин, 1997; Марсадолов, 1998; и др.) дают основание относить рассматриваемый тип изделия из кургана №50 к комплексу предметов семисартского этапа бийкенской культуры и датировать его 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII в. до н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159), не исключая возможность использования подобных изделий и немного позднее.

Происходящая из этого же комплекса костяная подвеска в виде головы «грифо-барана» (рис. 57.-3) не находит близких аналогий. По стилистике она имеет отдаленную схожесть с изделием из второго Башадарского кургана, изображающем голову лошади (Руденко, 1960, табл. XXIV.-13). Л.Л. Баркова (1987, с. 12-13), выделившая образ грифо-барана среди сюжетов искусства ранних кочевников Алтая, считает, основываясь на находке фигурок с этим образом из кургана памятника Туекта-II, что данный сюжет в искусстве «пазырыкцев» Алтая существовал только в VI в. до н.э. Присутствие фигурки «грифо-барана» в

комплексе с роговым трехдырчатым псалием в кургане №50 Кы-
нак Телани-1 дает основание удревнить время существования
этого синкретичного образа у горно-алтайских племен.

2.2. Керамика

Керамика из курганов раннескифского времени представле-
на главным образом разрозненными фрагментами сосудов. Все-
го она встречена в 17 курганах и в одной вымостке. При этом у
четырех объектов обломки глиняных емкостей найдены за пре-
делами насыпей, а в одном (№18) они лежали внутри, на камен-
ной кольцевой выкладке. В двух курганах (№20 и 29) фрагменты
керамики находились в насыпях и за пределами крепиды. В 13
курганах обломки сосудов зафиксированы только в границах
 соору жений. Разрозненное положение керамических фрагментов
и объектах раннескифского времени может свидетельствовать о
следах тризны. Накопленные к настоящему времени сведения
позволяют более шире рассматривать зафиксированные явления
(Марсадолов, 1987а, 2004; Тишкин, 1996а, 2005а; Степанова,
1996а-б; и др.).

Исследователи, которые раскапывали курганы выделенного
М.П. Грязновым (1939, 1947) майэмирского этапа, обозначили
такую характерную черту, как отсутствие в захоронениях кера-
мических емкостей. Первое объяснение данной ситуации мы
находим у А.В. Адрианова (1916, с. 15), который вскрыл ряд
курганов на территории Западного Алтая: «...погребальный ри-
туал этой эпохи не требовал сопровождения человека сосудом с
каким-либо содержанием». Оценить важность этого сформули-
рованного заключения предстоит при комплексной реконструк-
ции мировоззренческих представлений кочевого населения Юж-
ной Сибири аржано-майэмирского времени. Следующее харак-
терное объяснение дал М.П. Грязнов (1947, с. 14): «Возможно,
что вначале, при переходе к кочевому образу жизни, глиняная
посуда вообще отсутствовала в быту кочевников». Следует ука-
зать, что эти обозначенные выводы базировались лишь на не-
большом количестве исследованных археологических объектов
и долгое время оставались непоколебимыми, хотя отражали

принципиально разные интерпретационные подходы (Тишкин, 2005а, с. 169).

Раскопки Л.С. Марсадолова (1987б, 2001) в Центральном Алтае на комплексе памятников в Семисарте дали возможность пересмотреть устоявшуюся точку зрения М.П. Грязнова. Материалы 1985–1986 гг. и сведения из других объектов позволили исследователю в 1987 г. опубликовать тезисы с конкретным названием «Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н.э.» и утверждать, что «древние кочевники... безусловно имели глиняную посуду», которой «...пользовались не только на поселениях, но и при погребально-поминальных ритуалах» (Марсадолов, 1987а, с. 63). Для такой, несомненно, правильной констатации все же требовались более обширные доказательства, так как количество исследованных памятников раннескифского периода в то время было небольшим. Поэтому Л.С. Марсадолов (1996, 2000, 2001, 2004) позднее несколько раз обращался к обозначенной теме, опубликовав не так давно специальную статью, где уже привлекались сравнительно массовые материалы.

При раскопках объектов раннескифского времени на памятниках Бийкенского археологического микрорайона в Горном Алтае также обнаружена характерная серия фрагментов керамики и один полностью сохранившийся сосуд (Тишкин, 1996а; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 120–124, рис. 43–45). Следует отметить, что практически все эти находки зафиксированы, как и на памятнике Кызык-Телань-I, не в погребальной камере, а при зачистке и разборке каменных насыпей. По собранным обломкам можно было реконструировать в основном верхние части изделий из глины. В одном случае развал сосуда, найденный главным образом в заполнении каменного ящика кургана №9 могильника Усть-Бийке-III, дал возможность графически представить вид более или менее целой емкости. Обнаружение его внутри погребальной камеры не дает основания говорить о том, что существовала традиция размещения глиняных горшков вместе с умершим человеком, так как курган оказался разграбленным или оскверненным, а следов захоронения вообще не отме-

чено. В этом плане определенным «ключом» в понимании уже неоднократно зафиксированных ситуаций выступает находка целого изделия в непотревоженной насыпи кургана №1 памятника Бийке (Тишкин, 1996а, с. 22, рис. 2.-1–3, 21.-8). Там плоскодонный сосуд закрытой баночной формы стоял вверх дном на крайней плите западной части перекрытия каменного ящика, в котором находился плохо сохранившийся скелет женщины. Такое расположение над головой погребенного человека могло быть распространенной традицией. Тогда становится понятным, почему после проникновения грабителей или осквернителей в центр кургана развал сосуда попал в погребальную камеру (как в отмеченном выше случае) или оказался снаружи за стенкой каменного ящика (как на Усть-Куюме (Степанова, 1996а, с. 116, рис. 1)). Материалы, полученные в ходе исследования на территории Бийкенского микрорайона курганов раннескифского времени (Тишкин, 2005), позволяют уверенно подтвердить вывод Л.С. Марсадолова (1987а) об использовании керамических емкостей в погребально-поминальных ритуалах. Подобные обстоятельства отмечены при исследовании других курганов Горного Алтая аржано-майэмирского времени. Кроме этого, обнаружены единичные и немногочисленные фрагменты керамики на поверхности каменных насыпей этого же периода. В данном случае можно говорить и о других реализованных действиях.

Керамика из курганов памятника Кызык-Телань-I (рис. 10.-1-3; 17.-2а-в; 22.-3; 25.-1–2; 26.-1–2; 29.-1–3; 36.-2; 37.-3–4) имеет сходство с указанными материалами из Семисарта, Бийке и других памятников бийкенской культуры. По своему облику она неоднородна. Выделяются две основные группы. Первую образуют довольно грубые сосуды баночной формы, вылепленные из глины с примесью шамота и растительными (?) добавками, придающими черепку некоторую пористость и рыхлость. Однако часть черепков имеет плотную структуру. Орнамент вдоль венчика обычно отсутствует. Вероятно, с этой группой связаны фрагменты керамики довольно рыхлой структуры, но покрытые беспорядочными наколами по тулову, а также обломок стенки с зигзагообразной нарезкой, орнаментальная композиция которого

напоминает орнамент валиковой керамики эпохи поздней бронзы (Черников, 1960, табл. LV–LVIII.-3). Зигзагообразный узор на венчике и беспорядочные ямочные наколы представлены в орнаментации глиняной корчаги хронологически близкого, но несколько более позднего Второго Башадарского кургана (Руденко, 1960, рис. 43, 44), датированного в свое время С.И. Руденко (1960, с. 336) серединой VI в. до н.э., а Л.С. Марсадоловым (1985, с. 14) – 2–3-й четвертью VI в. до н.э. По фактуре с этой же группой посуды сближаются верхние части кувшиновидных сосудов с зауженным горлом и отогнутым краем венчика. Одно изделие имеет подобие формованного валика.

Первую группу посуды в хронологическом и культурном отношении, видимо, следует сопоставлять с основной массой захоронений в каменных ящиках на уровне древнего горизонта. Встречена она в курганах №12–13, 15–17, 20–21, 29, 34 и каменной выкладке №13, локализирующихся в юго-восточной части некрополя, в группах I–III (рис. 2). Находка такой керамики в выкладке №13 в определенной мере указывает на синхронность курганов с погребениями в ящиках на УДГ и выкладок.

Вторая группа керамики представлена фрагментами сосудов баночной формы с гладкой поверхностью и довольно плотной структурой. Емкости вылеплены из глины с примесью песка и шамота. Вдоль венчика идет орнамент из ряда ямок или «жемчужин», а иногда «жемчужин», чередующихся с подтреугольными каплевидными и ямочными оттисками. Венчики от сосудов этой группы обнаружены в курганах №18, 27, 29, 30, 37, локализирующихся в группах II и III (рис. 2). В целом эти объекты, хотя и содержат захоронения в каменных ящиках на древнем горизонте, размещены северо-западнее курганов с находками керамики первой группы. В кургане №29 встречена посуда обеих групп (рис. 36.-2; 37.-3–4). Данное сооружение находится в северной части группы III (рис. 2) и может быть датировано по найденной там бронзовой пронизи от перекрестия ремней узды.

В целом керамика второй группы по отношению к фрагментам посуды первой группы является, видимо, несколько более поздней, хотя нельзя исключать одновременное существование

двух традиций. По фактуре, примеси крупного песка и орнаментации она наиболее близка керамике так называемого бийского типа большебереченской культуры, датируемого М.Т. Абдулганеевым (1993, с. 52, 56) VI – началом V в. до н.э., а Т.Н. Троицкой и А.Н. Бородовским (1994, с. 77) – с VI–V по начало IV в. до н.э. В Горном Алтае «примесь» керамики большебереченского облика прослеживается также на поселении Кара-Тенеш, расположенном в 10 км от Кызык-Телани (Могильников, 1980б, с. 45; Погожева, Кадиков, 1980, с. 203, 210, 216).

Подобно курганам Кызык-Телани, несколько фрагментов глиняных сосудов найдено при раскопках неграбленного кургана №1 могильника Семисарт-I среди камней забутовки каменных ящиков и под камнями надмогильного сооружения. Они происходят, вероятно, от плоскодонных сосудов баночных форм с «жемчужным» орнаментом под венчиком» (Марсадолов, 1987а, с. 63). По роговому трехдырчатому псалию могильник Семисарт-I датируется Л.С. Марсадоловым (2001, с. 23) 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. На расположенном рядом с этим курганом синхронном поселении обнаружены фрагменты подобных же баночных сосудов, «...орнаментированные ямками и жемчужинами под венчиками, зубчатым и гладким штампами в виде углов, а также – подтреугольными вдавлениями» (Марсадолов, 1987а, с. 63; 2001). По мнению Л.С. Марсадолова (1987а, с. 63), керамика, близкая семисартской, встречена в могильнике Усть-Куюм среди камней заполнения ящиков №9 и 10, в Денисовой пещере, а также на поселениях Усть-Нарым и Трушниково в Верхнем Прииртышье (Марсадолов, 1981а; Деревянко и др., 1985, рис. 10–13; Черников, 1960, табл. LVII.-21; I.XIX.-6).

Аналогии рассматриваемой керамики обнаруживаются на могильниках и поселениях VIII–VI вв. до н.э. Нижней Катуни, а также в других районах Горного Алтая и северных предгорий. Кроме отмеченных памятников, можно указать следующие погребальные комплексы: Нижний Тюмечин-2 и Кара-Коба-2 (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982; Посредников, 1980; Степанова, 1996а, рис. 11), Курай-VI (Евтюхова, Киселев, 1941;

Марсадолов, 2004, с. 38), Усть-Куюм (Степанова, 1996), Кор-Кобы-I (Суразаков, 1990), Партизанская Катушка (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1999, рис. 3) и др. Зафиксированная на могильниках раннескифского времени орнаментированная керамика находит сходства с материалами поселений, а также культовых мест и святилищ: Тыткескень-3 и 6 (Кунгуров, 1994, рис. 7; Кирюшин, Кунгуров, 1994, рис. 9), Партизанская Катушка (Шульга, 19986), Малый Дуган (Степанова, 1999), Муны-I (Молодин, Петрин, 1985; Бородовский, 2001), Кара-Тенеш (Погожева, Кадиков, 1980; Погожева, Молодин, 1980) и др. Однако существует серьезная проблема соотношения глиняной посуды, найденной в курганах, с аналогичными изделиями, обнаруженными на других категориях памятников. Об этом уже неоднократно высказывались исследователи (Абдулганеев, 1998; Шульга, 1998; Марсадолов, 2004 и др.). Данное обстоятельство усугубляется целым рядом моментов (Тишкин, 2005а).

В настоящее время в Горном Алтае мало исследовано представительных поселенческих комплексов и практически не выявлены однослойные памятники отдельных периодов раннего железного века (Шульга, 19986). Основные проблемы для решения задач культурно-хронологического характера заключаются в отсутствии надежной стратиграфии и серии радиоуглеродных датировок, а также в малом количестве найденных предметов вещевого комплекса. Практически отсутствуют работы, в которых историко-культурные реконструкции связаны с палеогеографическими исследованиями. Не реализовывались в нужном объеме специальные методы изучения керамики, хотя отдельные попытки предпринимались. Требуется более тщательная методика раскопок поселений и других открытых комплексов (святилищ, культовых мест, стоянок и т.д.). Отметим разнообразие поселенческой керамики, датированной рамками VIII–VI вв. до н.э. Еще одной серьезной проблемой является то, что в памятниках раннего этапа булан-кобинской культуры «гунно-сарматского» времени есть керамическая посуда, очень похожая на ту, которая была обнаружена при раскопках курганов Горного Алтая раннескифского периода. Подобные находки зафиксированы, напри-

мер, на могильниках Усть-Эдиган (Худяков, 1998) и Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2003; Тишкин, 2005б). В этом плане изложенные М.Т. Абдулганеевым (1998) культурно-хронологические определения ряда поселенческих комплексов в горах и предгорьях булан-кобинским временем приобретают дополнительные аргументы.

Следует обратить внимание на интерпретацию находок керамики в хорошо датированном Втором Башадарском кургане, который был исследован С.И. Руденко (1960) траншеей. В настоящее время на этот счет имеется несколько точек зрения (Марсадолов, 1987а, 1996, 2004; Шульга, 1996, 1998б; Степанова, 1998, с. 139; Абдулганеев, 1998). Не следует исключать и конкретные наблюдения, сделанные при проведении раскопок самим С.И. Руденко (1960, с. 32, 43, 63–65): черепки глиняной посуды встречались только на поверхности земляной насыпи кургана и до глубины 5–6 см, «...главным образом в юго-западной, возвышенной ее части». Аналогии этой обнаруженной керамике теперь можно найти как в памятниках, относящихся к скифской эпохе, так особенно в комплексах усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160). Если опираться на первый пласт, то следует указать мнение Л.С. Марсадолова (1987а, с. 65; 1996, с. 68; 2004, с. 40) об участии в захоронении башадарского вождя «...двух (или нескольких этносов)», так как обнаруженные в погребальной камере кувшины и керамика из насыпи существенно отличаются друг от друга. С данной точкой зрения в определенной мере согласен П.И. Шульга. Он указал, что керамика из насыпи могла принадлежать автохтонному населению раннескифского времени, которое «...продолжало сосуществовать с пазырыками и даже принимало участие в похоронах пазырыкских вождей в VI в. до н.э.» (Шульга, 1996, с. 120). Сопоставив находки сосудов из насыпей курганов могильника Бийке и Башадара с материалами поселения Кастахта-3, П.И. Шульга (1998б, с. 149–150) пришел к выводу о наличии в Горном Алтае одной и той же традиции, прослеживаемой от VII–VI до III–II вв. до н.э. Однако высказанная идея требует дополнительных и более весомых

обоснований. О спорности интерпретации П.И. Шульгой материалов ряда поселений Горного Алтая, а также датировки и условий находки керамики в насыпе Второго Баршадарского кургана высказал свое мнение М.Т. Абдулганеев, который считает, что керамика, подобная башадарской, не найдена «ни в одной насыпи кургана пазырыкской культуры, ни тем более в пазырыкском погребении», и она имеет сходства с материалами более поздних поселений гунно-сарматского времени (Абдулганеев, 1998, с. 166). Если это так, то можно предположить, что в Башадарские курганы керамика попала через грабительский ход и не исключено, что это произошло на раннем этапе буланкобинской культуры. Н.Ф. Степанова (1998, с. 139) отметила, что опубликованная керамика из насыпей курганов скифского времени имеет иной набор форм по сравнению с сосудами из могил. Соответственно отличается и поселенческая посуда. Такая характерная ситуация традиционно в археологии объясняется разным функциональным назначением и использованием рассматриваемой категории изделий, если речь идет об одном населении или культуре. Другое дело, когда зафиксированные отличия связаны с разными этносами и отражают различный хронологический диапазон. Тогда решение задач имеет более сложный исследовательский путь, который еще никем не предпринят (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 121–123).

В настоящее время можно говорить о том, что процесс изучения керамических комплексов Горного Алтая раннего железного века продолжается (Степанова, 2000; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Марсадолов, 2004; и др.), постепенно обозначенные проблемы будут преодолены и обозначатся другие. Важно, чтобы раскопки поселений и святилищ планомерно осуществлялись, а результаты их исследования носили комплексный характер. Для этого необходима разработка и реализация специальной программы изучения данного вида памятников, о чем уже неоднократно высказывалось (Кирюшин, Тишкин, 1999, с. 74–75).

Изучение керамики из курганов раннескифского времени памятника Кызык-Телань-I не закончено. Эта тема требует спе-

циальной разработки, началом которой станет технико-технологический анализ находок глиняной посуды и ее реконструкция.

2.3. Зернотерки и жернова

В трех курганах (№19, 20, 34) обнаружены каменные зернотерки и в двух объектах (№12 и 29) каменные жернова. Кроме того, заготовка жернова найдена среди камней выкладки №25. Все эти встреченные предметы представлены сломанными в процессе работы или расколовшимися при изготовлении. Они зафиксированы в структуре курганов и, по всей видимости, непосредственно могли попасть в них при возведении насыпей. Так, фрагмент зернотерки из темно-серого гранита с двусторонней сработанностью (рис. 42.-2) лежал на уровне погребенного горизонта внутри кольца кургана №34, у его северо-западного края. В юго-восточной части насыпи объекта №20 встречены обломанный курант ладьевидной формы (рис. 27.-1), а также один фрагмент нижнего камня зернотерки. Вторая его половина оказалась в выкиде между сооружениями №19–20. Зернотерка из кургана №20 (рис. 27.-2), сделанная из темно-серого гранитного валуна, имеет следующие параметры: длина 28 см, ширина 11,8 см, толщина 5,8 см. Происходящий из этого же объекта курант был изготовлен из темно-серого и плотного валунного песчаника более мягкого по своей структуре, чем гранитный нижний камень зернотерки. Это соответствует соотношению твердости жерновов, зафиксированной для этнографического времени, когда нижний камень (лежняк) делался из более твердой породы, чем верхний (бегун). Данное решение было обусловлено технологией мукомольного процесса. Подобная ситуация отмечена при рассмотрении жернового постава из кургана №1 могильника пызырьской культуры Бертек-10, исследованном на юге Горного Алтая (Молодин, Бородовский, 1994, с. 77). Судя по приведенному примеру, сочетание разной твердости камней в зернотерке из кургана №20 памятника Кызык-Телань-I было известно уже в раннескифское время. Зернотерка из кургана №34, от которой сохранилась около половины затертого с обеих сто-

рон нижнего камня (рис. 42.-2), оказалась по размерам близка вышеописанной из объекта №20. Она, сделанная из темно-серого гранитного валуна, также имела ширину 11,8 см и сохранилась в длину на 16,2 см (при толщине в изломе 2,6 см, а у торца 3,3 см). По своей величине описываемые орудия труда из Кызык-Телани близки аналогичным изделиям, которые были распространены в Южной Сибири в эпоху поздней бронзы и в раннескифское время. Два нижних камня зернотерки зафиксированы в кургане №26 бийкенской культуры памятника Карбан-I (раскопки М.А. Демина), находящегося на левом берегу Катуня (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 33).

Жернова обнаружены в трех объектах комплекса Кызык-Телань-I. При этом в кургане №12 и выкладке №25 находились недоделанные заготовки. Жернов из выкладки №25 имел размеры 28,5х16,5х6,5 см и находился на уровне древнего горизонта в средней части сооружения. Он раскололся, видимо, во время сверления (рис. 34.-3). У предмета из кургана №12, лежавшего у северо-северо-западного края насыпи, намечено место для отверстия и отломлены края (рис. 9). Диаметр диска составлял 24,6–25 см. Обе рассмотренные заготовки жерновов сделаны из серого гранита. В кургане №29 среди камней южной части насыпи находились два диска от ручной мельницы (рис. 38–39). Нижний жернов (лежняк) диаметром 27,5 см, толщиной 3,1 см, с отверстием двустороннего сверления диаметром сверху 3,8 см, снизу – 3,1 см, изготовлен из серого мелкозернистого гранита (рис. 39). Верхний жернов-бегун диаметром 27,8–28,5 см, максимальной толщиной 4,5 см, сделан из светло-серого гранита. Диаметр отверстия-глазка сверху – 5,6 см, снизу – 4,5–5 см. На его верхней поверхности имелись три углубления для крепления штока, которым вращали жернов (рис. 38).

Сводка ранних находок зернотерок и жерновов на юге Сибири, начиная с эпохи бронзы, опубликована В.И. Молодиным и А.П. Бородовским (1994). Некоторые сведения подобного плана изложены в статье А. Наглера (2000). Они могут быть дополнены материалами скифо-сакского, «гунно-сарматского» и тюркского времени с территории Тувы, Минусинской котловины и

Алтая. Согласно данным В.И. Молодина и А.П. Бородовского (1994), ручные жернова появляются параллельно с зернотерками в период развитой бронзы, видимо, с середины, но преимущественно со 2-й половины или, скорее всего, последней трети II тыс. до н.э. В данном случае имеются в виду заготовки жернова и камни-терочники из кургана №3 могильника Ак-Чий-1, исследованном в зоне затопления Шульбинской ГЭС. В комплексе с ними находился бронзовый кельт, каменный пест фаллической формы, обломок костяного наконечника стрелы и другие вещи. Заготовка жернова имела диаметр 25 см и углубления от сверления с двух сторон (Алехин, Демин, Илюшин, 1992, с. 135–136, 230, рис. 1.-8). Прочие находки жерновов и их заготовок относятся уже к скифо-сакскому времени. Помимо описанных находок из Кызык-Телани раннескифского периода, постав из двух совмещенных жерновов (верхнего и нижнего) диаметрами 29 и 28 см обнаружен с восточной стороны каменной кольцевой ограды пазырыцкого кургана №1 могильника Бертек-10 на плоскогорье Укок на Южном Алтае. Условия находки в каменной кладке подкурганного кольца синхронизируют данный жерновой постав с основным захоронением и исключают возможность отнесения их к другой эпохе. Примечательно, что в восточной части этого же кургана №1 могильника Бертек-10 рядом с каменной оградой, окружавшей могилу, найдена массивная зернотерка. В кургане №2 могильника Мойнак-2, исследованном на том же плато Укок, в центре каменной наброски насыпи обнаружены два совмещенных массивных куранта (Молодин, Каен-Делайте, Массар, Мыльников, Хохлова, 1993, с. 23, рис. 17). Хронологически и территориально жерновам из Кызык-Телани близка находка постав жерновов из насыпи Второго Башадарского кургана 2-й половины VI – 1-й половины V вв. до н.э., отнесенных С.И. Руденко (1960, с. 32–33, рис. 14) к этнографическому времени. Эти изделия В.И. Молодин и А.П. Бородовский (1994, с. 77) датируют скифским временем. Они отмечают, со ссылкой на В.Д. Кубарева, что жернова, похожие на этнографические, найдены в насыпи пазырыцкого объекта на р. Юстыд.

Зернотерки обнаружены в ряде курганов Алтая эпохи ранних кочевников: например, на могильниках Боротал-II на Чуе (Могильников, Суразаков, 1980, с. 184, рис. 4), Большой Яломан-I в Центральном Алтае (Могильников, Суразаков, 1994, с. 39), Черный Ануй-3, в материалах которого, как указывают В.И. Молодин и А.П. Бородовский (1994, с. 77), сочетались черты разных культур. В предгорьях большое количество обломков зернотерок зафиксировано на поселении Майма-2 и ряде других памятников (Кирсеев, 1986, с. 166; 1987, с. 69; 1988, рис. 3). Фрагмент куранта происходит из кургана №2 у с. Быстрянского (Завитухина, 1966, с. 64, рис. 7.-23). Находки зернотерок скифского времени известны также в разных районах Тувы и Минусинской котловины. В Туве они встречены на поселениях уюкско-саглынской культуры. Жернов обнаружен в кургане №39 на р. Бегире (Кызласов, 1979, с. 74, 78). Нижний камень ручной мельницы зафиксирован С.В. Киселевым в забутовке щели каменной ограды Большого Салбыкского кургана IV-III вв. до н.э. (Дэвлст, 1976, с. 154; Кызласов, 1985, с. 67-70, рис. 4.-5). Жернова обнаружены у усуней на Тянь-Шане, в Чильпекских курганах Киргизии (Воеводский, Грязнов, 1938, с. 176; Молодин, Бородовский, 1994, с. 77). Как справедливо отмечают В.И. Молодин и А.П. Бородовский (1994, с. 77), традиция укладывания жерновов и зернотерок в надмогильные сооружения на юге Сибири проходит и в последующие периоды. Фрагмент зернотерки встречен в погребении №2 могильника «гунно-сарматского» времени Бош-Ту в Центральном Алтае (Могильников, Суразаков, 1995, с. 62, рис. 4.-2), в таштыкском Сырском чаатасе в Хакасии (Кызласов, 1958, с. 243, рис. 38). К тюркскому времени в Горном Алтае относится постав из двух жерновов ручной мельницы из кургана №1 памятника Курай-VI, а также верхний и нижний камни зернотерки из кургана №1 комплекса Курай-II в Чуйской степи (Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 21, 22). В.И. Молодиным и А.П. Бородовским (1994, с. 77) указан ряд находок жерновов в лесостепном Приобье. Аналогичный предмет случайно обнаружен у д. Черная Курья на юге Кулундинской степи, у границы Касмалинского бора (Иванов, 1982,

рис. 37). Обломок жернова зафиксирован в кургане №2 могильника Михайловка в Алейской степи (Тишкин, 1991, с. 17, рис. 15).

Устойчивое сохранение традиций погребальной обрядности, выражавшееся в помещении с эпохи бронзы до средневековья в надмогильные сооружения жерновов и зернотерок, отражает, как заметили В.И. Молодин и А.П. Бородовский (1994, с. 78), определенную роль земледелия и земледельческих культов в культуре населения Южной Сибири. Такое заключение подтверждается наличием на Алтае и в некоторых районах Южной Сибири (Минусинская котловина, Тува) остатков древних оросительных каналов-суваков. Анализ почвы из Курайской степи показал наличие там в прошлом пашни с культивированием зерновых культур (Киселев, 1951, с. 512–513). При этом следует заметить, что природные условия Курайской степи являлись более суровыми, чем в Центральном и Северном Алтае, где земледелие для своего развития имело больше потенциальных возможностей.

Примечательно также, что во многих случаях жернова или зернотерки представлены обломками или в непригодном для использования виде (недоделанные или расколотые экземпляры, а также неполные, непарные комплекты). Такое явление, помимо ценности данных предметов, отражает черты погребальной обрядности, а именно: широко распространенный у многих народов обычай укладывать с покойником поломанные предметы, которые, как и усопший, «лишены души».

В своем обобщающем труде С.В. Киселев (1951), останавливаясь на находке жернова из Курая, относил появление ручной мельницы на Алтае к VIII–IX вв. н.э. Вышеперечисленные находки из погребальных сооружений раннескифского и пазырыкского времени могут свидетельствовать, что жернова, параллельно с зернотерками, на Алтае существовали уже с VIII–VI вв. до н.э. С.В. Киселев отмечал связь ручной мельницы, резко повышающей производительность труда по сравнению с зернотеркой, с плужным земледелием. Указав на отсутствие свидетельств такового, он объяснял появление жерновов на Алтае в VIII–IX вв.

заимствованием, которое могло быть в период господства мотыжного земледелия (Киселев, 1951, с. 514, сноска 1).

Ряд долин Алтая имеет своеобразный микроклимат, что в определенной мере способствовало развитию земледелия. Толчком к этому могла послужить миграция какой-то группы населения из Средней Азии в приалтайские степи в конце эпохи бронзы. Возможно, данный процесс был связан с общностью культур валиковой керамики, где при возрастании роли земледелия состав стада был близок кочевническому (Удодов, 1994, с. 19). О попытке расширения роли земледелия в хозяйстве населения пограничного с Алтаем Верхнего Прииртышья на последнем, трушниковском, этапе эпохи бронзы писал С.С. Черников. По его мнению, на это указывает большое количество земледельческих орудий труда, найденных на Трушниковском поселении (18 каменных мотыг, 9 зернотерок, 18 верхних камней к ним и 26 пестов). При этом предполагалось, что жители некоторых поселений могли поставлять зерно кочевникам, с чем связано увеличение доли его производства (Черников, 1960, с. 56; 1975, с. 134).

Возможно, различия в удельном весе разных отраслей хозяйства (скотоводства, земледелия, охоты) существовали у общин Алтая скифо-сакского времени. В аспекте данной проблематики примечательны наблюдения П.И. Шульги о характере поселений Алтая. Из общего числа зафиксированных им таких памятников раннего железного века, связанных преимущественно со скотоводами, выделяется небольшая группа «земледельческих поселений». Они располагаются на склонах южной экспозиции в районах с наиболее мягким климатом и плодородными почвами. При раскопках поселений этой группы Чепош-2 на Катунь и Кастахта-3 в районе Усть-Коксы обнаружено соответственно 16 и 14 обломков зернотерок и курантов. Население их вело комплексное хозяйство, занималось земледелием, скотоводством, охотой и в какой-то мере рыболовством (Шульга, 1990, с. 84–85; 1991, с. 158).

В заключение данного параграфа необходимо отметить, что высказанные предположения о роли земледелия на Алтае в ран-

нескифское время требуют более весомых доказательств, чем находки зернотерок в курганах и выкладках. Такие орудия труда могли широко использоваться для растирания плодов дикорастущих растений, сушеных съедобных корней и для другой переработки. Доказательствами наличия и тем более развития земледелия могут быть находки остатков зерна и других свидетельств о выращивании культурных растений, выявляемых при палинологических исследованиях. Для этого необходимо проведение раскопок поселений и отбор проб для всесторонних анализов. Нужно осуществить трасологическое изучение серии зернотерок. Жернова в большей мере направлены на переработку определенной массы зерна, и они могут характеризовать увеличение роли земледелия в хозяйстве. Однако при допущении использования их на Алтае в скифо-сакское время единичные экземпляры не могут отражать интенсификацию возделывания зерновых культур в кочевых и полукочевых обществах. Их могли применять для переработки продуктов растениеводства, полученных в ходе обмена, захвата и т.д. Таким образом, при рассмотрении обнаруженных на памятнике Кызык-Телань-I орудий труда обозначилась дальнейшая перспектива изучения системы жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения бийкенской культуры.

2.4. «Оленные» камни и стелы

У двух курганов (№17 и 18) под дерном обнаружены небольшие «оленные» камни. Изваяние около объекта №17 лежало на древней поверхности возле северо-восточного края насыпи. Оно было изготовлено из овального в сечении валуна светло-серого цвета (гранит ?) размерами 55,5х22,5х9 см, на поверхности которого были выбиты изображения марала с древовидными, гипертрофированными ветвистыми рогами, а также нечеткие рисунки лука, горита (?), петли неопределенного назначения и проходящего под ними едва намеченного пояска (рис. 18). Все фигуры слабо выбиты на поверхности валуна и видны только при наклонном освещении.

В кургане №18 «оленный» камень лежал также на древней поверхности, напротив юго-западного края насыпи, в 1,3–1,5 м от кольца. Он был сделан из сколотого куска темно-серого алевролита или плотного сланца, трапециевидного в сечении и статуарной формы. Камень имел следующие размеры: длина 57,5 см, ширина сзади 15,5 см (спереди 9–11,7 см), толщина до расширения в виде уступа 5,5–6,5 см, высота уступа в верхней головной части 14 см, толщина 11–12,5 см. Вверху, по бокам, выбито по кольцевидной фигуре (серьге) диаметром около 6 см, а около середины обозначена полоса (поясок) шириной 1,2–1,3 см (рис. 23). Сама форма камня с уступом в верхней части и выбитыми окружностями напоминает стилизованную антропоморфную фигуру. Изображения на обоих камнях выполнены точечной техникой.

Первоначально описываемые «оленные» камни, вероятно, стояли вертикально в центре соответствующего кургана, но были вывернуты и сброшены, а затем затянулись дерном. Их культурная и хронологическая связь с объектами №17 и 18 представляется несомненной. К тому же она подтверждается находками «оленных» камней и стел на курганах раннескифского времени и около них (Тишкин, 1994, 1996а; Кирюшин, Тишкин, 1997). Особенно выразительно связь «оленных» камней с захоронением этого периода прослежена на материале кургана Ак-Алаха-2 на плато Укок в Южном Алтае (Полосьмак, 1993). В центре этого сооружения находился «оленный» камень. Кроме него, 20 таких изваяний были вкопаны двумя рядами: 13 с восточной и 7 с западной стороны насыпи. «Оленные» камни, примыкавшие к насыпи, были частично перекрыты ее развалом. Все эти «оленные» камни, по мнению автора раскопок, были изготовлены для данного захоронения (Полосьмак, 1993, с. 21–22, рис. 2–3), которое в настоящее время может датироваться комплексом из трех бронзовых удил и костяного трехдырчатого коленчатого псаля концом IX – 1-й половиной VIII в. до н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159). Обнаруженные предметы находят аналогии в кургане Аржан (Грязнов, 1980). Время сооружения этого базового комплекса раннескифского времени в настоящее время опре-

делено рубежом IX–VIII вв. до н.э. (Евразия..., 2005, с. 88). Серия каменных стел с характерными антропоморфными очертаниями зафиксирована на памятниках Бийкенского археологического микрорайона (Тишкин, 1994, 1996а; Тишкин, Горбунов, 2005). Основная часть этого массива определена 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159).

Расположение «оленных» камней возле насыпей отдельных курганов или непосредственно в них отмечено также в Туве для памятников алды-бельской культуры или раннего этапа уюкской общности VIII–VI – рубежа VI–V вв. до н.э. Нужно прежде всего назвать комплекс Аржан, а также курганы на р. Беги́ре, Кызыл-Хаи на р. Тыттыг-Хем, Саглы-Бажи-VI, объекты в Усинской долине и др. (Грязнов, 1980, с. 54–55, рис. 29.-2; Кызласов, 1979, с. 47, 76; Грач, 1980, с. 116). При этом на памятниках Кызыл-Хая и Саглы-Бажи-VI «оленные» камни лежали, как и на Кызык-Телане-I, а в Усинской долине они были «...в каменных покрытиях могил или вертикально врытыми за восточной стенкой ограды в расстоянии 1 м, либо в пристроенной индивидуальной ограде с восточной стороны основной ограды кургана» (Бокоренко, 1987, с. 46; Савинов, 1994, с. 68).

Описываемые «оленные» камни комплекса Кызык-Телань-I были изготовлены, вероятно, в честь погребенных в курганах №17 и 18, как и изваяния Ак-Алахи-2. Отличительной чертой их является миниатюрность.

По типологии Д.Г. Савинова (1994, с. 71–83), «оленный» камень из кургана №18 памятника Кызык-Телань-I относится к «общеевразийскому» типу III, варианту 2. Характерными показателями их является наличие кружка–серьги и одной опоясывающей линии (Савинов, 1994, с. 78). Данный тип «оленных» камней, по свидетельству Д.Г. Савинова (1994, с. 82), относится к наиболее древним среди других «оленных» камней Саяно-Алтайского региона и продолжал существовать позже, но «...как долго пока остается неизвестным».

«Оленный» камень из кургана №17 относится, согласно той же классификации Д.Г. Савинова, к типу II (саяно-алтайскому) с

реалистическими изображениями животных, подтипу I с отдельными фигурами. Образ марала на рассматриваемом изваянии выполнен в целом реалистично, за исключением рогов, которым придана гипертрофированная древовидная форма. Олени с аналогичными стилизованными рогами представлены в петроглифах Алтая (Кубарев, 1979, табл. XI; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 4). Близкие по стилю изображения есть на отдельных «оленных» камнях II типа в Монголии (Волков, 1981, с. 60, табл. 70.-3). Статичная поза животного характерна для зооморфных изображений Южной Сибири и Центральной Азии VIII–VI вв. до н.э. (Грязнов, 1947, рис. 4.-11, 5.-3–4; 1980, рис. 11.-1–3; 25.-1–7; 29.-2; Новгородова, 1989, с. 242, рис. 1; Членова, 1967, табл. 3.-23–26, 29). Это согласуется с хронологией курганов Кызык-Телани раннескифского времени. Расположение рассматриваемых изваяний около стоящих рядом в одной цепочке объектов №17 и 18 указывает на синхронность существования «оленных» камней II и III типов. Из этого следует, что форма сечения «оленных» камней не всегда является хронологическим признаком, поскольку один из описываемых экземпляров изготовлен на валуне (курган №17), а второй из трапециевидного в поперечнике каменного блока (курган №18).

Изваяния из Кызык-Телани относятся к определенному этапу существования такого рода монументальной скульптуры. Д.Г. Савинов (1994, с. 117) указывает позднюю границу изготовления «оленных» камней типов I и II рубежом VI–V вв. до н.э. По всей видимости, все три выделенных им типа «оленных» камней бытовали в первой трети I тыс. до н.э., возможно, до VI в. до н.э. Об этом свидетельствует наличие «оленных» камней типов II и III в комплексе Ак-Алаха-2 (Полосьмак, 1993), датируемом концом IX – 1-й половиной VIII вв. до н.э., и изваяний у курганов памятника Кызык-Телань-I, относящихся ко 2-й половине VIII – 1-й половине VII в. до н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159).

По-видимому, к несколько поздним датированным изваяниям относится «оленный» камень типа II, стоявший на восточном крае кургана №40 на р. Бегире в Туве. Памятник был раскопан А.В. Адриановым в 1916 г., а опубликован Л.Р. Кызласовым

(1979, с. 76, рис. 61.-7–11), который определил погребение и «оленный» камень V в. до н.э. В свете новых материалов эта дата представляется завышенной и ее, вероятно, следует ограничить 2-й половиной VII – 1-й половиной VI вв. до н.э. Инвентарь погребения этого кургана не противоречит, а в большей мере свидетельствует в пользу предлагаемой даты. Золотая серьга с конусовидной подвеской (Кызласов, 1979, рис. 61.-8), происходящая из погребения кургана на р. Бегире, представлена в ряде комплексов с инвентарем 2-й половины VII–VI вв. до н.э. на широкой территории горностепного пояса Азии. Аналогии ей можно найти в памятниках Саяно-Алтая и Казахстана: у с. Быстрянского, Кулуг-Хем-I, Хемчик-Бом-III, Суглуг-Хем, Бойтыгем-II, Жиланды-I, Бес-Оба и т.д. (Завитухина, 1966, рис. 3.-3; Грач, 1980, рис. 86; Семенов, Килуновская, 1990, рис. 2.-8–11; Абдулганеев, 1994, рис. 3.-4–5; Кадырбаев, 1974, рис. 12; Кадырбаев, Курманкулов, 1978, рис. 3; Тишкин, 1999; и др.). Наиболее массовые такие находки зафиксированы при раскопках кургана Аржан-2 в Туве (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002; Минасян, 2004, с. 45). Данный комплекс датирован современными методами серединой – 2-й половиной VII в. до н.э. (Евразия..., 2005, с. 90).

Очевидно, что серьги с конусом изображены на ряде оленных камней Алтая (Кубарев, 1979, с. 47, табл. III.-1; IV.-6; IX.-1; X.-2; XVI.-2; Молодин, Черемисин, Новиков, 2004, рис. 5–7), Тувы (Грач, 1980, рис. 54; 115) и Монголии (Волков, 1981, табл. 34.-1; 103.-2; 111.-8). Они отсутствуют на оленных камнях типа I со стилизованными фигурами оленей, что, по мнению Д.Г. Савинова (1994, с. 107–108), «...является весьма важным дифференцирующим признаком, имеющим, вероятно, и этнографическое значение». По-видимому, такие различия в стиле изображения оленей и реалий отражают этнокультурные различия ареалов распространения «оленных» камней типов II и III Саяно-Алтайского региона и «оленных» камней типа I, локализовавшихся преимущественно в Монголии и Забайкалье и лишь частично использовавшихся в Туве и на Алтае. Это подтверждается также наличием «оленных» камней III и II типов в западном, евроазиатском, ареале и отсутствием там «оленных» кам-

ней типа I со стилизованными изображениями оленей. Данный показатель может являться свидетельством миграции на запад носителей «оленных» камней III и II типов из районов Саяно-Алтая и о неучастии в этом движении населения из более восточного региона Монголии и Забайкалья.

По определению Д.Г. Савинова (1994, с. 109), «оленные» камни типа I составляют одну культурную традицию (монголо-забайкальскую), отличную от другой, которую демонстрируют «оленные» камни типов II (саяно-алтайского) и III (евразийского). Не исключено также, что «оленные» камни типа I прекратили существование несколько ранее, чем изваяния типов II и III. «Оленные» камни I и II типов какой-то период сосуществовали, что подтверждается взаимным проникновением отдельных элементов, а также наличием «смешанной» группы памятников, сочетающих особенности того и другого типа.

Что касается других реалий на камне из кургана №17 памятника Кызык-Телань-I, то изображения лука, «горита» и неопределенной петли недостаточно четки, вследствие чего невозможно дать их исчерпывающую характеристику и использовать ее для культурно-хронологической интерпретации. Расположение указанных рисунков в верхней половине «оленного» камня выше черты, обозначающей пояс, напоминает размещение этих реалий в верхней части отдельных камней на Алтае, в Туве, Монголии, Казахстане и Средней Азии (Кубарев, 1979, табл. I; Могильников, 1980, рис. 4; Савинов, 1994, табл. IV.-1-2; VI.-7; VIII.-2-3, 13; IX.-1-2; Волков, 1981, табл. 99.-1; 104.-3; 105.-1). Лук со стрелой, направленной в сторону оленя, композиционно перекликается со сценами охоты на петроглифах Алтая, Тувы и Казахстана (Кубарев, Маточкин, 1992, с. 3; Окладников и др., 1979; 1980; 1981; 1982; Дэвлет, 1993, с. 170). Подобные изображения лука со стрелами имеются на «оленных» камнях Монголии (Волков, 1981, табл. 95.-1; 96.-1; 109.-5-10; Новгородова, 1989, с. 194; Окладников, 1981, с. 47, табл. 92). Такие сюжеты связаны, как считают исследователи, с культом воина, охотника и образом небесного оленя или коня.

Описываемые «оленные» камни из памятника Кызык-Телань-I расположены близко к северной границе распространения этого рода монументальной скульптуры. Помимо них, в данном регионе в 5 км к северу, в другом конце долины Кызык-Телань, у грота Куюс, на правом берегу Катунь лежал крупный стеловидный камень с выбитыми на одной из его граней профильными изображениями оленей и антропоморфной фигуры. Авторы публикации предположительно отнесли его к эпохе бронзы (Елин, Ларин, 1994, с. 50, 51, рис. 1). Скорее всего, рисунки связаны хронологически с подобными по стилю изображениями оленей в гроте. Там же есть и антропоморфное изображение (Окладникова, 1984, табл. 9).

Еще один «оленный» камень типа III открыт в 30 км к северу на могильнике Бике-III. Опубликовавший это изваяние В.Д. Кубарев (1993, с. 146–148, рис. 1) датировал его VIII–VII вв. до н.э. Наиболее северными являются находки двух «оленных» камней в долине р. Сентелек (приток Чарыша) на территории Алтайского края. Один из них, сильно пострадавший при распашке поля, обнаружен рядом с могильником Покровский Лог-5. Другой зафиксирован к северу от «царского» кургана в урочище Балчикова. Оба «оленных» камня имеют изображения (Гельмель, Демин, Ситников, Шульга, 1995; Демин, Шульга, 1995; Алтай в зеркале веков, 2001, с. 30; и др.). По классификации Д.Г. Савинова (1994), они относятся ко II и III типам. Поврежденное изваяние, характерное для раннескифского времени, отмечено на кургане хорошо известного в Казахстане памятника Майэмир (Марсадолов, Самашев, 2000, с. 26, рис. 39). Обнаружение этих «оленных» камней расширяет ареал распространения такого вида изваяний на Алтае и его предгорьях.

Процесс накопления рассматриваемых источников раннескифского времени продолжается, и в ближайшее время потребуются обобщение всех подобных данных. При этом для изучения необходимо привлечь серию зафиксированных обелисков. Они не имеют изображений, но выполняли роль, которая была аналогична «оленным» камням.

Стелы разных размеров найдены на памятнике Кызык-Телань-I стоявшими или лежавшими (упавшими) около насыпей четырех курганов (№48, 51, 55, 59) и двух выкладок (№25 с находками жерновов и №45 с сопровождавшим конским захоронением). При этом у объектов №25, 48 и 55 стелы были ориентированы узкими сторонами в направлении З-В, подобно «оленым» камням. У кургана №59 и выкладки №45 узкие стороны были направлены по линии ЮЗ-СВ. Эти данные свидетельствуют об ориентации «лицевой стороной» изваяний на восток с отклонениями, что также служит дополнительным аргументом сходства функций «оленных» камней и стел. В объекте №25 стела стояла в отличие от курганов среди камней выкладки. В этом отношении ситуация сопоставима с памятниками Юго-Восточного Алтая. В.Д. Кубарев (1979, с. 34) сравнивает такие стелы с «оленными» камнями и говорит об их одновременности.

Внешне стелы из Кызык-Телани имели вид брусообразных с округленными углами камней, вкопанных в землю на глубину 0,25–0,35 м и возвышавшихся над современной поверхностью на 0,28–0,6 м. Размеры их в поперечном сечении от 23х18 до 40х20 см. Наиболее крупная стела, лежавшая у кургана №51, имела такие параметры – 1,4х0,4х0,2 м. Четкой закономерности в отношении размещения стел возле насыпей курганов пока не прослеживается. Как уже сказано, на объекте №25 стела стояла в центральной части каменной наброски. Другие стелы находились у курганов и выкладки №45. Преобладает расположение стел у северо-западных и северо-северо-западных краев насыпей (курганы №55, 59 и комплекс №51/45). В кургане №48 стела стояла у юго-восточной полы.

Конструкции погребальных камер у курганов со стелами были различны. В объектах №48 и 59 под насыпями шел нетронутый грунт, в кургане №55 находился ящик из вертикально поставленных плит на древнем горизонте, а в кургане №51 погребение было совершено в цисте и сопровождалось выкладкой с захоронением коня, около северо-западной полы которой также стояла стела. Погребения в цисте и ящике курганов №51 и 55 разграблены. Также различны были погребальные камеры в кур-

ганах №17 и 18, возле насыпей которых лежали «оленные» камни. Курган №17 содержал погребение в каменном ящике на уровне древнего горизонта в сопровождении ног коня (шкуры ?) в ящике, пристроенном к основному захоронению с юго-востока. В кургане №18 захоронение совершено в яме.

В свете вышеизложенного можно сказать, что материалы из Кызык-Телани и особенно кургана Ак-Алаха-2 (Полосьмак, 1993) подтверждают мнение Д.Г. Савинова (1994, с. 158) о связи «оленных» камней с погребальным культом, не исключая при этом возможности несения ими более широкой семантической нагрузки. Это же, очевидно, можно сказать в отношении стел, выступающих аналогиями «оленных» камней. В настоящее время наличие «оленных» камней, стел и других вертикально установленных камней является характерной чертой бийкенской археологической культуры и требует отдельного специального изучения.

Глава III

Древние и средневековые объекты комплекса

В данной главе последовательно изложим характеристику материалов, полученных на памятнике Кызык-Телань-I и относящихся к разным культурно-хронологическим «пластам». Наиболее ранними из них являются объекты афанасьевской культуры, затем рассматриваются памятники скифо-сакского времени и оградка тюркской эпохи.

3.1. Курганы и выкладка афанасьевской культуры

Среди исследованных объектов некрополя Кызык-Телань-I к афанасьевской культуре относятся курганы №31, 33 и выкладка №32. Они располагались в центральной части могильника, у подножья гор, ограничивавших террасу (рис. 2). Курганы №31 и 33 составляли микроцепочку, ориентированную по линии ЮВ–СЗ. Полученные после раскопок материалы уже публиковались О.В. Лариным (1990, с. 3–11). Однако для полной характеристики исследованного комплекса приведем описание вскрытых объектов и коротко остановимся на их характеристике, привлекая при этом данные из статьи О.В. Ларина (1990).

Курган №31 на современной поверхности выделялся задернованным «кольцом» из рваного камня и мелкого галечника диаметром около 12 м. В северной части раскопа, у «кольца» на древней поверхности, обнаружены два рога и эпифиз лесного бизона (определение Н.М. Малкова, рис. 73).

После снятия дерна и зачистки курган представлял собой сплошную насыпь из мелкого рваного камня и галечника диаметрами 13,6 м (по линии Ю–С) и 13,2 м (по линии 3–В), высотой 0,5 м от уровня погребенного горизонта или 0,4 м от окружающей поверхности. В центре отмечен просад глубиной 0,2 м (рис. 71.-2). В насыпи камни располагались в 2–3–4 слоя. При этом крупные из них находились преимущественно по периметру, образуя подобие кольцевидной выкладки-крепиды диамет-

рами 12 м (по линии Ю–С) и 11,4 м (по линии 3–В), высотой до 0,45 м, шириной 0,5–0,7–0,8 м, устроенной в 3–4 слоя каменных блоков, которые были положены поперек конструкции (рис. 71.-1–2). Северо-восточная часть кольца частично разрушена, возможно, из-за переиспользования камня для сооружения находящихся по соседству курганов скифо-сакского времени.

В центре кольца зафиксирована овальная могильная яма (рис. 71). Ее размеры на уровне древнего горизонта составляли 2,6х2 м. Яма с несколько наклонными стенками и котловидным дном была ориентирована длинной осью по линии 3–В. Глубина от уровня погребенного горизонта оказалась 1,27 м (от уровня материка – 1,17 м). Размеры могилы в придонной части – 2,15х1,2 м, на уровне дна – 2х1,1 м. В яме находился массивный скелет человека длиной около 2,1 м. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки располагались вдоль туловища. Ноги были подогнуты и обращены коленями вверх, но затем завалились вправо на стоявший сбоку сосуд (рис. 72.-1). Кости плохой сохранности, череп раздавлен.

Скелет оказался частично окрашен охрой. Пятно охристой подсыпки прослеживалось на темени. В области левого запястья и предплечья такое пятно с мелкими кусочками охры было неправильной формы размером 23х22 см. Слева от черепа обнаружен фрагмент стенки от тонкостенного сосуда серого цвета. Он орнаментирован прочерченными линиями (рис. 74.-1). У левого предплечья стоял раздавленный круглодонный сосуд красно-коричневого цвета со следами нагара снаружи, с отогнутым венчиком. Емкость орнаментирована рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 74.-2). На внутренней поверхности сохранились штрихи от затирания пучком травы. Диаметр устья горшка – 12 см, тулова – 16,5 см, высота – 14 см. Справа, под коленями погребенного человека, находился развал большого круглодонного сосуда светло-коричневого цвета, также с отогнутым венчиком. Эта емкость была орнаментирована «качалкой», косыми и горизонтальными резными линиями, а также геометрическими фигурами по дну (рис. 75.-2). Диаметр устья – 15 см, тулова – 30 см, высота – 29 см. На кисте левой руки лежал

пест длиной 21,5 см, с наибольшим диаметром до 5 см, сделанный из валуна плотной породы зеленоватого цвета (рис. 75.-1). На левой ключице обнаружен маленький кусочек дерева неопределенной формы (рис. 72.-1).

Поверх насыпи были найдены два фрагмента керамики эпохи раннего железа.

Выкладка №32 примыкала к предыдущему кургану с северо-восточной стороны. После зачистки она оказалась плоской и неправильной формы. Размеры сооружения, сложенного из рваных камней в один слой с более крупными камнями по периметру, составили 2,6 м по линии Ю–С и 3 м по линии З–В (рис. 76). Под выкладкой, в центре, находилось небольшое пятно гумусированной почвы диаметром до 1,2 м, мощностью до 0,05 м. Объект производил впечатление пристройки к кургану №31, возможно, с ритуальной целью.

Курган №33 располагался в 1 м к юго-востоку от кургана №31. Над современной поверхностью слабо выделялась сильно задернованная плоская насыпь из рваного камня (рис. 77.-2). Конструкция сооружения идентична той, что зафиксирована при исследовании кургана №31 (рис. 72.-1). По периметру насыпи располагалась округлая выкладка-крепида из каменных блоков, расположенных поперек конструкции в два-три слоя (рис. 78). Ее размеры по линии Ю–С – 6,4 м, а по линии З–В – 6,7 м. Центральная часть насыпи оказалась из рваного скального камня. Высота насыпи – 0,38 м от уровня погребенного горизонта (рис. 77.-2). При расчистке у края юго-западной половины кургана обнаружены обломок кости и фрагменты плоскодонного сосуда с отогнутым венчиком (коричневого цвета, с нагаром внутри). Тесто содержало вкрапления дресвы. Орнамент, покрывавший верхнюю часть сосуда, состоял из горизонтальных прочерченных каннелюр, наклонных вдавлений гладкого штампа и наколов концом палочки (рис. 80.-3).

В центре кургана находилась овальная могильная яма (рис. 77.-2; 78), ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Ее размеры – 2,4х1,7 м (на уровне материка), глубина 1,3 м (от древней поверхности). Заполнение ямы представляло собой

суглинок с рваным камнем. Стенки сооружения оказались наклонными, поэтому внизу размеры могилы составляли 1,7х0,8 м. На дне находился скелет погребенного человека. Умерший лежал на спине с подогнутыми ногами, завалившимися коленями влево, головой на северо-восток (рис. 79). Правая рука была вытянута вдоль туловища и слегка согнута в локте так, что кисть оказалась в области таза. Левая рука лежала вдоль туловища, кисть находилась на левом бедре. Под коленями располагался раздавленный сосуд яйцевидной формы, светло-коричневого цвета, с нагаром внутри. Горшок орнаментирован на три четверти высоты тулова «гладкой качалкой» и наклонными вдавлениями того же штампа вдоль венчика (рис. 80.-1). С левой стороны от таза погребенного, у стенки ямы, находилось орудие из рога марала (?) со следами обработки, длиной 16,4 см, шириной 2,6 см, толщиной 1,7 см (рис. 80.-2; 81). По мнению О.В. Ларина (1990, с. 6), это был нож для снятия шкуры. Размеры сосуда такие: диаметр устья – 14 см, тулова – 19 см, высота – 23,5 см. Длина человеческого скелета составляла около 1,75 м.

Погребальный ритуал, зафиксированный при исследовании обоих курганов афанасьевской культуры, имеет явное сходство. Это отражено в конструктивных особенностях надмогильных сооружений, под центром которых находились одиночные ямы с наклонными стенками, заполненные камнями и грунтом. Возможно, около уровня древнего горизонта были какие-то деревянные перекрытия, но они не сохранились. Захоронения индивидуальны. Погребенные лежали на спине, с подогнутыми ногами и первоначально с поднятыми вверх коленями, которые завалились впоследствии в кургане №31 вправо, а в кургане №33 – влево (в обоих случаях в сторону поставленных рядом глиняных сосудов). В кургане №31 представлена частичная подсыпка охрой в районе правого виска и левого предплечья и кисти. В кургане №33 она не прослеживалась. Характерно наличие керамической посуды. Из инвентаря представлены каменный пест в кургане №31 и костяное орудие в кургане №33. С остатками ритуальных действий, очевидно, связаны кости лесного бизона, обнаруженные у насыпи кургана №31, и фрагменты керамики в

насыпи кургана №33, упомянутые выше. Ориентация погребенных различна: на запад–юго-запад – в кургане №31, на северо-восток – в кургане №33. Подобная неустойчивость ориентировки и преобладание северо-восточной ориентации в ранних памятниках афанасьевской культуры и положение головой на запад или юго-запад в поздних прослежено С.В. Цыбом (1980, с. 40; 1984, с. 11). Керамику характеризуют яйцевидный с приостренным дном горшок и округлодонные, близкие к сферическим сосуды. Орнамент покрывает почти всю поверхность глиняных емкостей. В орнаментальных композициях представлены ряды наклонных оттисков гребенчатого и гладкого штампов, «качалка», горизонтальные прочерченные каннелюры, а на фрагментах сосуда из насыпи кургана №33 еще и ряды ямочных наколов концом палочки. Яйцевидные горшки с приостренным дном и орнаментацией гребенчатым штампом отмечены преимущественно на памятниках афанасьевской культуры ранней группы I по периодизации С.В. Цыба (1984, с. 11), в том числе в могильниках Центрального Алтая – Кара-Коба, Урмулык и др. (Суразаков, 1987, рис. 3.-2; 6.-3; 10.-2–4). В то же время яйцевидные сосуды с низким венчиком, а также круглодонные емкости сферической формы и орнаментация из горизонтальных прочерченных каннелюр более присущи керамике поздней группы II (Цыб, 1980, с. 41, рис. 1.-9; 1984, с. 11). Подобная керамика представлена в кургане №9 памятника Кор-Кобы-I (Ларин, 1993, рис. 5.-2). Для группы II свойственна также частичная окраска, преимущественно черепа и ног, охрой (Цыб, 1980, с. 41). В целом комплекс поздних черт в погребальном ритуале и в керамике более выражен в кургане №31. В то же время конструкция насыпи с кольцевой крепидой этого кургана, как и объекта №33, свойственна ранней группе I. Кроме того, в кургане №33 к чертам архаичной группы I восходят ориентировка погребенного головой на северо-восток, яйцевидная с приостренным дном форма сосуда и густое заполнение его поверхности орнаментацией из наклонных оттисков «качалки». В целом же оба кургана, судя по планиграфии и конструкции, близки хронологически и археологически и могут рассматриваться как одновременные. По

периодизации С.В. Цыба (1984, с. 12), курганы №31 и 33 памятника Кызык-Телань-I могут быть отнесены к промежуточной группе, хронологически переходной между группами I и II. Первая группа датирована С.В. Цыбом концом IV – 1-й третью III тыс. до н.э., группа II – 2-й четвертью III – 1-й четвертью II тыс. до н.э. Поскольку курганы №31 и 33 сочетают в себе черты той и другой групп, то их дата может быть определена в широких рамках – 1-я половина III тыс. до н.э. С такой датой могут соотноситься находки костей лесного бизона у насыпи кургана №31. По мнению палеозоологов, этот вид животных на Алтае вымер в IV–III тыс. до н.э. О.В. Ларин (1990, с. 11) курганы №31 и 33 Кызык-Телани вместе с курганами памятника Кор-Кобы-I датировал рубежом III–II тыс. до н.э. К сожалению, найденные в курганах предметы (каменный пест и костяное орудие) не дают сведений для уточнения хронологии. Впрочем, если предложенная выше относительная хронология объектов афанасьевской культуры Кызык-Телани представляется более или менее определенной, то указанные абсолютные даты могут быть скорректированы. Но для этого требуется анализ всего материала афанасьевской культуры Алтая, который за последние годы значительно пополнился целым рядом комплексов из различных районов Алтая (см., например: Ларин, 2005). Часть из них к тому же имеет радиоуглеродные даты. Однако это тема отдельного исследования для специалистов.

Выкладка №32 не содержала материала. Возможно, как отмечено при ее описании, конструкция имела специфичный характер и предназначалась для обрядовых действий в связи с расположенным рядом курганом №31, к которому она примыкала. Подобные выкладки без захоронений, связанные, вероятно, с культовой практикой, известны на ряде некрополей афанасьевской культуры (Кор-Кобы-I, Бойтыгем-2 и др.) (Ларин, 1990, с. 9; Кирюшин, Абдулганеев, Неверов, 1992, с. 27). Под камнями таких сооружений находят следы гумусированных пятен и отдельные кости животных.

Выкладки возле курганов афанасьевской культуры известны также на Среднем Енисее. На могильнике Уйбат-Хулган у вос-

точной полы кургана №1 располагалась конструкция (№3) с подквадратной насыпью размерами 5х5 м, ориентированная углами по странам света. Под ней были найдены обломки сосудов и выявлены четыре небольших ямки, в трех из которых, по предположению Л.Р. Кызласова (1986, с. 245–251, рис. 163–168), могли быть захоронения младенцев, хотя останки костей отсутствовали, а четвертая (№3) представляла поминальный жертвенник, куда возливали жидкую пищу, т.е. производили культовые действия. Объект №32 в Кызык-Телани примыкал к кургану №31 с северо-восточной стороны, что близко к расположению указанной выкладки с востока от кургана №1 в Уйбат-Хулгане. Находившееся в центре выкладки №32 пятно гумусированного грунта диаметром до 1,2 м, толщиной до 0,05 м, вероятно, представляет следы разложившейся органики от производившихся там культовых церемоний.

Описанные курганы Кызык-Телани входят в группу памятников афанасьевской культуры Средней Нижней Катуни. К ним относятся стоянки, поселения и курганные могильники: Кара-Тенеш (Погожева, Кадиков, 1980; Погожева, Молодин, 1980), Узнезя-I, Бектиек-I, Сальдяр-I, Карасу-II, Томыс-Кан, Бойтыгем-1–2, Тогусхан-4, Каянча (Могильников, 1986, с. 54–55, рис. 6; Кирюшин, Абдулганеев, Неверов, 1992, с. 27; Казаков, 1992, с. 33–34; Абдулганеев, Ларин, 1994; Ларин, 1988а–б; 2005), Кор-Кобы-I (Ларин, 1990, с. 6–9), Айрыдаш-I (Суразаков, 1987, с. 3–4), Усть-Куюм (Сосновский, 1941, с. 304–306; Берс, 1974, с. 18–31); Бике-1–2 (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990; Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 1992), Элекманар (Степанова, 1993), Б. Толгоек (Соенов, 1991, с. 83–85); Чепош-3 (Шульга, 1993, с. 86–89) и др. Некрополи представлены как ранними памятниками (курганами с кольцами-кенидами, с северо-восточной ориентировкой умерших и яйцевидными сосудами с высокой шейкой и гребенчатой орнаментацией), так и более поздними (курганы с оградой из вертикальных плит, с ориентацией погребенных в юго-западный сектор и с сосудами подшаровидной формы с гребенчатой орнаментацией). При этом следует отметить, что надмогильные конструкции в виде кромлеха из плит на

Нижней Катуни немногочисленны. Конструкция с кольцевидной крепидой (генетически ранняя) продолжала сохраняться и в более поздний период, на что указывает и материал рассмотренных курганов Кызык-Телани. Кольцевидные выкладки в виде стенок, сложенных из нескольких слоев камней, существовали также у курганов на Среднем Енисее на протяжении всего периода бытования там афанасьевской культуры (Кызласов, 1986, с. 243, 251).

К сожалению, ограниченный материал из курганов Кызык-Телани не дает возможности внести какие-либо коррективы или дополнения в наши знания о хозяйстве, социальных отношениях и мировоззренческих представлениях общества «афанасьевцев» Алтая. Можно лишь отметить, что в числе объектов их охоты был лесной бизон, рога и кость которого обнаружены у насыпи кургана №31.

К настоящему времени известно более 30 стоянок и поселений с находками «афанасьевской» керамики. На части из них проведены раскопки. Могильники афанасьевской культуры обнаружены почти во всех районах Республики Алтай. Меньше всего их там, где экологические условия, по всей видимости, были малоблагоприятны для скотоводов. Наиболее полное представление о характере хозяйства «афанасьевцев» Алтая дает материал поселений, хотя и он фрагментарен из-за плохой сохранности остеологических остатков. Их изучение на поселении Балыктыюл выявило 67,4% костей овцы, 12,6% крупного рогатого скота и 8,2% лошади (Алехин, Гальченко, 1995, с. 22). Такой большой удельный вес мелкого рогатого скота присущ населению с полукочевым и кочевым скотоводческим укладом. Обломки зубов лошади обнаружены на могильнике Большой Толгоёк у с. Апшухты (Соенов, 1995, с. 33). Подсобную, но в то же время значимую роль играла охота, в том числе на крупных копытных для получения мяса и поделочного материала в виде рогов. На поселении Кара-Тенеш найдены рога дикого козла и марала, а также заготовки изделий из кости и рога (Погожева, Кадиков, 1980, с. 204, 207–208, рис. 7, 9). Правда, их принадлежность к афанасьевской культуре не бесспорна ввиду много-

сложности памятника. Возможно, у «афанасьевцев» существовало земледелие, с чем могут быть связаны находки пестов в погребениях и на поселениях.

Немногочисленные объекты на некрополях, небольшая мощность культурного слоя поселений и наличие кратковременных сезонных стоянок-стойбищ также, вероятно, обусловлены скотоводческим типом хозяйства. Очевидно, «афанасьевцы» Алтая проживали в долинах отдельными общинами.

В заключение этого параграфа хотелось бы кратко остановиться на одном принципиальном моменте. Это касается правомерности использования понятия «афанасьевская культура» для Алтая. На наш взгляд, устоявшиеся представления методологически (да и практически) не совсем верны. Обозначение «афанасьевская культура» непосредственно связано с изучением памятников Минусинской котловины (Теплоухов, 1927, 1929а–б). Исходя из этого и учитывая специфику комплексов, название необходимо применять только там. Механический перенос его на другие регионы искажает объективность реконструкции этнокультурной ситуации. В то же время никак нельзя выделять алтайский вариант афанасьевской культуры. В любом случае это не локальный вариант (см.: Тишкин, Дашковский, 2003а), а самостоятельная культура, которая определенным образом сформировалась и имеет свою историю развития. В связи с этим есть смысл дать для Алтая ее собственное название, например, «Сальдярская» по памятнику, материалы которого монографически опубликованы (Ларин, 2005). Однако данное предложение требует специального обсуждения. В настоящем случае мы лишь высказываем свою точку зрения и призываем к осмыслению существующей ситуации.

3.2. Святилище и камень с петроглифами

В первой и второй главах был представлен массив объектов, определенных раннескифским временем. Однако на памятнике имеются комплексы, которые трудно датировать более или менее однозначно. Это касается нескольких курганов. О них речь пойдет в следующем параграфе. Подобное можно говорить и о

святилище, включающем камень с петроглифами и культурный слой у его подножия. Предварительно этот комплекс можно отнести к эпохе раннего железа, а вероятнее всего, к скифосакскому времени.

Святилище и камень с петроглифами расположены в восточной части памятника рядом с курганами группы III, у подножия окаймляющих долину гор. На гладкой южной вертикальной поверхности отдельно стоящего камня (ширина 2,45 м, высота 1,46 м) имеется семь изображений животных (рис. 82). Фигурки небольшие, длиной от 8 до 14 см.

Петроглифы Кызык-Телани, именуемые Кык-Еланью, расположенные главным образом у грота Куюс, были объектом изучения Е.А. Окладниковой. В монографии, посвященной наскальному искусству Средней Катуни, среди рисунков Кык-Елани (Окладникова, 1984, с. 14–15, табл. 14, 15) рассматриваемые изображения отсутствуют. Очевидно, они выпали из поля зрения исследовательницы или были ей не известны.

Все фигурки на камне памятника Кызык-Телань-I выполнены сплошной силуэтной выбивкой в точечной технике. Четкой взаимосвязанной композиции они не образуют. Однако для всех фигур животных характерны динамизм и реализм при известной доле стилизации (рис. 82). Козлы изображены в одной позе. Головы с большими загнутыми рогами у них вытянуты вперед. Два верхних козла стоят парой, они головами обращены влево (рис. 82; 83.-1; 84.-2). Две другие фигуры таких животных расположены поодиночке, в напряженной позе с головами, вытянутыми вправо (рис. 82; 83.-2; 84.-1; 85.-1, 4). Если рассматривать расположение козлов в целом, то они как бы обзорывают окружающее пространство долины со всех сторон. Ноги животных напряжены, будто они готовы к бегу или прыжку, что в определенной мере напоминает позу копытных, стоящих «на цыпочках», характерную для искусства звериного стиля раннескифского времени (Грязнов, 1947, рис. 4.-11; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 103, рис. 41).

Фигуры других животных, представленных на камне, менее выразительны, хотя динамизм также характерен и для них. Это

изображение благородного оленя с широко раскинутыми ветвистыми рогами, вытянувшего вперед шею и голову (рис. 82; 83.-2; 85.-2). Задние ноги его как бы оттянуты назад, готовы к скачку или быстрому бегу. Бык также стоит с поднятой вверх головой, увенчанной крупными дугообразными рогами (рис. 82; 83.-3; 85.-3). Судя по их форме, изображен як или сарлык. Несколько необычен для фигуры быка, поднятый вверх хвост, хотя подобную позу можно наблюдать и у таких животных. Фигурка, помещенная под композицией из двух козлов (рис. 82; 83.-1; 84.-2), дана также в динамике. По виду она может быть идентифицирована с козликом или зайцем (?).

Одинаковый стиль и техника изображений, особенности стилистики, динамизм фигур животных дают основания относить рисунки описываемого камня-святилища к эпохе раннего железа. Но именно для скифо-сакского времени в искусстве петроглифов характерны многочисленные изображения козлов, оленей с ветвистыми рогами (иногда те и другие с солярной символикой), динамизм, многофигурность панно. По стилю изображения петроглифы описываемого камня входят в круг наскальных рисунков Средней Катунь, имеющих некоторое своеобразие, отмеченное Е.А. Окладниковой (1984, с. 29, 55–55), по сравнению с наскальной живописью Южного и Юго-Восточного Алтая (Окладников и др., 1979; 1980; 1981; 1982). Прямые аналогии кызык-теланьским фигурам можно найти в изображениях Бийкенской писаницы (Тишкин, Горбунов, 2005).

Вышеизложенный материал дополняет имеющиеся сведения еще и тем, что кроме копирования рисунков произведено вскрытие культурного слоя святилища. У камня с петроглифами был заложен раскоп общей площадью 42 м² (рис. 86.-1). Его стратиграфия по линии А–А' следующая: а) гумус толщиной 20 см; б) темно-коричневый суглинок – 30 см; в) светло-серый речной аллювий с включением гравия (рис. 86.-2). В раскопе обнаружены обломки костей животных, фрагменты керамики, а также остатки трех кострищ. Находки сделаны в суглинке и в верхней почве.

В слое темно-коричневого суглинка обнаружены следы двух кострищ (рис. 86.-1), залегавшие в нижней части, непосредственно на поверхности речных отложений. Центральный очаг (№1) располагался вплотную к нижней части плоскости с петроглифами (рис. 86.-3). Он представлял собой полуовал, выложенный из одного ряда камней. Северной стенкой очага служил камень с петроглифами. Расстояние от него до внутренней стороны южной стенки (овала из камней) – 0,45 м. Очаг был заполнен слоем золы толщиной до 8 см. В нем найден небольшой обломок кальцинированной кости. Рядом с очагом обнаружены два фрагмента стенок сосуда без орнамента.

Кострище №2 находилось в 2,4 м к югу от центрального очага (рис. 86.-1). Его диаметр был 0,43 м, а толщина зольной прослойки составляла 5 см. Рядом с кострищем обнаружено несколько обломков костей животных, пять из которых кальцинированы. Там же найден фрагмент неорнаментированной керамики.

Несколько мелких обломков костей и незначительных фрагментов керамики обнаружены в верхней части слоя темно-коричневого суглинка вблизи границы с гумусным слоем. Основная масса находок была приурочена к нижней части гумуса. Со слоем гумуса связан развал однослойной каменной кладки, ограждавшей пространство перед петроглифами. С севера эта площадка ограничена самим камнем с изображениями, а с юга она замкнута двумя крупными камнями, залегающими на слое речных отложений и на 0,48 м возвышавшимися над современной поверхностью. Между камнем с петроглифами и южными камнями в гумусном слое с восточной и западной сторон рассматриваемого участка сохранилась однослойная каменная кладка. Нижней частью камни лежали на слое темно-коричневого суглинка, что позволяет связывать остатки кладки-ограждения с верхним слоем залегания находок. Основная часть этого слоя (фрагменты керамики, обломки костей животных) обнаружена в пределах огражденной площадки. С внешней стороны ее керамика и кости попадались редко и постепенно исчезли к краям раскопа.

У восточной стенки ограждения, с внутренней стороны, находилось кострище №3, залегавшее в нижней части гумуса. Диаметр кострища 0,5 м, толщина золистого слоя с включением угольков 6 см. В кострище и вокруг него найдено несколько кальцинированных костей.

Фрагменты керамики из верхнего слоя происходят от сосудов с плоским (рис. 87.-1, 5), округленным (рис. 87.-2) или приостренным (рис. 87.-3, 7) венчиком. Основные мотивы орнамента – овалы вдоль края венчика (рис. 87.-2), продолговатые вдавления (рис. 87.-7–8), выдавленные изнутри бугорки «жемчужины» (рис. 87.-5), зашпы (рис. 87.-4). По профилировке верхней части выделяются емкости баночной формы с почти вертикальным венчиком (рис. 87.-1–4) и полузакрытые чаши или банки с венчиком наклоненным вовнутрь (рис. 87.-5, 7, 8). Сосуды вылеплены из глины с примесью песка и дресвы. Поверхность хорошо заглажена и имеет темно-серо-коричневый цвет. Обжиг костровой.

Подобная керамика представлена на памятниках I тыс. до н.э. Горного Алтая и его северных предгорий. Это группа поселений в районе Маймы и Горно-Алтайска, Кара-Тенеш у Кююса и др. (Суразаков, 1982, рис. 5.-1–5; Киреев, 1987, рис. 1.-4; Погожева, Молодин, 1980, с. 93–94; Шульга, 1990, с. 84–85, рис. 1; 1991, с. 157–159).

Судя по керамике из культурного слоя и стилю петроглифов, святилище существовало в эпоху раннего железа. Малочисленность рисунков, небольшая мощность культурного слоя и прокалов кострищ свидетельствуют, скорее всего, о кратковременном периоде функционирования культового места у камня. Имевший материал не дает возможности более точно определить его дату. Для этого потребуются дополнительные исследования, в том числе с привлечением естественно-научных методов.

Полученные данные свидетельствуют, что около камня производились какие-то ритуальные, возможно, и магические действия. В их состав входили выбивка фигурок животных, разведение костров, совершение тризны или подношений. Остатками

этой практики являются сохранившиеся в культурном слое обломки глиняных сосудов и костей животных, в том числе пережженных.

3.3. Погребальный обряд и инвентарь скифо-сакского времени

К обозначенному периоду относятся курганы, отличающиеся от вышеописанных комплексов раннескифского времени погребальным ритуалом и составом инвентаря. Здесь же представлены объекты, датировку и культурную принадлежность которых трудно определить из-за разграбленности.

Курган №2 находился в южной части некрополя, по соседству с курганами раннескифского времени (рис. 2). Насыпь диаметром 5,6 м и высотой 0,2 м состояла из рваных камней, пространство между которыми заполнено лессовидным суглинком. По ее периметру выявлено кольцо, сложенное из более крупных камней на уровне древнего горизонта (рис. 88.-1). Под насыпью, в центре кургана, зафиксирована подпрямоугольная могильная яма размером 1,5х1,1 м, глубиной 0,62 м от древнего горизонта, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 88.-1–2). На дне ее находился каменный ящик размерами 1,1х0,5х0,3 м, сложенный из вертикально поставленных каменных плит. Юго-западная и северо-восточная торцовые стенки отсутствовали. От перекрытия сохранилось несколько небольших плит. Погребение ограблено. От скелета человека остались кости ног и обломки таза. Погребенный, скорее всего, был уложен на бок с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Вещей не обнаружено.

Курган №3 вместе с объектами №4–6 в центральной части памятника образовывал цепочку, ориентированную по линии ЮЮВ–ССЗ (рис. 2). Данные о раскопках курганов №3–6 опубликованы А.С. Суразаковым (1983, с. 42–51). Описываемый объект располагался в южной части цепочки. Округлая каменная насыпь имела диаметр 6,2 м, высоту 0,4 м. В центре отмечена пологая западина, под которой находилась подпрямоугольная яма размерами 2,4х1,5 м и глубиной 1,4 м, ориентированная

длинной осью по линии З–В (рис. 89.-1). На дне могилы располагался каменный ящик из вертикально поставленных плит, перекрытый также плитами, уложенными в два слоя (рис. 89.-2). Размеры погребальной камеры внутри составили 1,3х0,6 м, высота 0,4 м. В ящике зафиксирован скелет мужчины 40–45 лет (определения А.Р. Кима). Погребенный лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток (рис. 90.-1). Правая рука его была вытянута вдоль туловища, а левая оказалась согнута в локте и располагалась поверх правой.

В изголовье, в северо-восточном углу ящика, находился выдолбленный из целого куска дерева ковш (рис. 90.-1/1; 91.-1), рядом с которым лежали позвонки овцы (рис. 90.-1/3) и бронзовый пластинчатый нож длиной 11 см (рис. 90.-1/2; 91.-2; фото на обложке). Сверху ног, в направлении от тазовых костей к пяточным, зафиксированы фрагменты деревянных древков стрел диаметром до 0,8 см, длиной около 0,5 м (рис. 90.-1/5, 2в–ж). У некоторых из них сохранились арочные вырезы для тетивы (рис. 90.-2г). У тазовых костей и ниже располагались фрагменты деревянной основы лука (рис. 90.-1/4). Окончания лука были выстроганы отдельно из двух коротких толстых палок (рис. 90.-2а–б). Сечение их вытянутое подчетырехугольное с закругленными углами. Основа лука состояла из склеенных между собой трех длинных подчетырехугольных в сечении струганных лучин (рис. 90.-3). Три стороны каждой из них для прочности склейки имели косые нарезки. Трехсоставная основа лука дополнительно обклеивалась деревом. От этой обклейки сохранились тонкие шириной до 1,2 см деревянные фрагменты с косой нарезкой на одной из сторон (деревянные детали лука см. на фото, помещенном на обложке).

У пяточных костей погребенного найдены три костяных наконечника стрел (рис. 90.-1/5; 91.-3–5, фото на обложке). Два из них (длина 4,7 и 6,5 см) – плоские черешковые с заостренными гранями и вытянутой треугольной головкой (рис. 91.-3, 4). На черешках имеются косые насечки для лучшего скрепления с древком. На грани одного из наконечников острым предметом прочерчен тамгообразный знак в виде двух параллельных на-

клонных линий и третьей, пересекающей их вертикально (рис. 91.-3). В отличие от двух первых, третий наконечник длиной 5 см оказался трехгранным (рис. 91.-5). На одной из его граней также имеется подобная тамга из двух горизонтальных параллельных линий и одной, пересекающей их перпендикулярно. Судя по расположению описанных находок, лук и стрелы могли находиться в одном футляре, который крепился с левого бока.

Курган №4. Каменная насыпь была диаметром 6 м, высотой 0,45 м (рис. 92.-I). В центре просматривалась пологая западина (рис. 92.-2), под которой зафиксирована подпрямоугольная яма размерами 1,8х1,5 м, глубиной 1,8 м, ориентированная длиной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. На дне ее располагался ящик размерами внутри 1,32х0,6 м, высотой 0,4 м, сложенный из вертикально поставленных каменных плит и перекрытый сверху несколькими плитами (рис. 92.-I, II). Погребение ограблено. В северо-восточной части камеры находились кости рук, обломки тазовых, ребра и череп, а в юго-западной в первоначальном положении сохранились берцовые и кости стоп. Судя по расположению костей, видно, что погребенный был уложен с подогнутыми ногами, на правый бок, головой на восток (рис. 92.-II).

Курган №5. Насыпь диаметром 4,8 м, высотой 0,48 м сложена из различных камней. В центре отмечена пологая западина, под которой зафиксирована подпрямоугольная могильная яма размерами 1,56х1,05 м, глубиной 1,32 м, ориентированная длиной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 93.-I). На дне ее находился каменный ящик размерами внутри 1,04х0,46 м, высотой 0,4 м, сложенный из вертикально поставленных плит и перекрытый такими же камнями. Погребение женщины (20–25 лет) ограблено. Кости разбросаны (рис. 93.-II). Череп найден у северо-восточной стенки камеры, а кости ног – у юго-западной. Судя по всему, погребенная была уложена на правый бок, головой на восток–северо-восток. Вещей не найдено.

Курган №10. Округлая каменная насыпь имела диаметр 5 м, высоту 0,48 м. В центре отмечена небольшая пологая западина, под которой зафиксирована подпрямоугольная могильная яма размерами 1,54х1,1 м, глубиной 1,4 м от древнего горизонта,

ориентированная по линии 3–В (рис. 94.–II). На дне ее находился каменный ящик размерами внутри 0,96х0,5 м, высотой 0,4 м из вертикально поставленных плит. Перекрытие из каменных плит сдвинуто с первоначального положения. Погребение ограблено (рис. 94.–II). Находок нет.

Курган №37 занимал крайнее восточное положение в цепочке объектов (№40, 39, 41, 38, 37), ориентированной по линии 3–В. Он находился в 8 м к северо-востоку от описанного в главе I кургана №6 (рис. 2). Округлая насыпь диаметром 5,6 м, высотой 0,6 м от древней поверхности была сложена в 2–4 слоя рваных камней и отдельных валунов (рис. 95.–1–2). В ходе выборки камней юго-восточного сектора насыпи обозначилась часть кольцевой выкладки (рис. 95.–3). В других местах кургана ее выявить так и не удалось, поскольку крепидо-стенка была сложена из камней, структурно неотличимых от каменной наброски.

Под насыпью зафиксирована подпрямоугольная с закругленными углами могильная яма размерами на уровне горизонта 1,8х1,2 м, глубиной 1,2 м от древнего горизонта, с почти вертикальными стенками, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. На дне ее находился каменный ящик размерами внутри 1,15х0,65 м, высотой 0,46 м, сложенный из шести плит (по одной на торцах и по две на продольных стенках) (рис. 96.–1–2).

Погребение разграблено. Яма заполнена камнями вперемежку с землей, в ящике – супесь, гумусированный грунт и мелкие камни. Ящик был перекрыт семью плитами, две из которых выкинуты при ограблении. На дне ящика кости перемешаны (рис. 96.–1). При этом верхняя часть скелета (череп, ребра, кости рук) находилась восточнее, а кости таза и ног (бедренные и берцовые) – в западной части ящика. Исходя из этого, можно полагать, что погребенный лежал скорченно, головой на восток–северо-восток, предположительно на правом боку. Кости плохой сохранности.

В изголовье, у восточной стенки стоял глиняный сосуд с носиком-сливом (рис. 96.–1/1). Он – плоскодонный, с гладкой поверхностью светло-коричневого цвета, ангобирован и подлощен (ангоб местами отвалился). Сосуд вылеплен из глины с приме-

сю шамота, украшен «жемчужным» и нарезным орнаментом (рис. 97.-4). Полосы между «жемчужинами» прочерчены концом палочки. Рядом с сосудом лежали две железные булавки (рис. 96.-1/2) с шаровидными головками, сильно корродированные (рис. 97.-1-2). В области левого (?) плеча находилась подпрямоугольная плоская бусина из зеленоватого камня (рис. 96.-3; 97.-3).

Курган №42 расположен в группе V некрополя, у подножия гор, с восточной стороны от объектов афанасьевской культуры №31-33 (рис. 2). Насыпь неопределенных очертаний диаметром около 5,6 м, высотой 0,3 м была сделана из редко уложенного рваного камня (рис. 98.-1, 2). Возможно, что часть камней с насыпи взята для сооружения более поздних конструкций.

Под центром кургана зафиксирована подтрапещевидно-овальная яма размерами 2,2х1,25 м, глубиной 0,8 м от древнего горизонта, со слегка наклонными стенками, ориентированная длинной осью по линии ЮВ-СЗ (рис. 98). Она оказалась заполнена коричневатой супесью с включением крупных камней.

На дне ямы находился каменный ящик размерами внутри 1,6х0,65 м, высотой 0,8 м, сооруженный из шести вертикально поставленных плит и перекрытый поперек горизонтально лежащими по уровню древнего горизонта плитами. На дне ящика зафиксирована правая половина скелета человека (рис. 98.-3). Череп, позвоночник, левые рука, ребра и нога отсутствовали. Анатомический порядок костей исключает предположение об ограблении погребения. Очевидно, было захоронена правая часть туловища усопшего, возможно, помещенная в куклу, тогда как левая часть с черепом, позвоночником и тазом могла быть оставлена для каких-то ритуальных действий. Правой половине туловища была придана обычная поза для пазырыкских и каракобинских захоронений – на правом боку с подогнутой ногой, с предполагаемой ориентировкой головой на юго-восток. В области пояса лежали костяные (квадратная и трапещевидная) пронизи (рис. 99.-3-4), две парных роговых пластинчатых пряжки с круглыми отверстиями и продолговатыми прорезями для продегивания конца поясного ремня (рис. 99.-1-2).

Все описанные курганы скифо-сакского времени на Кызык-Телани относятся к числу малых. Их диаметр от 3,5 до 8,8 м, высота колеблется в пределах 0,2–0,76 м от уровня древнего горизонта. Насыпи сложены из рваного камня, пространство между которыми заполнено лессовидным суглинком. Под насыпью, по периметру на древнем горизонте, как и в раннескифских курганах, устраивалось кольцо из более крупных камней. Все курганы в центре содержали по одному погребению, располагавшемуся в подпрямоугольной яме. Размеры могильных ям варьируют от 1,35х1,05 до 2,4х1,5 м, глубина 0,6–1,8 м. Их размеры в плане определялись величиной установленных в могильных ямах каменных ящиков, величина которых в свою очередь зависела от возраста и позы погребенных.

Ориентировка могильных ям неустойчива. Однако преобладает расположение продольной оси по линии ЗЮЗ–ВЗВ с отклонениями в пределах от ЮЗ–СВ до З–В. В ямах находились ящики из вертикально установленных каменных плит, большие щели между которыми закрывались дополнительно приставленными каменными плитками – нащелинами. Размеры ящиков внутри варьировали и в среднем составляли такие параметры: длина 1,1–1,3 м, ширина 0,5–0,6 м, высота преимущественно в рамках 0,4–0,6 м. Сверху ящик перекрывали уложенные поперек несколько каменных плит. В основном конструкция ящиков вроде бы аналогична устройству погребальных камер раннескифского времени, устанавливавшихся главным образом на уровне древнего горизонта, редко – в мелкой яме с расположением перекрытия на уровне погребенной почвы. Однако отличаются пропорции ящиков за счет увеличения их длины, что связано с менее скорченным по сравнению с раннескифским временем, положением погребенных в ящиках. Существенная разница выявляется и по другим показателям.

Поза и ориентировка погребенных не всегда устанавливаются в деталях из-за разграбленности могил. В кургане №10 все содержимое ящика было выкинуто. Большинство погребенных людей располагалось в ящиках на правом боку с подогнутыми ногами (в позе спящего), головой на восток–северо-восток с от-

клонениями. Из-за нарушенности костяков при ограблении положение рук зафиксировано только в кургане №3.

Необычное погребение зафиксировано в кургане №42. На дне относительно большого каменного ящика лежала правая половина скелета человека, которой была придана поза, обычная для захоронений пазырыкской культуры. При этом курган не был потревожен. Возможно, в могилу уложили манекен. Для его создания, по-видимому, использовались пронизи и пряжки.

Если формально сравнивать исследованные курганы раннескифского времени и рассмотренные в данном параграфе объекты, то можно найти ряд схожих черт. Однако принципиальные отличия свидетельствуют о разных культурных традициях захоронений в каменных ящиках на памятнике Кызык-Телань-I. Эти изменения произошли, очевидно, в VI в. до н.э. Со второй половины VI в. до н.э. в Горном Алтае распространяются памятники пазырыкской культуры с присущими для них ритуалами (Руденко, 1960; Марсадилов, 1985, с. 14–15; 1988, с. 80; 2000).

Анализ инвентаря необходим для характеристики погребального обряда, хронологии и культурно-этнических связей населения. К сожалению, он малочислен. Предметы обнаружены в нескольких захоронениях. Возможно, они были и в других курганах, но не сохранились из-за ограбления могил. В целом инвентарь беден и представлен частью единичными вещами.

Определенный интерес представляет сосуд с носиком из кургана №37 (рис. 97.-4). Подобные емкости в общем-то не характерны для керамической посуды Горного Алтая эпохи раннего железа. В лесостепной зоне Приобья они также широко не встречаются. В Горном Алтае сосуды с носиком найдены в кургане №1 могильника Кызыл-Джар-III (Могильников, 1983б, рис. 2.-5; Суразаков, 1988, рис. 25.-2), на памятнике Верх-Еланда-II (Степанова, Неверов, 1994), а также в других комплексах (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 37). В достаточном количестве рассматриваемые изделия известны в культуре саков Казахстана (Акишев, Кушаев, 1963, рис. 77, 82; Вишневская, 1973, табл. X.-20; XI.-21; XXII.-11; XXIII.-1–2), которые в VI–IV вв. до н.э. проникают как в Горный Алтай, так и в степные и лесостеп-

ные районы Обь-Иртышья (Могильников, Куйбышев, 1982, с. 133; Могильников, Суразаков, 1980, с. 190; Могильников, 1983б, с. 60–61; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 104; и др.). Возможно, что в рассматриваемом сосуде сочетаются местные и привнесенные черты. К первым относятся слегка закрытая баночная форма и орнамент из ряда «жемчужин», чередующихся с насечками (рис. 97.-4). Ко вторым – наличие носика, отражающее, вероятно, воздействие культуры саков.

Детали деревянного лука, древки и три костяных наконечника стрел встречены в кургане №3 и уже рассматривались А.С. Суразаковым (1983, с. 43, рис. 2). Для полноты характеристики памятника кратко остановимся на них. Остатки лука и стрел находились в погребении слева от костей таза и левой ноги, куда данные предметы были положены при погребении усопшего. Стрелы были помещены наконечниками вниз. Расположение лука и стрел вдоль левого бока погребенного отмечено также в других погребениях пазырыкской культуры Алтая, например, в курганах №1 и 3 могильника Кызыл-Джар-I (Могильников, 1983а, с. 5, 8). Возможно, как предполагает В.Д. Кубарев (1987, с. 74), для погребений Уландрыка лук был вложен в колчан вместе со стрелами. В курганах Юстыда луки также найдены рядом с колчанами-горитами (Кубарев, 1991, с. 83).

Лук из кургана №3 Кызык-Телани сложный, склеен из нескольких кусков дерева (Суразаков, 1983, с. 43). Остатки луков, открытые в других курганах пазырыкской культуры, в частности, в погребениях Уландрыка и Юстыда (Кубарев, 1987, с. 69; 1991, с. 83), были также сложными, склеенными из нескольких слоев дерева.

Фрагменты деревянных древков стрел, сохранившихся в кургане №3 Кызык-Телани, имели диаметр 0,8 см и арочный вырез для тетивы. Они лежали у тазовых костей и ниже, а у пяточных костей находились три костяных черешковых наконечника стрел. Подобные изделия, особенно с трехгранной головкой, распространены на широкой территории и не имеют узкой хронологии. Более редки наконечники стрел с плоским пером. В предгорьях Алтая такие наконечники представлены в могиль-

нике Березовка-I (Полторацкая, 1961, рис. 6.-5). Подобные трехгранные наконечники стрел с коротким черешком обнаружены в кургане №4 у д. Черновой, в курганах Туекты, Кумуртука и в других памятниках (Руденко, 1960, с. 242, табл. XXI.-4; Киселев, 1951; и др.). А.С. Суразаковым (1988, с. 56) на Алтае учтено 32 костяных черешковых наконечника стрел с трехгранной в сечении головкой, относящихся к V–III вв. до н.э. В настоящее время этот показатель увеличился (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 76–77; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 62–65). Данный тип костяных или роговых наконечников широко представлен в памятниках алды-бельской и саглынской культур Тувы (Грач, 1980, рис. 32.-14–25; 53; 54; 85.-1, 3; 112.-6; Кызласов, 1979, рис. 55.-6), где такие изделия датируются VII–VI–III вв. до н.э. Широко представлены подобные наконечники в культурах лесостепи в широком хронологическом диапазоне (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XV.-6–8).

К орудиям труда относится найденный в том же кургане №3 рядом с костями овцы бронзовый пластинчатый нож. Аналогичные экземпляры были широко распространены в раннескифское время (Грязнов, 1956, табл. XVIII.-25, 30; Грач, 1980, рис. 84.-5), но продолжали использоваться и в последующий период до IV–III вв. до н.э. (Суразаков, 1988, с. 16–23).

Детали поясного набора обнаружены в кургане №42, для которого весьма сложно определить узкую дату. В останках человека обнаружены пара роговых пластинчатых пряжек и две костяные пронизки (рис. 99). Одна из пронизей частично обломана и формой напоминает блок от чумбура. Наиболее ранние экземпляры парных роговых пластинчатых пряжек подобной схемы на сопредельной территории известны в памятниках кочевников V–IV–III вв. до н.э. – в Верхнем и Среднем Прииртышье (Бокоренко, Заднепровский, 1992, табл. 66.-40; Могильников, 1972, рис. 12.-3), в Верхнем Приобье (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXXVI.-19, 20), в Туве (Грач, 1980, с. 35, рис. 35.-10–13; 39.-14; 53.-2–3; 61.-5–6; Мандельштам, 1992, табл. 77.-81–83). Некоторые экземпляры тувинских поясных пряжек покрыты высокохудожественной резьбой с изображениями в зверином стиле

(Грач, 1980, рис. 40; 41; 62.-1). На Алтае парные роговые пластинчатые изделия встречены в кургане №17 могильника Юстыд-ХII, отнесенном В.Д. Кубаревым (1991, с. 68, 133–134; рис. 21.-1–2; табл. XL.-9–10) к памятникам алтае-саянского типа и датированном III–II вв. до н.э. В курганах пазырыкской культуры Алтая значительно шире представлены парные деревянные пластинчатые пряжки подобной формы, вероятно, специально изготовлявшиеся для погребения (Кубарев, 1987, рис. 27; 1991, рис. 21.-6–7, 11). Очевидно, они копировали употреблявшиеся в реальной жизни более прочные, но трудоемкие в изготовлении костяные или роговые экземпляры. Некоторые образцы таких пряжек, как и в Туве, украшены изображениями в зверином стиле – Ак-Алаха-1, курган №1; Уландрык-IV, курган №3 (Полосьмак, 1994а, с. 37–38, рис. 32; Кубарев, 1987, с. 76–77, рис. 27.-7; табл. LXXVIII.-20). Конструктивно близкие парные роговые, в том числе декорированные, пряжки представлены в памятниках II–I вв. до н.э. у хунну Забайкалья (Коновалов, 1976, табл. XIII.-8, 11; Руденко, 1962, табл. XXII.-4, 7).

Исходя из элементов сходства парных пластинчатых пряжек Алтая с пряжками хунну, В.Д. Кубарев (1987, с. 77–79) объясняет распространение пряжек такого типа на Алтае воздействием хуннуской традиции в III–II вв. до н.э. Однако, принимая во внимание вышеприведенные более ранние аналогии и дату кургана №1 Ак-Алахи-1 в пределах V – начала IV вв. до н.э. (Полосьмак, 1994а, с. 66), можно считать, что парные роговые пластинчатые пряжки на Алтае появляются в V–III вв. до н.э. под влиянием контактов с населением Тувы и более северными степными и лесостепными этническими группами междуречья Иртыша и Оби. За относительно раннее появление поясных парных пластинчатых пряжек на Алтае говорит стиль изображения вырезанных на них фигур животных. Как справедливо отмечает Н.В. Полосьмак (1994а, с. 37–38), фигурки барсов, вырезанные на деревянных пластинчатых пряжках из кургана №1 памятника Ак-Алаха-I, «...стилистически близки вырезанным на Башадарской колоде» тиграм. Второй Башадарский курган с колодой с тиграми датируется серединой VI в. до н.э. (Руденко, 1960,

с. 336) или 2–3-ей четвертью VI в. до н.э. (Марсадолов, 1985, с. 14; 2000, с. 22). Такие стилистические параллели, очевидно, следует учитывать при установлении нижней даты появления парных пластинчатых пряжек на Алтае.

На основании изложенного можно заключить, что роговые пластинчатые пряжки в Алтае-Саянском регионе появились около середины I тыс. до н.э. и продолжали использоваться, варьируя в форме на протяжении V–IV–II вв. до н.э. Найденные вместе с пряжками этого типа в погребении кургана №42 Кызык-Телани две костяные плоские трапециевидная и подквадратная пронизки-накладки также длительное время использовались во 2-й половине I тыс. до н.э. Аналогичные подквадратные пронизки представлены в комплексе V–IV вв. до н.э. кургана №5 (погребение-5) могильника Камень-II (Могильников, Куйбышев, 1982, рис. 4.-11, 15), в курганах памятника Быстровка-I III–II вв. до н.э. в Новосибирском Приобье (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXXIII.-7), на Алтае в кургане №3 Ташанты-II IV–III вв. до н.э. (Кубарев, 1987, с. 132, табл. ХСII.-3). Широкий хронологический диапазон бытования рассматриваемых вещей затрудняет определение узкой даты кургана №42.

Украшения представлены в кургане №37 двумя железными булавками с шаровидными головками и плоской прямоугольной бусиной из зеленоватого камня (нефрита – ?) (рис. 97.-1–3). Такие же булавки отражают связи со степными районами. Подобные железные изделия с шаровидными головками имеют аналогии в скифских памятниках VI–IV вв. до н.э. (Петренко, 1978, с. 14–15; табл. 9.-29–35). В лесостепном Верхнем Приобье и Обь-Иртышском степном междуречье такие бронзовые булавки представлены в курганах конца V–IV–III вв. до н.э. Камень-II (Андронов, Леонтьевка, Милованово-II) (Могильников, Куйбышев, 1982, рис. 6.-11; Могильников и др., 1991, с. 138, рис. 2.-4; Арсланова, 1962, табл. V.-7–9; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXVIII.-5–6), а железные – в кургане №6 памятника Михайловка-VI и в кургане №10 могильника Андронов V–IV вв. до н.э. (Шамшин, Демин, Навротский, 1962, с. 62–63, рис. 1.-4; Могильников и др., 1991, рис. 4.-2).

Далее на запад и юго-запад подобные булавки достаточно широко известны у саков, а затем у усуней Семиречья (Акишев, Кушаев, 1963, рис. 80, табл. I.-1–4), в отдельных погребениях тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1975, рис. 2.-4), у кочевников Ферганы (Горбунова, 1962, с. 101, 110, рис. 3.-3–5), где они служили для закалывания прически и одежды. Примечательно почти полное отсутствие таких булавок у кочевников Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э., где они представлены единичными экземплярами (Смирнов, 1964, рис. 10.-2б; 38б.-12). Население пазырыкской культуры Алтая достаточно широко пользовалось шпильками из железа и дерева для закрепления прически. При этом деревянные изделия часто имели навершия в виде фигурок оленя, лошади, козла или хищной птицы. Их находят в женских погребениях по одной, по две, реже несколько штук (Кубарев, 1987, с. 95–97, с. 37; 1991, с. 111–113). Металлические шпильки с деревянным навершием крепили прическу знатной женщины, погребенной в кургане №1 могильника Ак-Алаха-3 на плато Укок (Полосьмак, 1994б, с. 9). Очевидно, булавки с зооморфными навершиями, выполненными в алтайском зверином стиле, специфичны для «пазырыкцев» Алтая. В то же время булавки железные с шаровидными навершиями, в том числе обтянутые золотой фольгой (Кубарев, 1991, табл. XII.-5), были распространены на вышеупомянутой широкой территории, главным образом у саков азиатских степей, в том числе у племен степного Обь-Иртышского междуречья (Могильников, 1997; Горбунов, Тишкин, Фролов, Дашковский, 2001; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 89–90; и др.).

Аналогии плоским бусам из нефрита (?) с боковыми сверликами представлены в ряде комплексов, датируемых в широких хронологических рамках (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 93–94). Они обнаружены в кургане №1 могильника Карасу-I (Могильников, 1985, с. 230, рис. 1) и в кургане №23 могильника Ороктой-эке на Катунь (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 116, рис. 19–22). В том и другом комплексах плоским подквадратным нефритовым бусам сопутствовали бронзовые и железные булавки. Данные в предварительных публикациях того и другого ком-

плексов датировки соответственно раннехуннским и поздне-скифским временем являются завышенными. Курган №1 Карасу-I передатирован VI – началом V вв. до н.э. (Могильников, Елин, 1995). На хронологии кургана №23 Ороктой-эке следует кратко остановиться. В его комплекс входил бронзовый пластинчатый нож, аналогичный большереченским VII–VI вв. до н.э. (Грязнов, 1956, табл. XVI.-7–8), а сосуд и погребальный ритуал (захоронение усопшего в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, в бревенчатой обкладке в яме глубиной 2 м) указывают на связи с районами лесостепи. Близкие по форме бронзовые ножи найдены также на могильнике Малый Гоньбинский Кордон-I (Абдулганеев, Кунгуров, 1990, с. 99, 101, рис. 1.-2) VI–V вв. до н.э. и Ордынское-I V–IV вв. до н.э. в Новосибирском Приобье (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XIII.-25). В Ордынских же курганах встречены сосуды, подобные горшку из кургана №23 памятника Ороктой-эке (ср. Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XIV.-26; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 19.-23). Анализ материалов также позволил Ю.Ф. Кирюшину и Н.Ф. Степановой (2004, с. 111) датировать курган №23 памятника Ороктой-эке серединой VI–V вв. до н.э.

Аналогичные бусине из кургана №37 Кызык-Телани плоские подквадратные бусы представлены в Туве, в погребении-I кургана №22 могильника Куйлуг-Хем-I конца VI–V вв. до н.э. (Грач, 1980, рис. 84.-4), а также – в Предкавказье в могильнике VI в. до н.э. у г. Минеральные Воды (Егоров, 1955, с. 62, рис. 19.-1). Приведенные параллели булавкам и бусам дают основания датировать погребение в кургане №37 концом VI–V вв. до н.э.

Определенный интерес представляет деревянный ковш из кургана №3, свидетельствующий вкупе с материалами других памятников о широком распространении деревянной посуды у ранних кочевников Алтая.

Позвонки овцы, как остатки ритуальной пищи, положенной вместе с бронзовым ножом в изголовье погребенного, из кургана №3 по своей локализации соответствует погребальному ритуалу «кара-кобинцев». В других объектах скифского времени Кызык-

Телани они не обнаружены, что, отчасти, очевидно, объясняется разграбленностью погребений. При этом кости мелкого рогатого скота могли быть выкинуты из могил.

Резюмируя вышесказанное об инвентаре и хронологии курганов скифского времени, следует отметить их относительно раннюю дату, приходящуюся в основном на конец VI–V вв. до н.э. Помимо указанных особенностей погребального ритуала и хронологии рассмотренных вещей, обращает внимание также отсутствие в инвентаре изделий из железа, что ранее было отмечено А.С. Суразаковым (1983, с. 46). Это также, несмотря на малочисленность инвентаря, говорит о ранней дате рассматриваемых курганов, хотя основные черты погребального ритуала «кара-кобинцев» (захоронения под курганами в каменных ящиках из вертикальных плит, установленных на дне ям и сверху перекрытых плитами, при положении погребенных на правом боку, скорченно, головой на восток) уже сформировались.

3.4. Оградка тюркской эпохи

Курганы тюркского времени на некрополе Кызык-Телань-I пока не исследованы. Памятники периода раннего средневековья представлены отдельными подквадратными оградками, которые визуальнo фиксируются в группах IV и V (рис. 2). С северо-западной стороны группы V расположена цепочка из пяти подобных сооружений, ориентированная по линии ЮЗ–СВ.

Раскопанная оградка №8 была пристроена с восточной стороны у скопления курганов группы IV. Почти симметрично ей, с западной стороны этой же группы объектов, расположена другая подквадратная оградка, оставшаяся неисследованной (рис. 2). Часть оградок, возможно, визуальнo четко не выявляется из-за сильной задернованности поверхности памятника.

Оградка №8 находилась на восточной периферии скопления курганов в центральной части некрополя (рис. 2). Она была квадратной, сооружена из вертикально поставленных плит, внутри забутована камнями в 2–3 слоя (рис. 100.-1). В центре стояла вертикальная каменная стела с обломанной верхней частью. С внешней стороны юго-восточной стенки находился раз-

вал рваных камней, среди которых зафиксированы установленные на ребро две каменные плиты (рис. 100.-2). Внешние размеры сооружения 1,84х1,8 м, высота 0,3 м. Своими углами оградка ориентирована по сторонам света. Находок нет.

Единичность исследованного объекта не позволяет делать широких выводов. Конструктивно данный тип оградок со стелой в центре, по классификации В.Д. Кубарева (1984, с. 51), относится к объектам уландрыкского типа, для которых, помимо каменного заполнения, свойственно наличие стелы или большого валуна в центре. Оградки уландрыкского типа, по-видимому, бытовали у тюрков, наряду с другими подобными сооружениями. К ранним объектам этого типа относится оградка с массивной каменной плитой-стелой в центре на памятнике Кара-Коба-I. Там в оградке №109 было совершено захоронение-кенотаф, включавшее лошадь и деревянную колоду, в которой лежала бронзовая В-образная пряжка с остатками ремня. Данная пряжка аналогична изделиям из могильника Кудыргэ. Время оградки Кара-Кобы-I определено в рамках VI в. (Могильников, 1992б, с. 184–186, рис. 13–14). Датированная оградка уландрыкского типа исследована на могильнике Талдура в Юго-Восточном Алтае (Кош-Агачский район Республики Алтай). Там под южной плитой оградки №2 со стелой в центре находился комплекс из семи железных трехлопастных наконечников стрел, железного ножа, бронзовых пряжки, бляхи от подвесного ремешка и прямоугольных и округло-арочных блях-оправ, а также – серьги в виде несомкнутого кольца из сплава золота и серебра (Могильников, Елин, 1983, с. 137–138, рис. 13). Аналогии предметам из исследованного комплекса представлены в тюркских объектах Алтая 2-й половины VII–IX вв. В частности, серьга и фигурное кольцо идентичны находкам из кургана №1 памятника Курай-IV (Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 51, 55).

Детальный анализ соотношения оградок различных типов еще не проводился. Отмечена лишь связь оградок, окруженных валом и рвом (аютинского типа – по В.Д. Кубареву, 1984), с культовыми, поминальными сооружениями знати алтайских тюрков (Кызласов, 1979, с. 33–35, рис. 7, 8; Кубарев, 1984, с. 51–55).

Возможно, другие типы оградок (В.Д. Кубарев на Алтае выделяет пять типов оградок) отражают также явления социального, а может быть, и этнического порядка в смысле связи их с представителями отдельных групп или родов алтайских тюрков. Не исключены также хронологические различия. В данной связи примечательно, что на месте стелы или валуна в оградках уланд-рыкского типа, в аналогичных сооружениях юстыдского типа находится основание столба или ствола лиственницы с корнями (Кубарев, 1984, с. 50–51, рис. 11). Не исключено, что стелы и столбы соответственно имели близкое функциональное назначение. Однако это предположение, как и другие высказанные выше, нуждается в более основательной аргументации, требующей специального исследования с привлечением материала если не всех, то большинства раскопанных оградок с использованием методов статистики, картографирования и установления дробной хронологии. К сожалению, решение последнего вопроса затруднено тем, что большинство оградок, как и оградка №8 памятника Кызык-Телань-I, не содержит инвентаря, а в тех случаях, когда он представлен, зачастую не дает узкой даты. Тем не менее исследования в изучении тюркских оградок необходимо продолжить. Этот материал дополняет имеющиеся данные о развитии культуры тюрков на Алтае (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161–163).

Заключение

Исследованные на памятнике Кызык-Телань-I археологические объекты отражают разные периоды древней и средневековой истории Алтая. Наиболее ранними можно считать комплексы «афанасьевской» культуры, хотя не стоит исключать обнаружение массовых материалов каменного века. Наибольшее количество курганов и выкладок относится к бийкенской культуре аржано-майэмирского времени. Основная часть их может быть определена семисартским этапом, который датируется 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159). Исследованы немногочисленные погребения пазырыкской культуры и одна тюркская оградка. Важным моментом является обнаружение своеобразного святилища. Данный вид памятников слабо изучен на Алтае, хотя имеются свидетельства, увязывающие известные храмы под открытым небом и культовые места с раннескифским временем (Кубарев, 1979; Марсадов, 2000; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 101–104).

Несомненно, памятник Кызык-Телань-I перспективен для дальнейших исследований, и археологов могут ждать интересные и очень полезные открытия. При этом необходимо проведение сплошных раскопок на всей территории комплекса. Такой подход обеспечит эффективное изучение разновременных объектов, которые фиксируются визуально на современной поверхности или пока не выявлены. Отдельное место в экспедиционной работе должна занять реконструкция изученных сооружений. Территория памятника удобна для создания музея под открытым небом или музеефицированной площадки, которая может использоваться в экскурсионно-туристической деятельности.

Завершая книгу, необходимо еще раз отметить, что главной задачей ее издания являлась публикация археологических материалов, полученных в 1980, 1988–1989 и 1991 гг.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 51–56.

Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–36.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Могильник Бойтыгем-2 // Altaica. Новосибирск, 1994а. №4. С. 30–40.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 24–36.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград, 1916. Вып. 62. 94 с.

Акишев А.К., Кушаев Г.В. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963. 298 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38–63.

Алехин Ю.П., Гальченко А.В. К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протгородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. I. С. 22–26.

Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М. Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 135–140.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка-XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 62–70.

Алтай в зеркале веков: Из собрания историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул, 2001. 92 с.

Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша // Известия АН Каз. ССР. Сер. ист., археол., этногр. Алма-Ата, 1962. Вып. 2 (19). С. 77–93.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. №1. С. 253–258.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.

Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1987. Вып. 28. С. 5–29.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 18–31.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.

Боковенко Н.А. Новые памятники раннескифского времени в Западных Саянах // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР

в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 140–146.

Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.

Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катуні (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горной среды) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 56–67.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.

Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. О типологии афанасьевских погребений Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 84–86.

Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // Вестник древней истории. 1938. №3. С. 162–179.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 147 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 253 с.

Гельмель Ю.И., Демин М.А., Ситников С.М., Шульга П.И. Работы в долине р. Сентелек // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. IV. С. 13–16.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 101–104.

Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 5. С. 91–122.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Грач А.Д. Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 244–265.

Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. Т. 2. Гл. 6. С. 399–411.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. 18. С. 9–17.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №48).

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.

Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28–34, 170–175.

Демин М.А., Шульга П.И. Работы в районе р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2. С. 97–101.

Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследование Денисовой пещеры. Предварительный анализ источников голоценовых культурных слоев: Препринт. Новосибирск, 1985. 65 с.

Дэвлет М.А. Большой Салбыкский курган – могила племенного вождя // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 146–154.

Дэвлет М.А. Изображения на скалах Бижикиг-хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства. М., 1993. С. 79–193.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с., 173 ил.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 75–117.

Егоров Н.М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л., 1955. Вып. 58. С. 53–62.

Елин В.Н., Ларин О.В. Два оленных камня из Горного Алтая // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1994. С. 50–52.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. 8. С. 61–77.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.

Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 24–52.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.

Исмагилов Р.Б. Погребение большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1988. Вып. 29. С. 29–47.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древ-

ние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.

Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на р. Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25–45.

Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127–132.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М., 1978. Вып. 154. С. 65–70.

Казаков А.А. Новые материалы афанасьевской культуры с р. Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.

Киреев С.М. Поселение Майма-I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.

Киреев С.М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 65–73.

Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 162–182.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескен-6 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 111–123.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 70–75.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 220 с. + XXVI табл.

Кочесв В.А. Раннескифские памятники Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 51.

Кочесв В.А. Костяные втульчатые наконечники стрел из курганов скифского времени Горного Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 173–175.

Кочесв В.А. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Горного Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995. №3. С. 95–97.

Кочесв В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 21–30.

Кочесв В.А. Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая (проблема реконструкции военного дела) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 110–120.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 7–22.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.

Кубарев В.Д. Олений камень с р. Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 146–149.

Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 74–77.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 40–41.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.

Кызласов Л.Р. Сырский чаатас // СА. 1958. Т. XXIV. С. 197–258.

Кызласов Л.Р. К изучению оленных камней и менгиров // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М., 1978. Вып. 154. С. 25–30.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с.

Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение // СА. 1985. №3. С. 65–71.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986. 295 с.

Ларин О.В. К истории изучения афанасьевской культуры Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988а. С. 82–91.

Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988б. С. 13–21.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3–30.

Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 19–25.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.: ил.

Ларин О.В., Абдулганеев М.Т. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–36.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 56–78.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 86–91.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972. 269 с.

Максимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата) // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. Т. I: Археология. С. 253–261.

Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Джуван-Тобе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М., 1960. Вып. 80. С. 60–64.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 178–196.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по материалам раскопок Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1981а. Вып. 22. С. 11–22.

Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 г. М., 1981б. С. 195–196.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987а. Ч. II. С. 62–66.

Марсадолов Л.С. Работы в Центральном Алтае // Археологические открытия 1985 года. М., 1987б. С. 260–261.

Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1988. Вып. 29. С. 65–81.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 45–51.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции и изменения форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001. 184 с.: ил. (Материалы СААЭ ГЭ. Вып. 4).

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX–IV вв. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 36–43.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III веков до н.э. // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 37–51.

Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб., 2000. 76 с.

Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан – источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 40–45.

Могильников В.А. Раскопки 1967 г. в Коконовке // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 134–149. (Материалы и исследования по археологии СССР. №153).

Могильников В.А. Два оленных камня с Алтая // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М., 1980. Вып. 162. С. 68–72.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983а. С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 40–71.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983в. С. 52–89.

Могильников В.А. Исследования на Алтае // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 229–230.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992а. С. 292–311.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992б. С. 175–212.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура-I // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. 1982. Вып. 170. С. 103–109.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–152.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Карасу-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 102–118.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы Камень-II (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–134.

Могильников В.А., Неверов С.В., Телегин А.Н., Уманский А.П. Андроново-I – могильник эпохи раннего железа в Восточной Кулунде // Древние погребения Прииртышья. Омск, 1991. С. 127–139.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. 1980. №2. С. 180–191.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48, 210–225.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 62–74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Исследование курганов долины Кызык-Телань // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С. 35–37.

Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 107–120.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. Новосибирск, 1994. №4. С. 72–79.

Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Мойнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. Новосибирск, 1993. №2. С. 21–49.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 50–73.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В. Оленные камни Аргамжи (плоскогорье Укок) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 57–63.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. 56 с. + 32 табл. (Свод археологических источников. Вып. Д1–10).

Наглер А. О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 107–111.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 242–270.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Л., 1981. 228 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., Окладникова Е.А., Скорынина Э.А. Петроглифы долины Елангаш. Новосибирск, 1979. 137 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., Окладникова Е.А., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980. 140 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., Окладникова Е.А., Скорынина Э.А. Петроглифы Чанкыр-Келя. Алтай, Елангаш. Новосибирск, 1981. 146 с.

Окладников А.П. и др. Наскальные рисунки урочища Сары-Сатак. Новосибирск, 1982. 149 с.

Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск, 1984. 111 с.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VIII–III вв. до н.э. М., 1978. 143 с. (Свод археологических источников. Вып. Д4–5).

Плетнева Л.М. Предметы конской упряжи раннескифского времени из Томского Приобья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. II. С. 127–130.

Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 205–206.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 199–216.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 92–98.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. Новосибирск, 1993. №3. С. 21–31.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы». Новосибирск, 1994а. 124 с.

Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Altaica. Новосибирск, 1994б. №4. С. 3–10.

Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 74–88.

Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. 8. С. 78–102.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 25–37.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 351 с. + СХХVIII табл.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л., 1962. 205 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 209 с.

Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 155–160.

Семенов В.А., Килуновская М.Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М., 1990. Вып. 17.

Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 59–62.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 163 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №101).

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 379 с.

Соснов В.И. Аварийные раскопки на могильнике Большой Толгоек в Горном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 83–85.

Соснов В.И. Раскопки на могильнике Большой Толгоек // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 29–45.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. 8. С. 39–60.

Сорокин С.С. Новый памятник VII–VI вв. до н.э. на Южном Алтае // СА. 1969. №2. С. 249–252.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Сосновский Г.П. Ойротская автономная область // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 304–306.

Степанова Н.Ф. Исследования у села Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 94–97.

Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куюмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996а. С. 115–119.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996б. С. 54–69.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 137–145.

Степанова Н.Ф. Керамика раннего железного века и средневековья с поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 166–169.

Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11–24.

Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 170–192.

Суразаков А.С. Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 214.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 42–52.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 214 с.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 191–198.

Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Работы в Горно-Алтайской автономной области // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 250–251.

Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология. 2004. №1. С. 140–145.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Древнеметаллические культуры Минусинского края // Природа. 1929а. №6. Стб. 539–551.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929б. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 16–19.

Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 46–49.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996а. С. 20–54.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996б. 28 с.

Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 184–190.

Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005а. Т. 2. С. 169–178.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005б. С. 129–135.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.+вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003а. Кн. 2. С. 166–168

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003б. 430 с.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 363–371.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. 2. С. 279–294.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59, 186–194.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 206–211.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 17 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 25 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 288 с.: ил.

Черемисин Д.В. Разведки на Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 140–144.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960. 272 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №88).

Черников С.С. Загадка Золотого кургана. М., 1965. 188 с.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132–137.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №2 (10). С. 115–126.

Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68.

Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 83–87.

Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поисков // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 155, 157–159.

Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 86–89.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998а. С. 25–49.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998б. С. 146–164.

Шульга П.И. Новые данные по снаряжению верховой лошади из раннескифского могильника Гилево-10 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I. С. 498–502.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 250–255.

Список сокращений

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АН СССР – Академия наук Советского Союза.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (потом – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований (ГАИГИ), ныне – Институт алтаистики им. С.С. Суразакова).

ГИМ – Государственный исторический музей.

В – восток.

ВСВ – восток–северо-восток.

ВЮВ – восток–юго-восток.

ГЭС – гидроэлектростанция.

З – запад.

ЗСЗ – запад–северо-запад.

ЗЮЗ – запад–юго-запад.

С – север.

СВ – северо-восток.

СЗ – северо-запад.

СА – Советская археология.

СЭ – Советская этнография.

УДГ – уровень древнего горизонта.

Ю – юг.

ЮВ – юго-восток.

ЮЗ – юго-запад.

Приложение

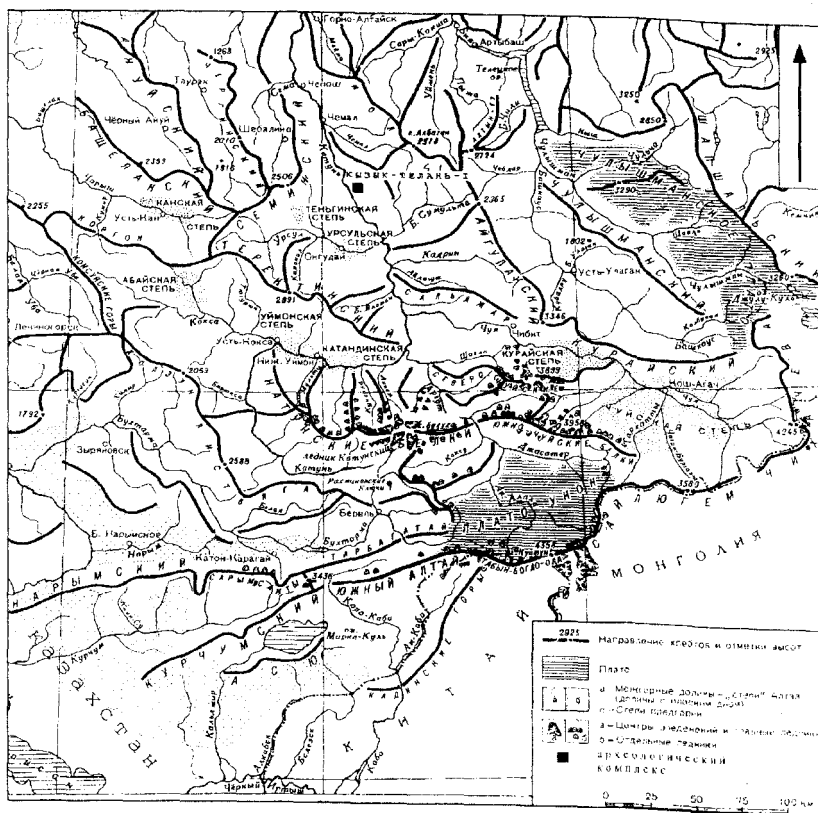

Рис. 1. Место расположения памятника Кызык-Телань-I на орографической схеме Алтая

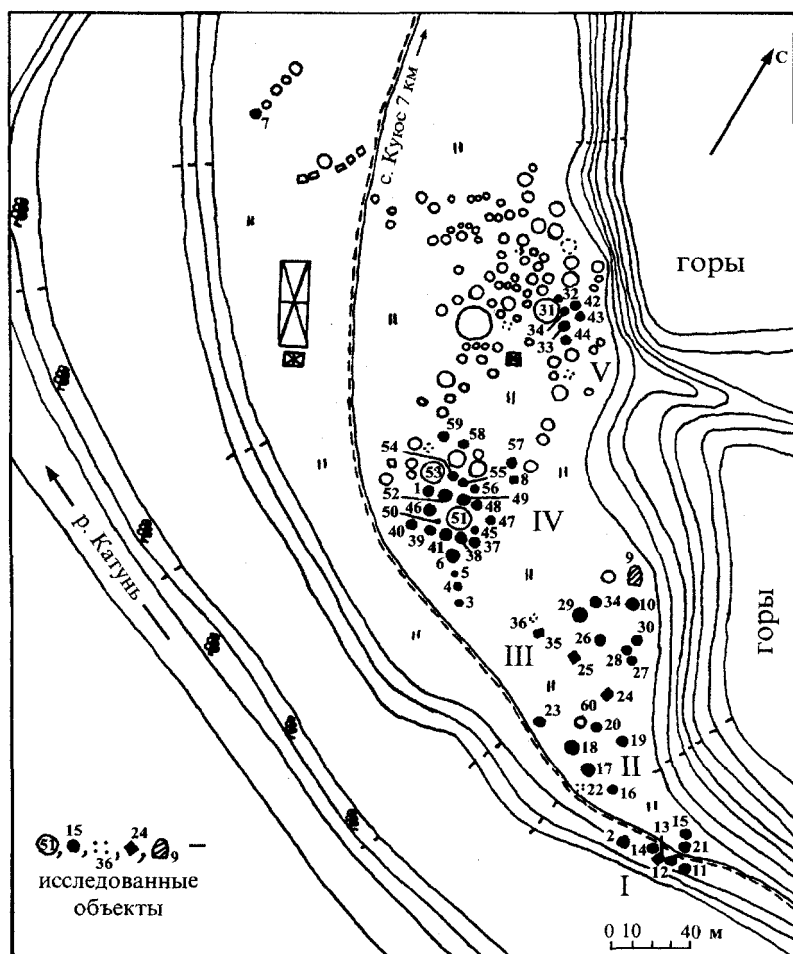

Рис. 2. План археологического комплекса Кызык-Телань-I

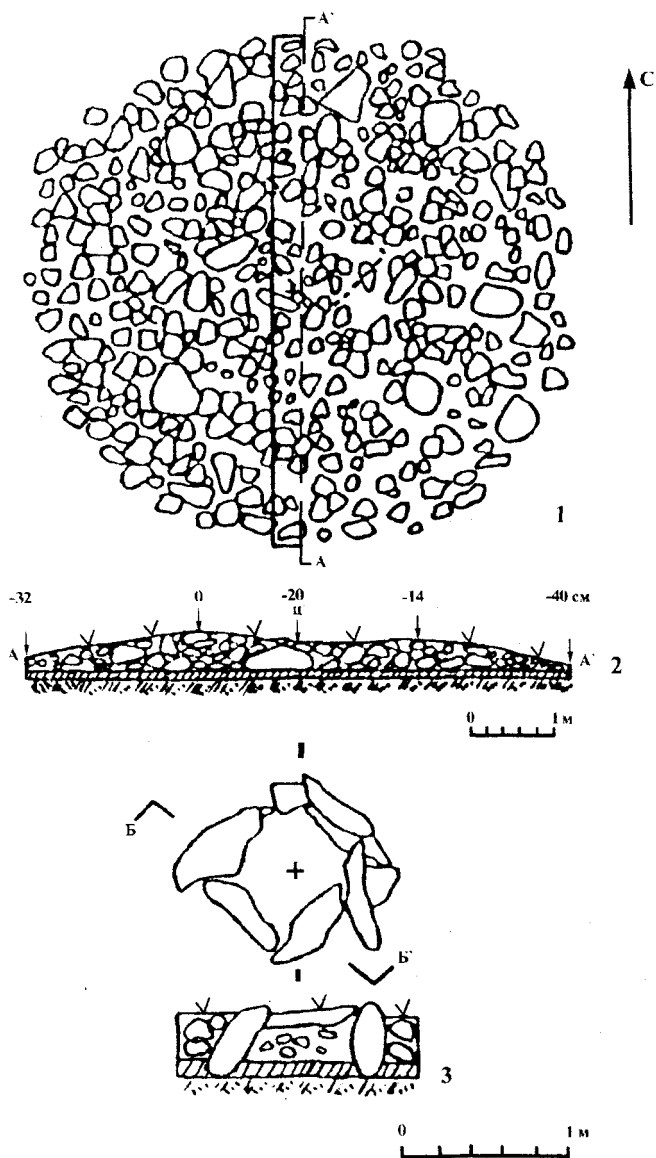

Рис. 3. Курган №1. План (1) и разрез насыпи (2). Каменный ящик (3)

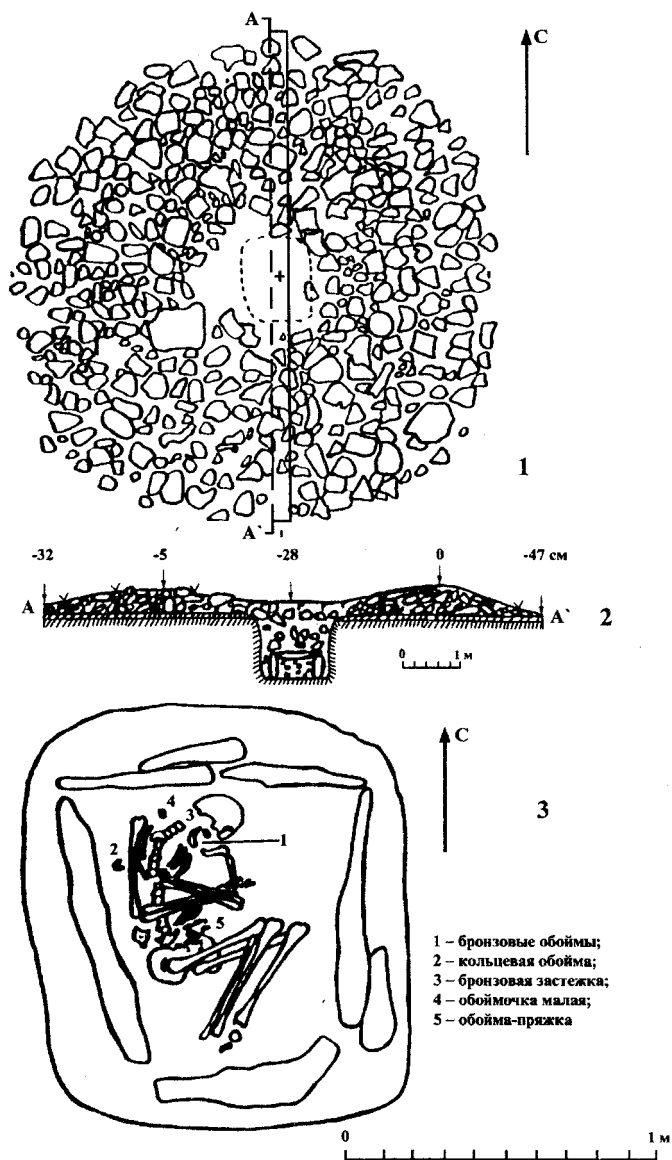

Рис. 4. Кургan №6. План насыпи (1) и разрез сооружения (2);
3 – план погребения

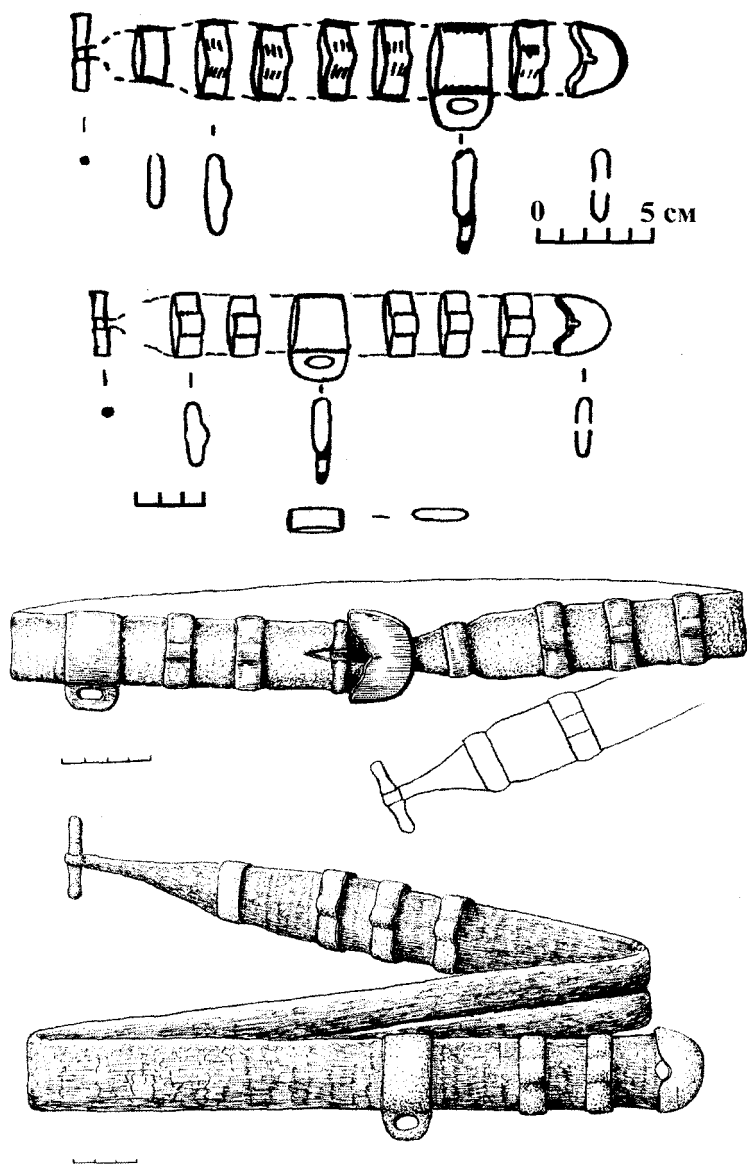

Рис. 5. Бронзовые детали и возможные реконструкции пояса из кургана №6

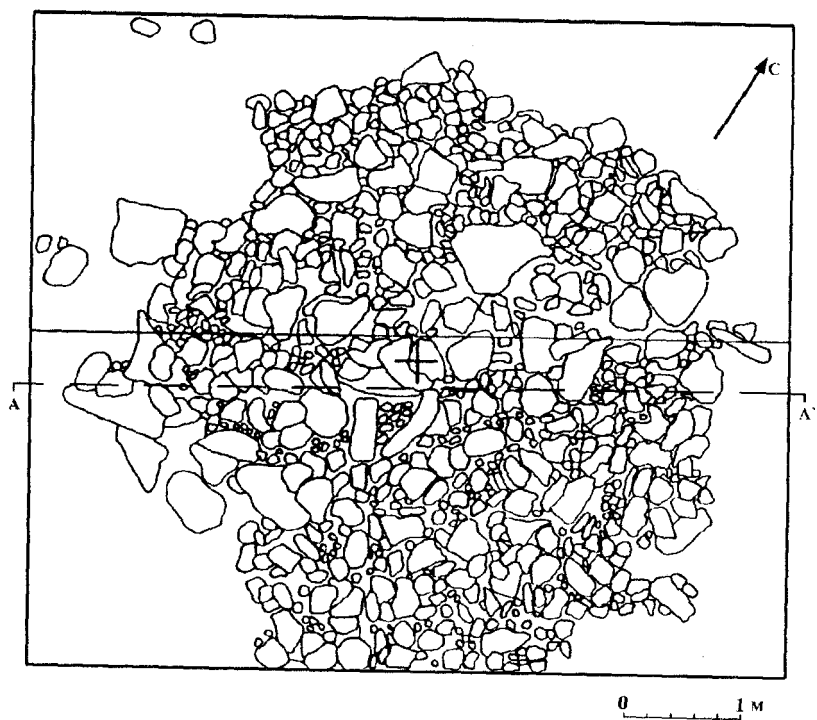

Рис. 6. Кургan №11. План насыпи

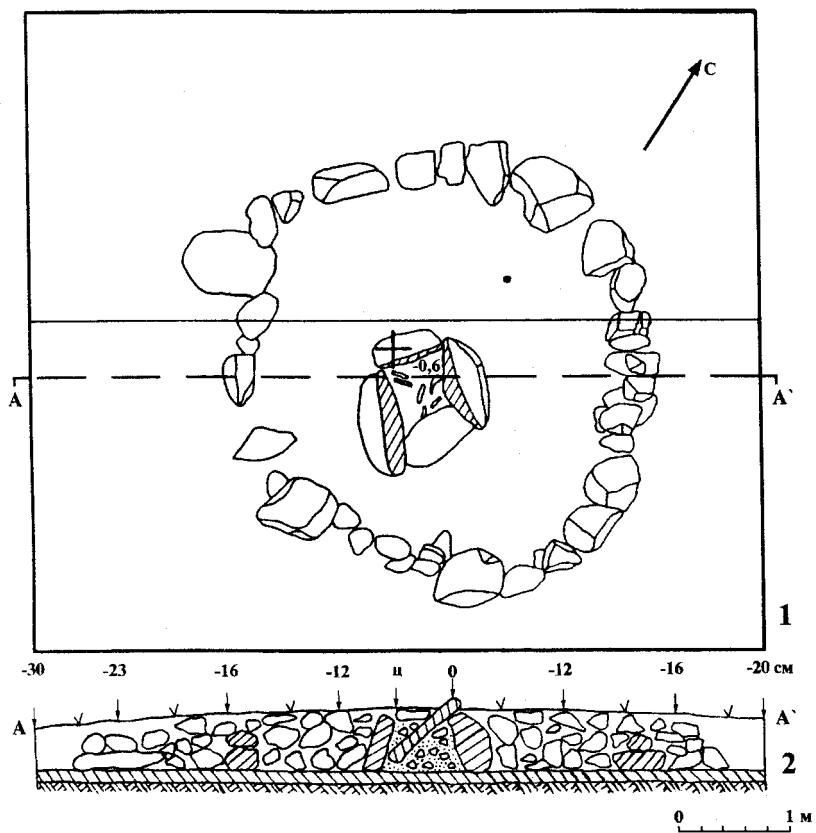

Рис. 7. Кургan №11. План кольцевидной ограды с каменным ящиком (1). Разрез сооружения (2)

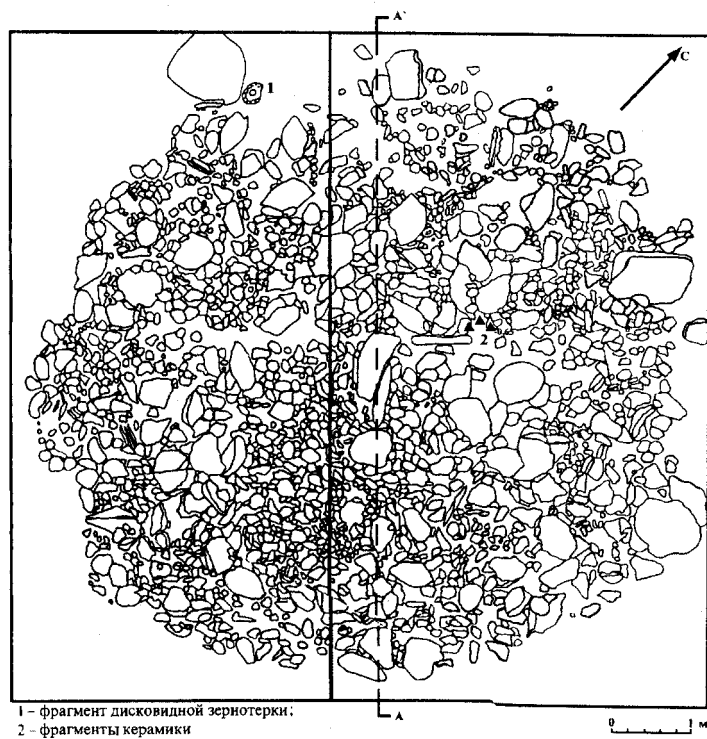

Рис. 8. Курган №12. План насыпи

Рис. 9. Фрагмент жернова (фото) из раскопа кургана №12

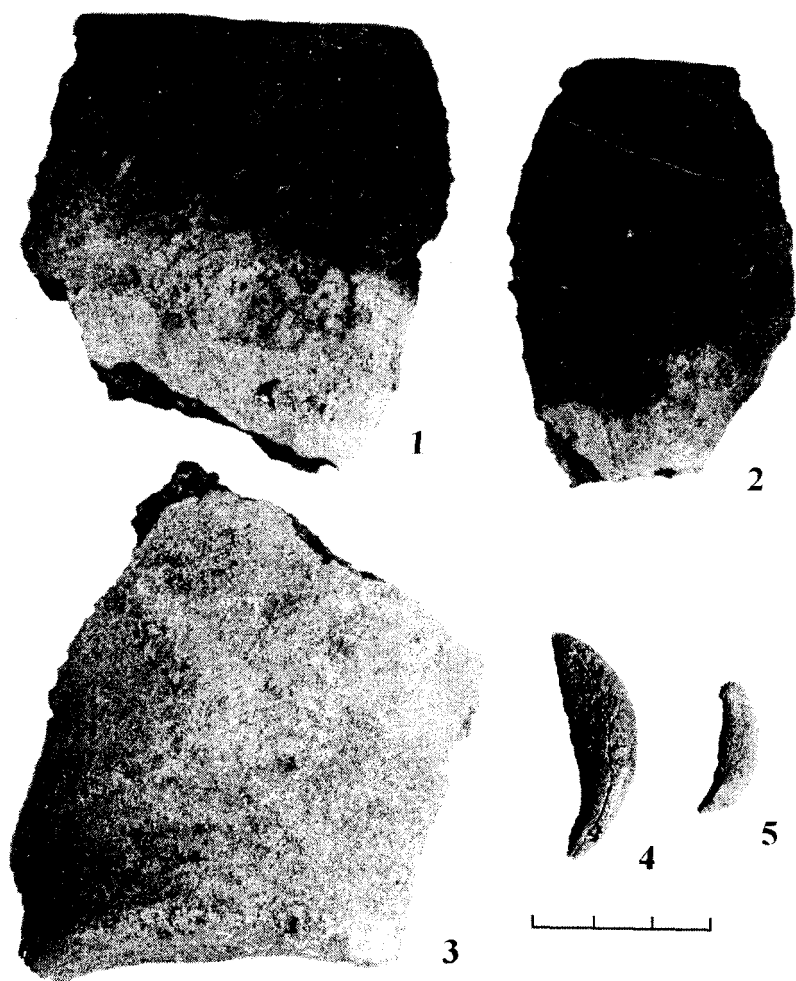

Рис. 10. Курган №12. 1–3 – керамика; 4–5 – клыки медведя (?)

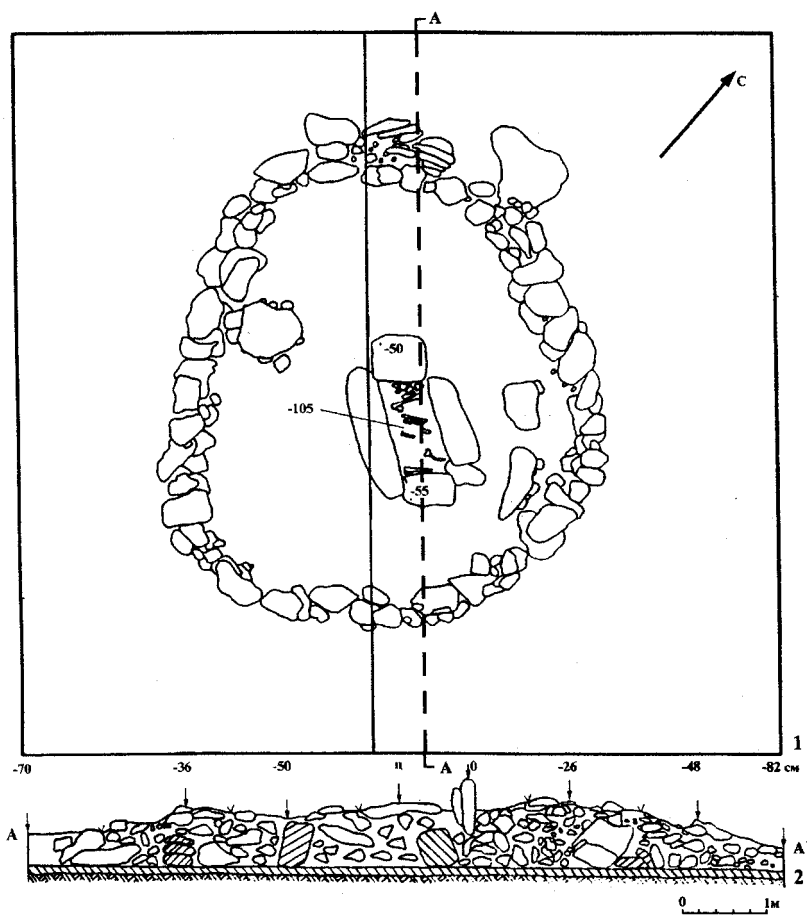

Рис. 11. Курган №12. План каменного кольца и ящика (1).
Разрез насыпи (2)

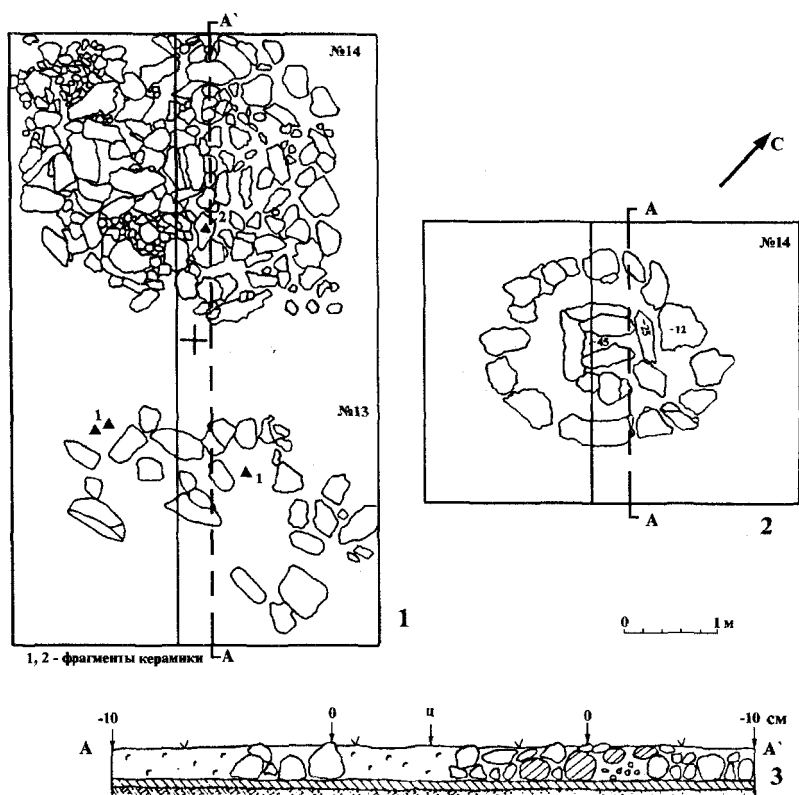

Рис. 12. Курган №14 и выкладка №13. Планы сооружений (1).
Кольцо с каменным ящиком в кургане №14 (2). Разрез раскопа (3)

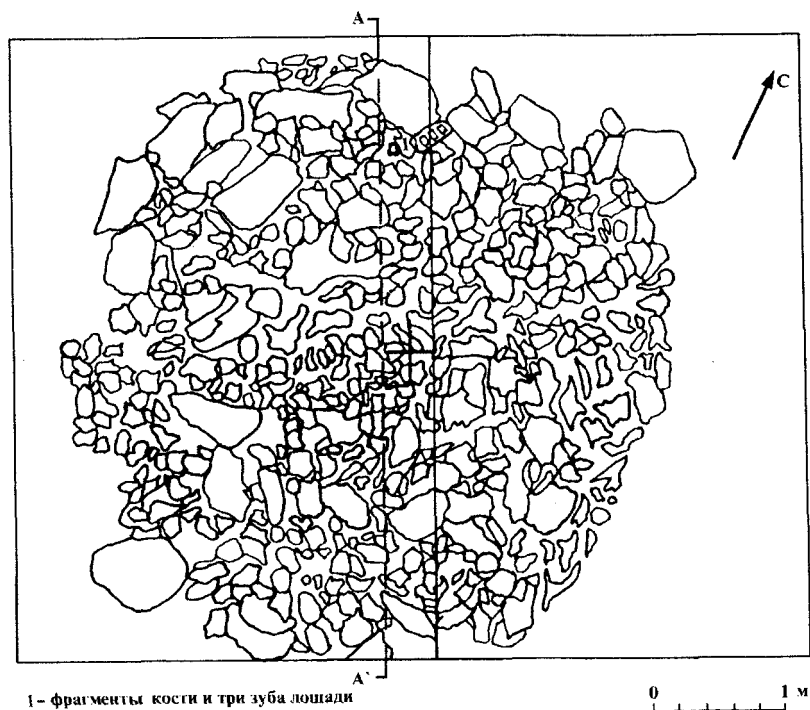

Рис. 13. Курган №15. План насыпи

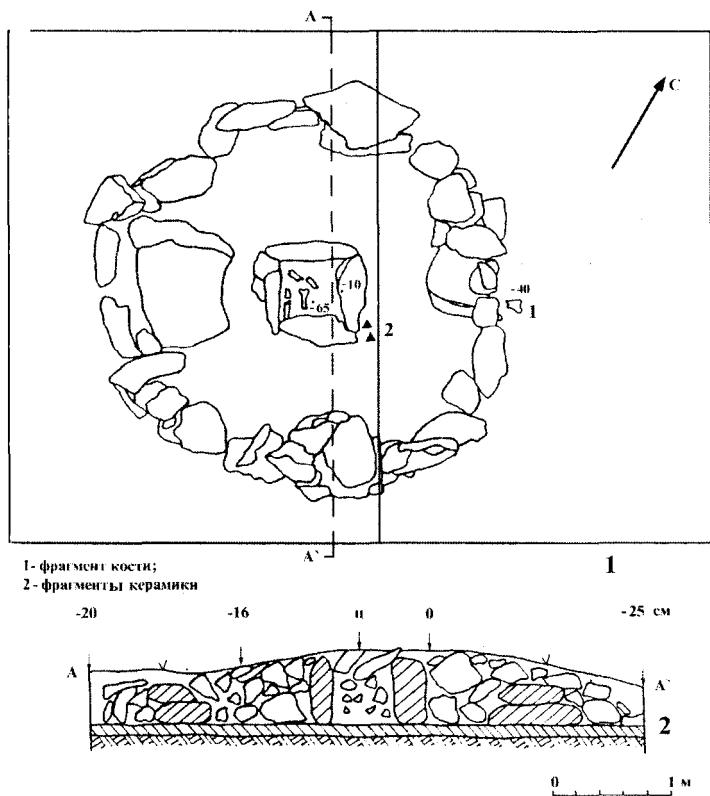

Рис. 14. Кургan №15. План кольца и каменного ящика (1).
Разрез сооружения (2)

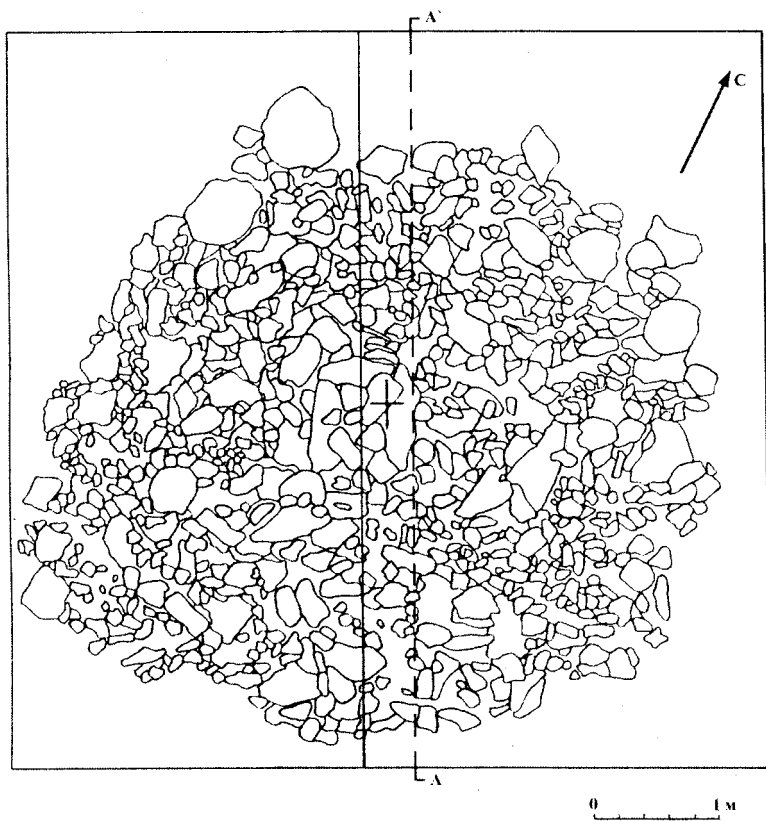

Рис. 15. Курган №16. План насыпи

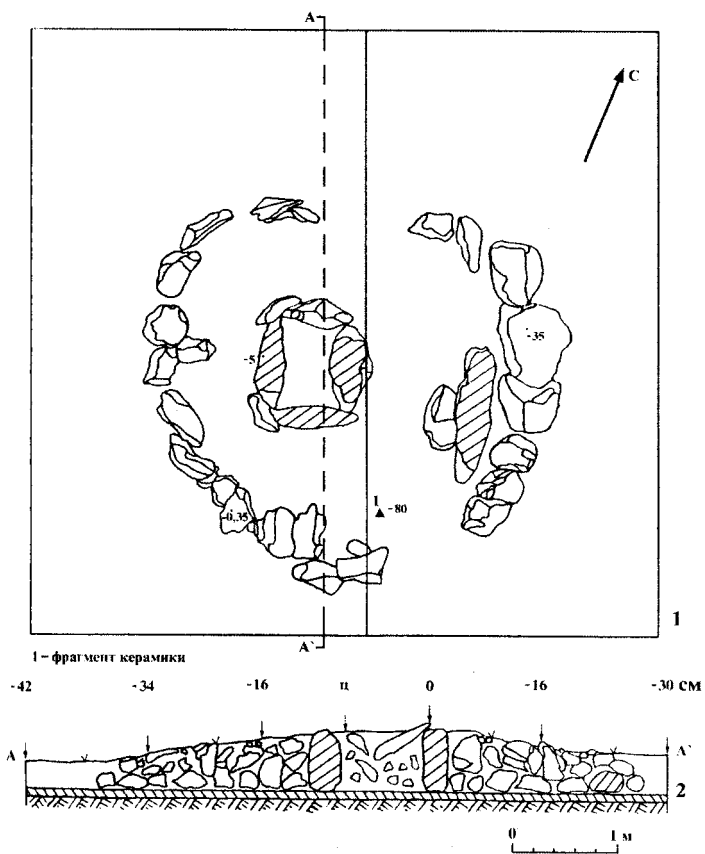

Рис. 16. Курган №16. План кольца с каменным ящиком (1).
Разрез объекта (2)

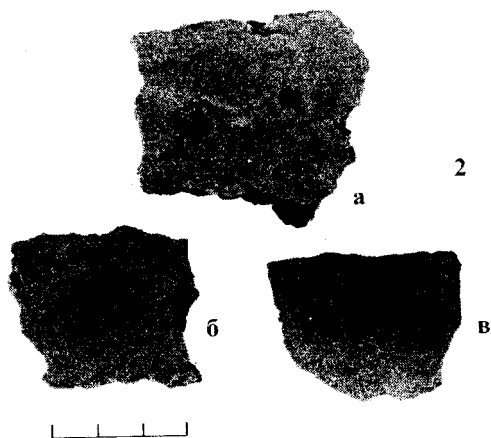
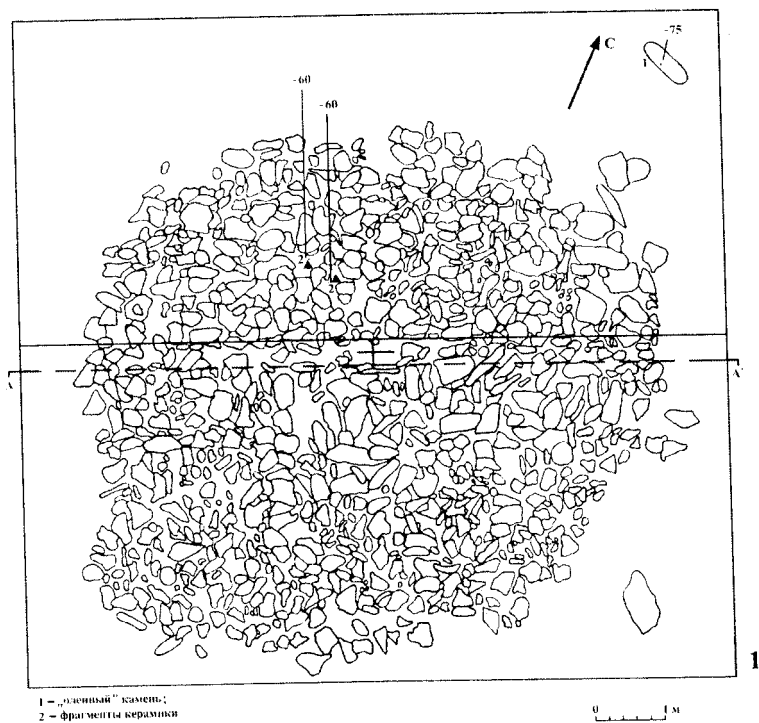

Рис. 17. Курган №17. План насыпи (1). 2 – фрагменты керамики (фото)

Рис. 18. Курган №17. «Олений камень» (фото)

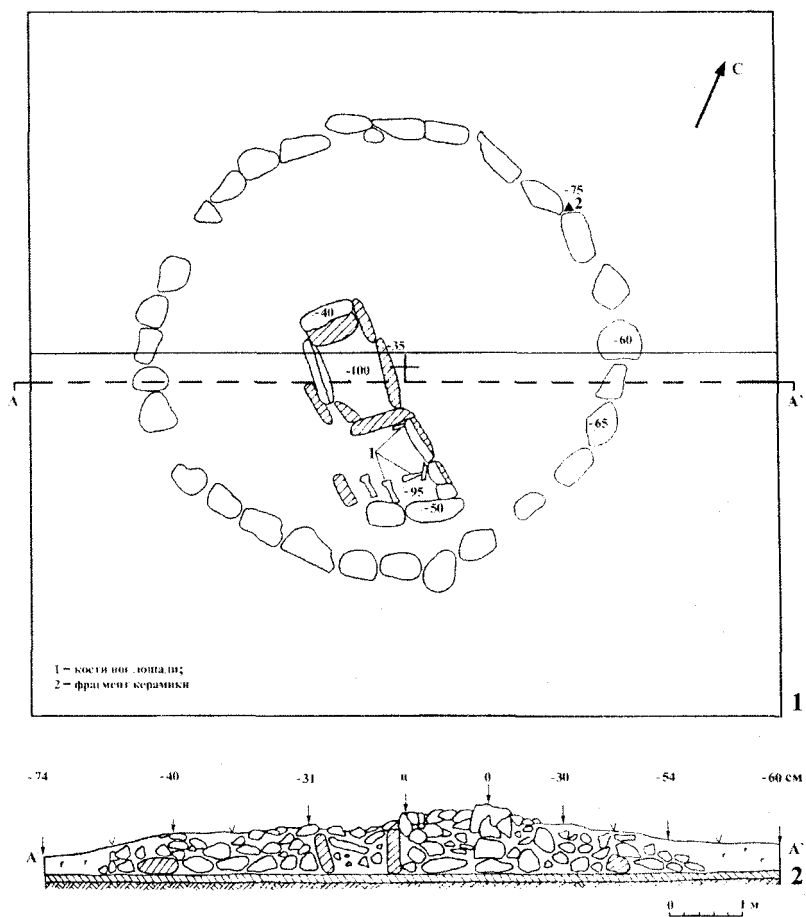

Рис. 19. Курган №17. План кольца с каменным ящиком (1).
Разрез насыпи (2)

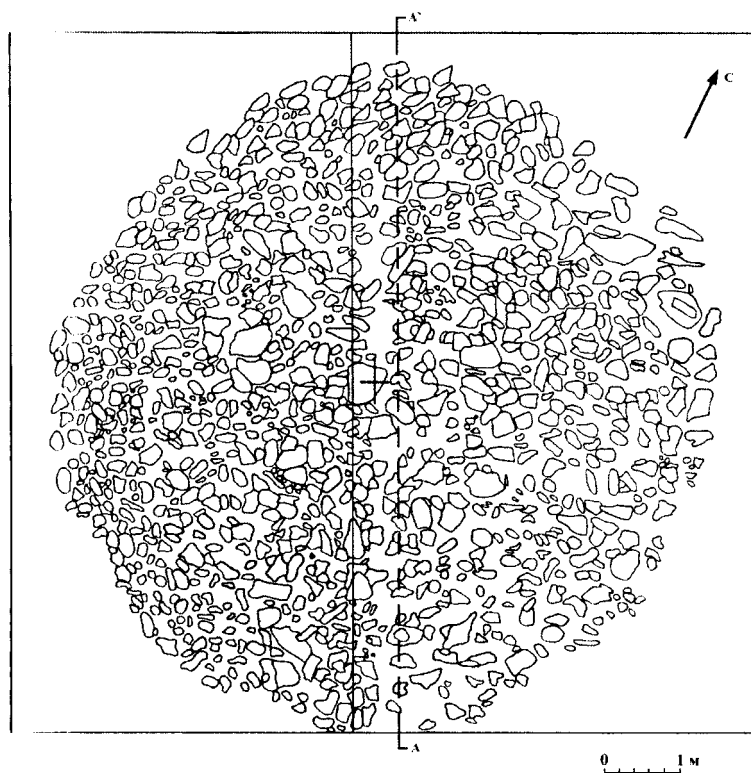

Рис. 20. Курган №18. План насыпи

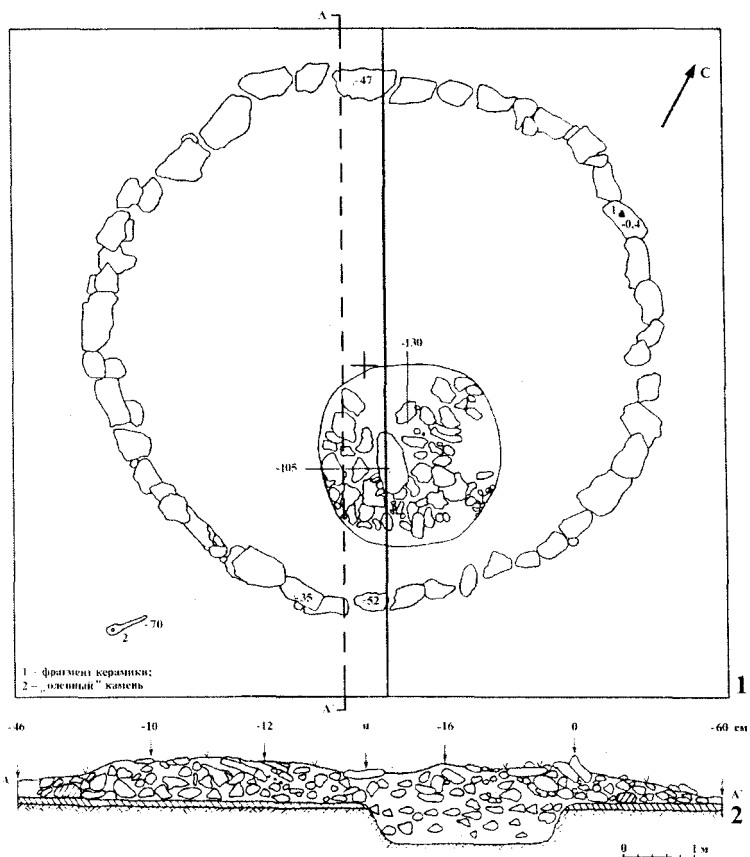

Рис. 21. Кургan №18. План кольца и заполнения могильной ямы (1).
Разрез кургана (2)

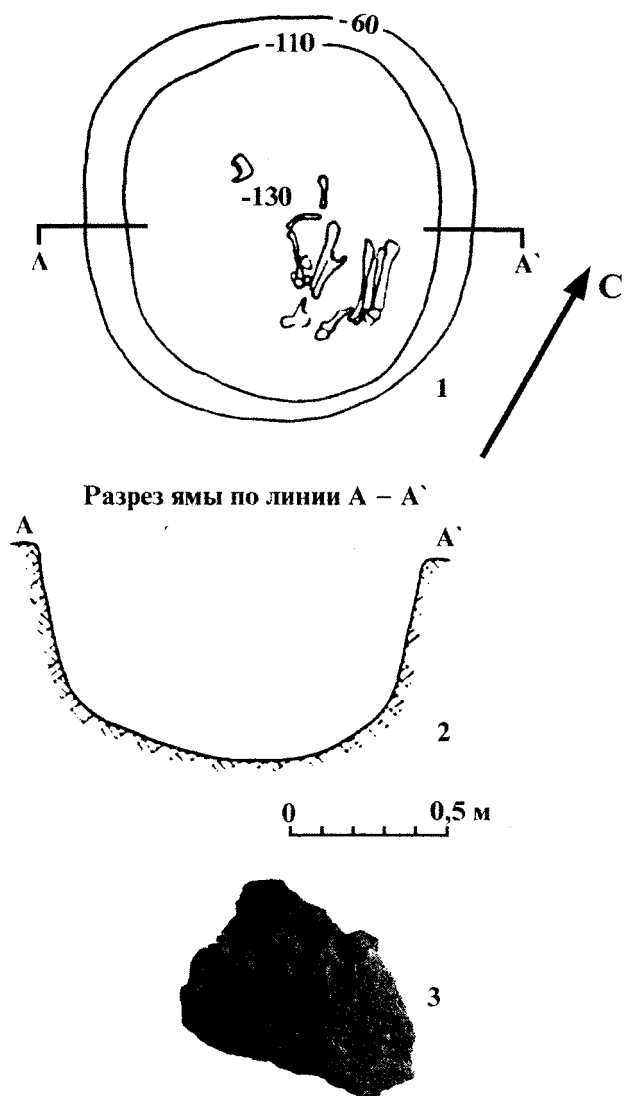

Рис. 22. Курган №18. План (1) и разрез ямы (2).
3 – фрагмент керамики (фото)

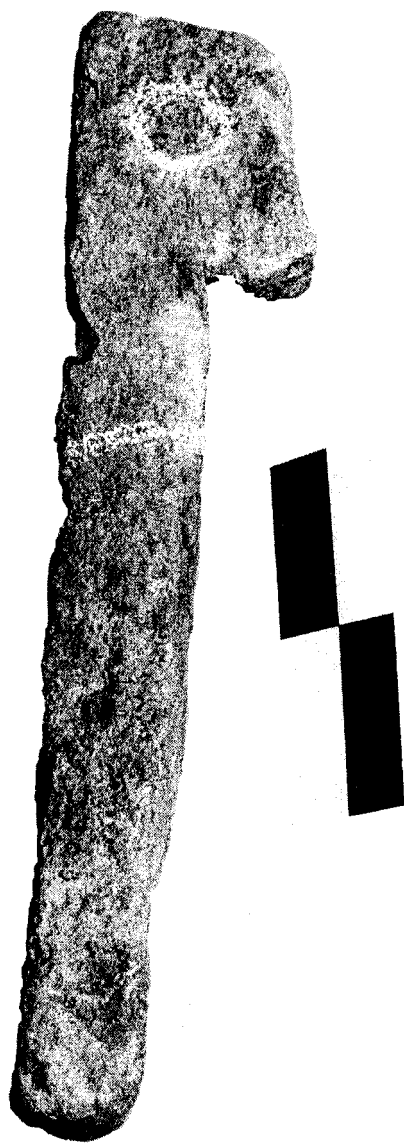

Рис. 23. Кургan №18. «Оленный камень» (фото)

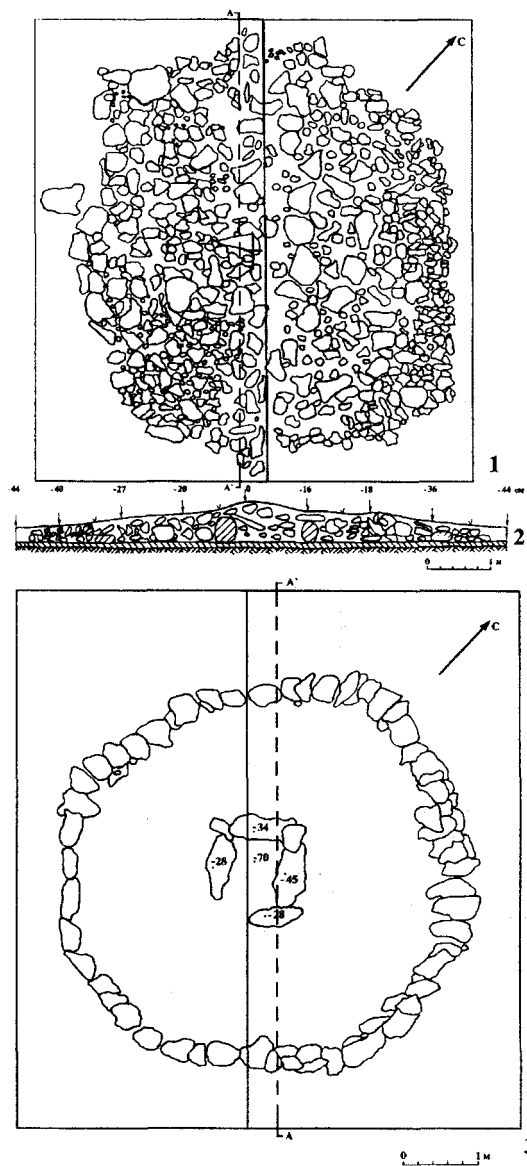

Рис. 24. Курган №19. План (1) и разрез насыпи (2).
План кольца с каменным ящиком (3)

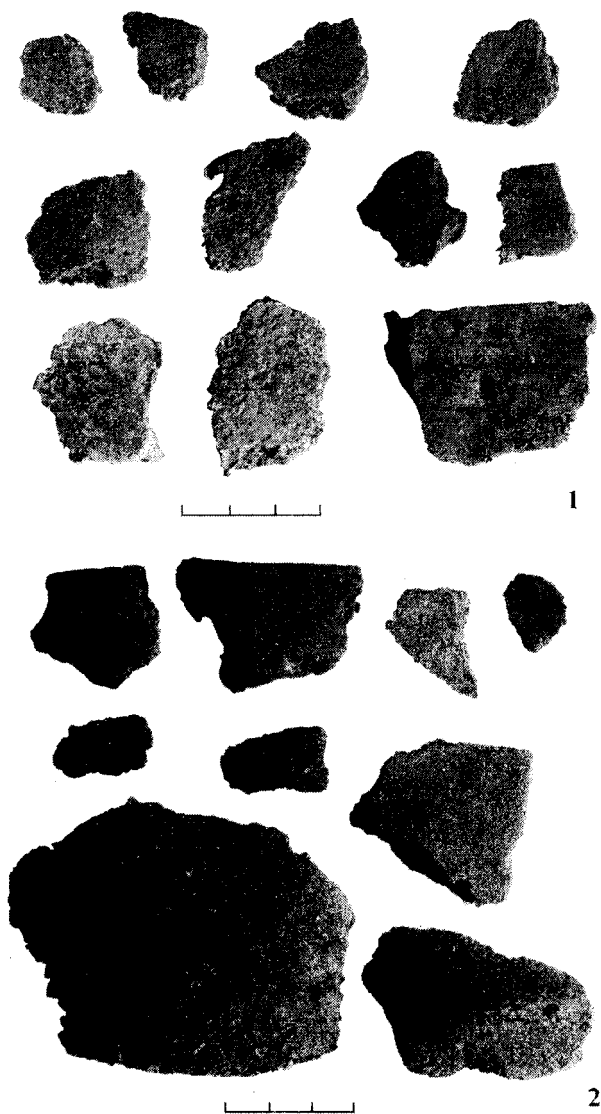

Рис. 25. Фрагменты керамики, обнаруженные у края (1)
и в насыпи (2) кургана №20

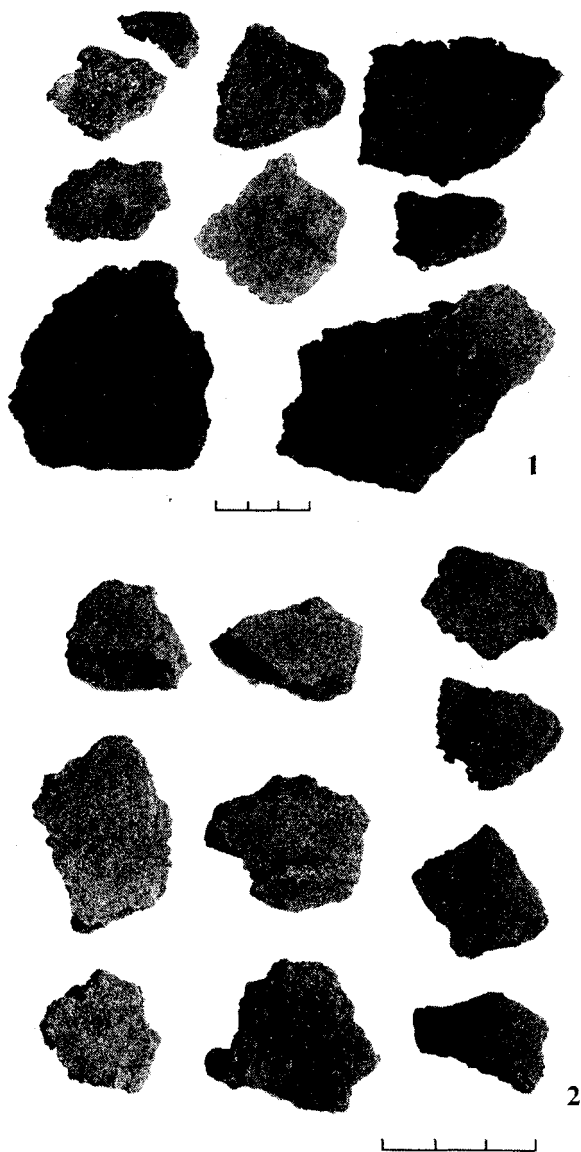

Рис. 26. Курган №20. Фрагменты керамики из насыпи

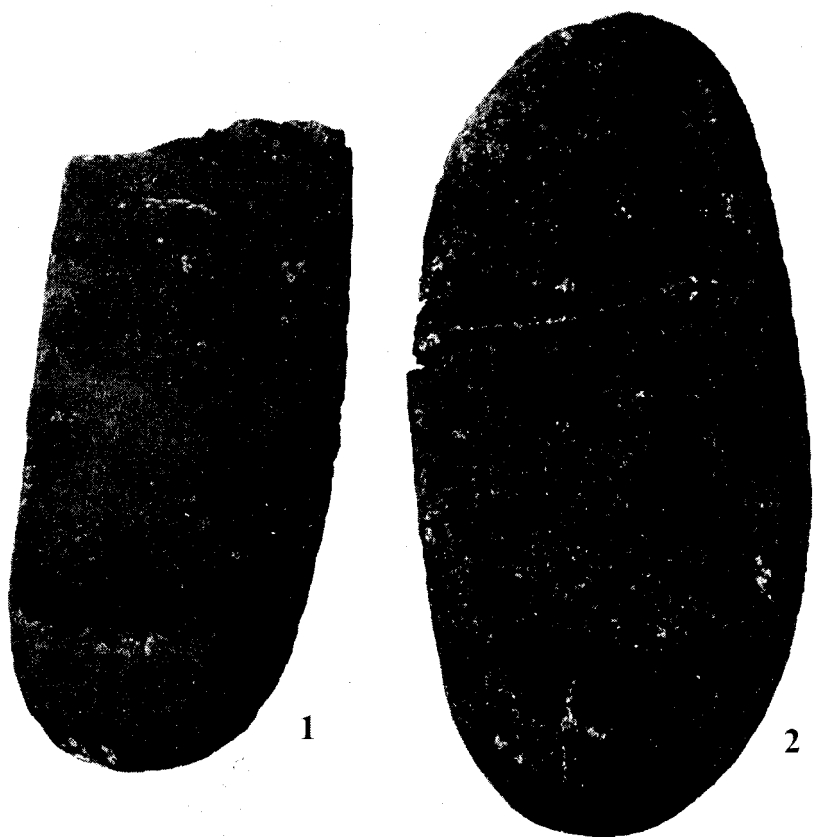

Рис. 27. Курган №20. Части зернотерки

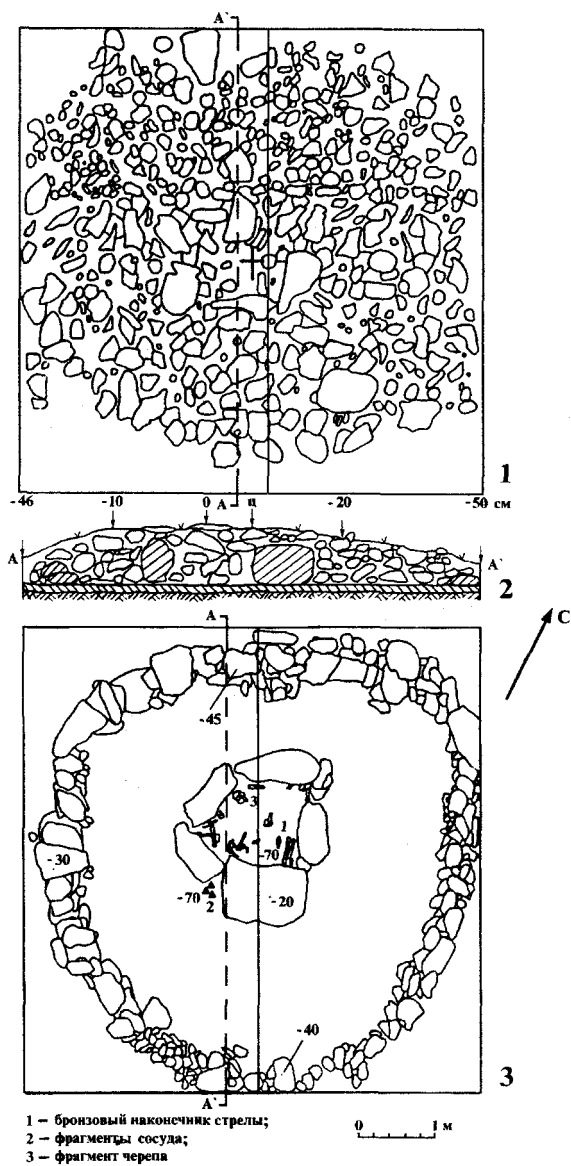

Рис. 28. Курган №21. Планы насыпи (1). Разрез сооружения (2).
 Каменное кольцо с ящиком (3)

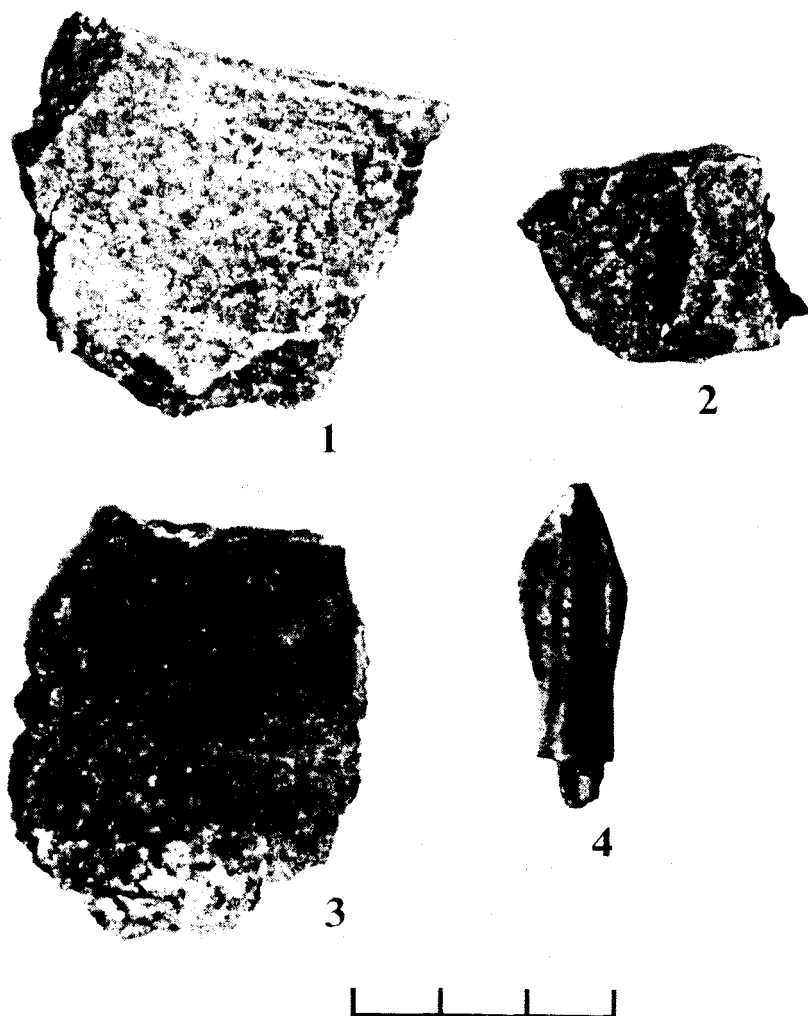

Рис. 29. Курган №21. 1–3 – фрагменты баночного сосуда, найденные у южной стенки ящика; 4 – бронзовый наконечник стрелы

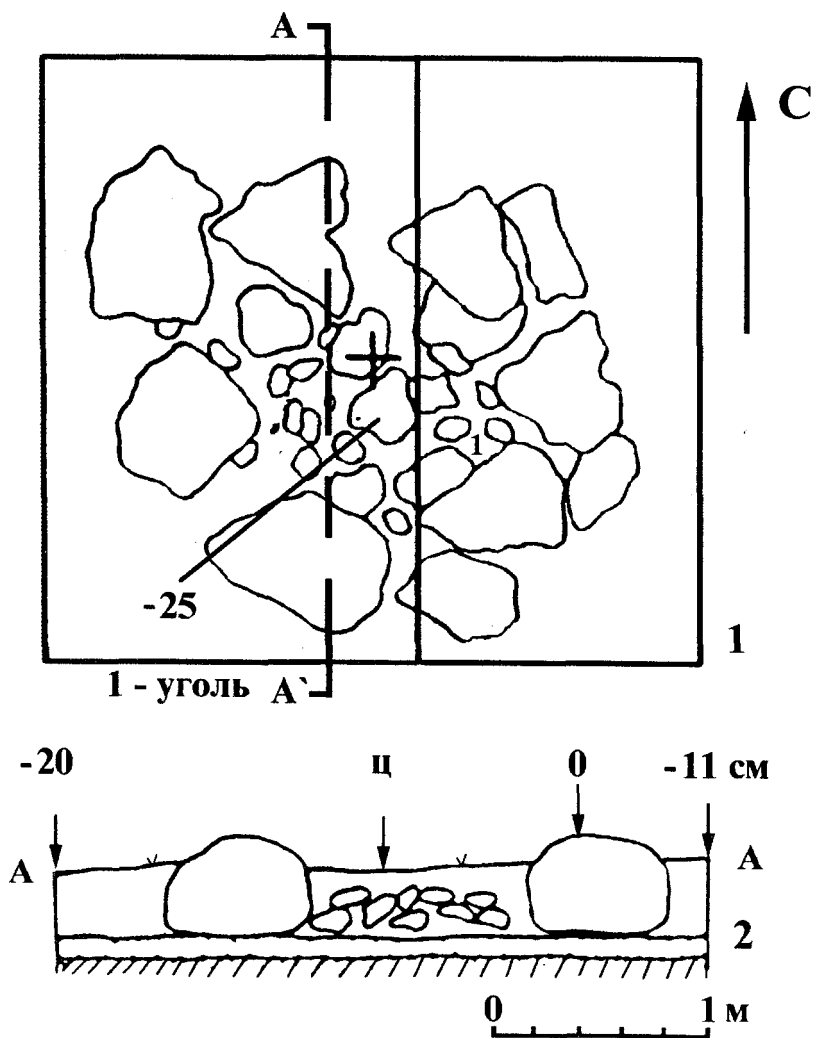

Рис. 30. Выкладка №22. План (1) и разрез объекта (2)

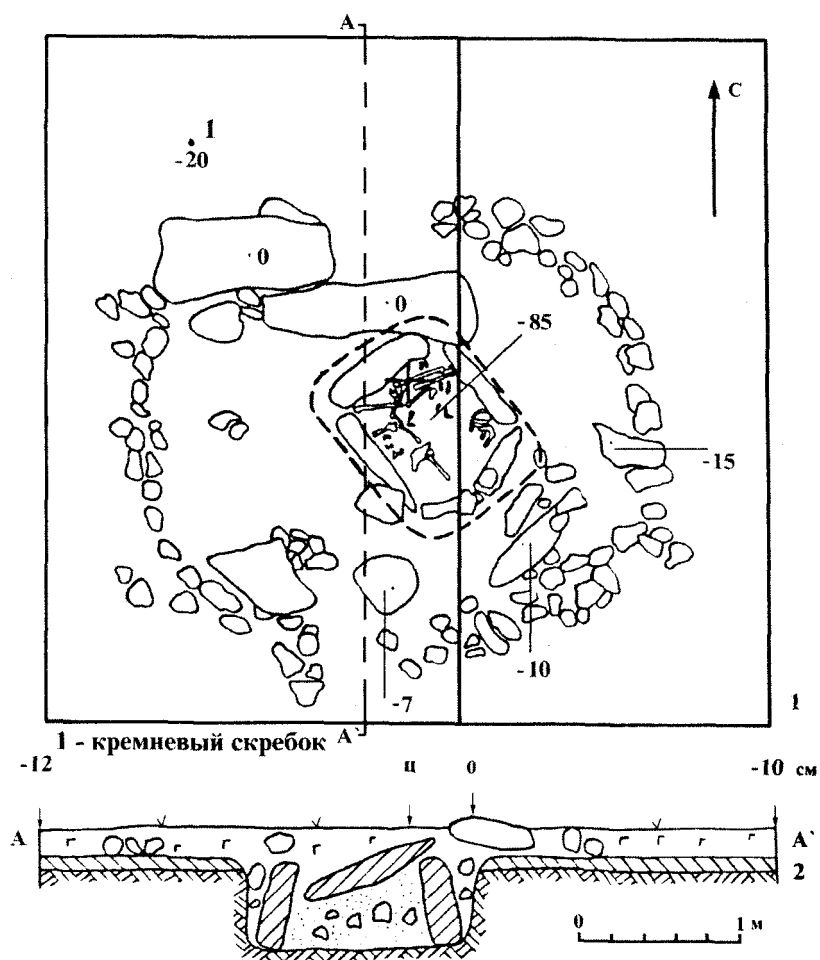
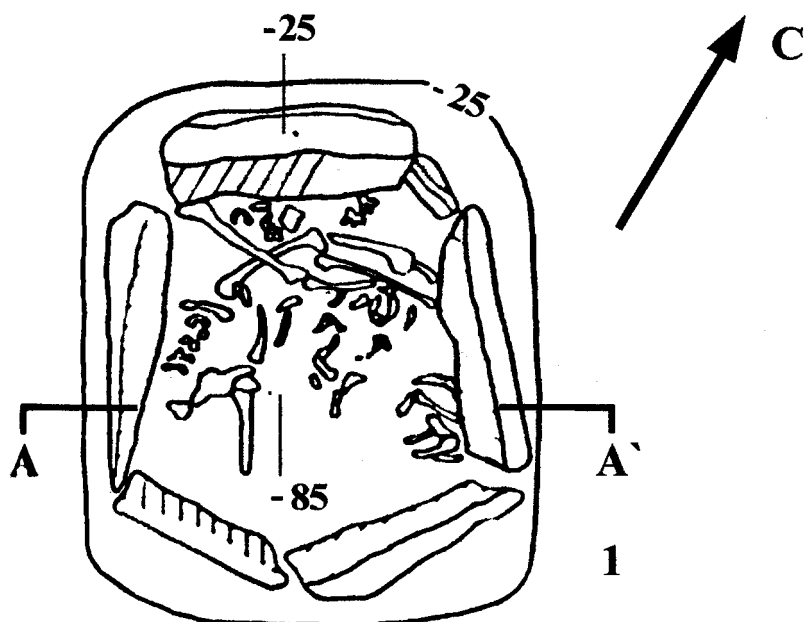
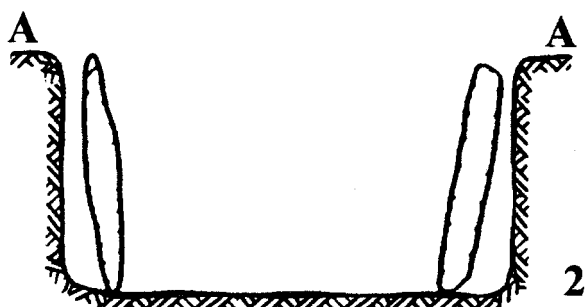

Рис. 31. Курган №23. План кольца и могильной ямы (1),
разрез сооружений (2)

Разрез ямы по линии А – А'

0 ————— 0,5 м

Рис. 32. Курган №23. План погребения (1), разрез ямы и ящика (2)

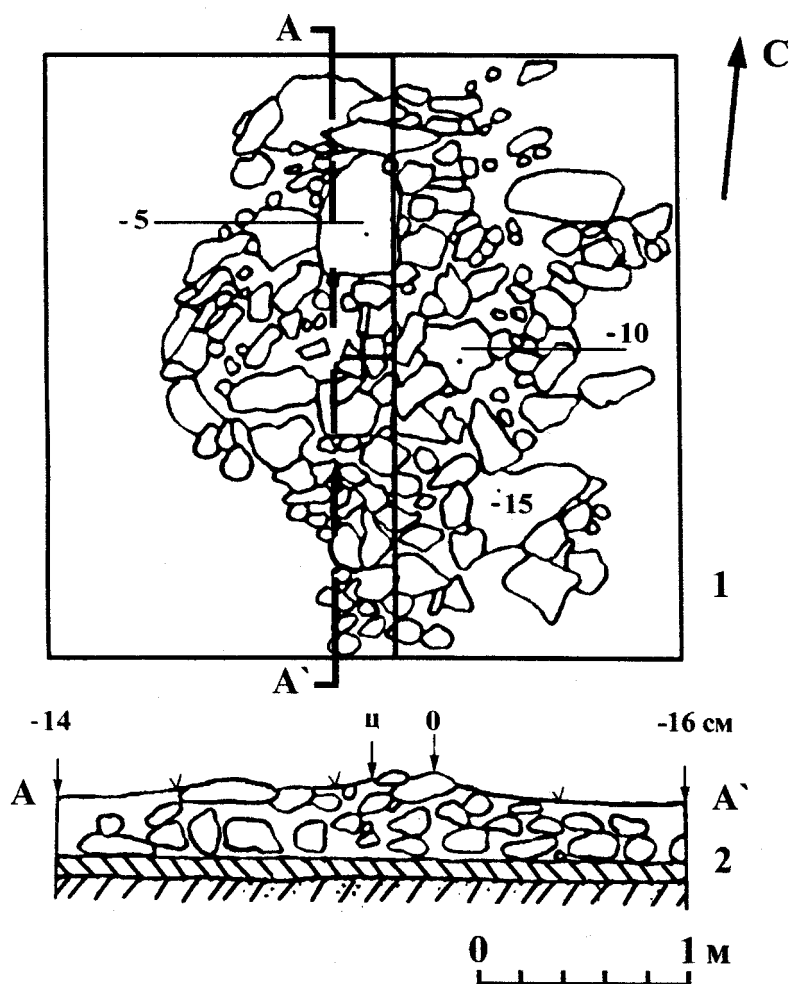

Рис. 33. Выкладка №24. План (1) и разрез объекта (2)

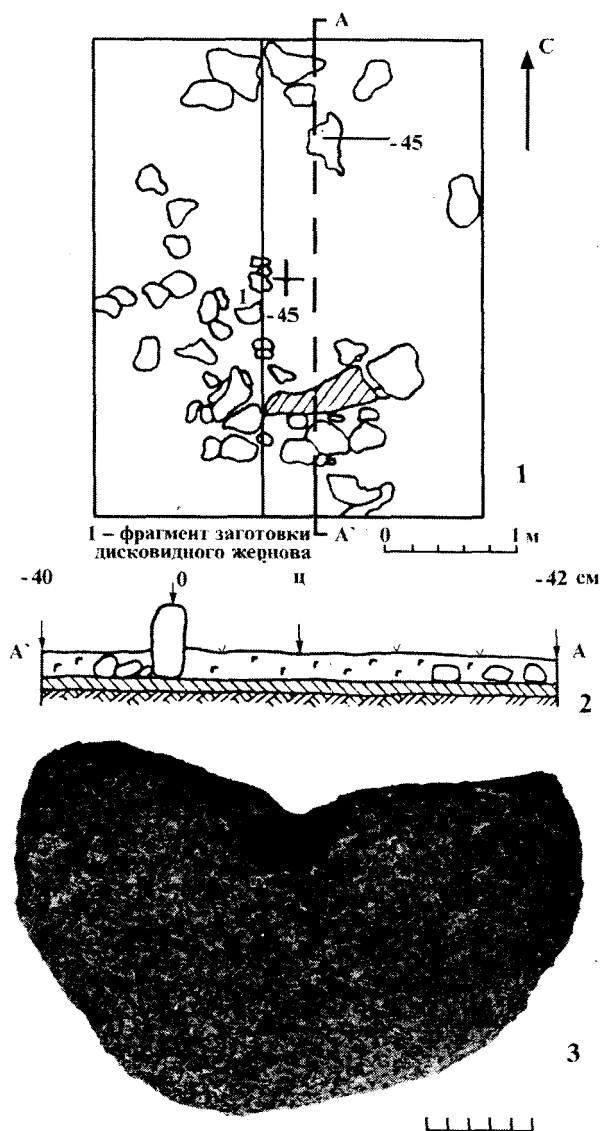

Рис. 34. Выкладка №25. План (1) и разрез (2) объекта. Заготовка дисковидного жернова (3) из серого гранита (фото)

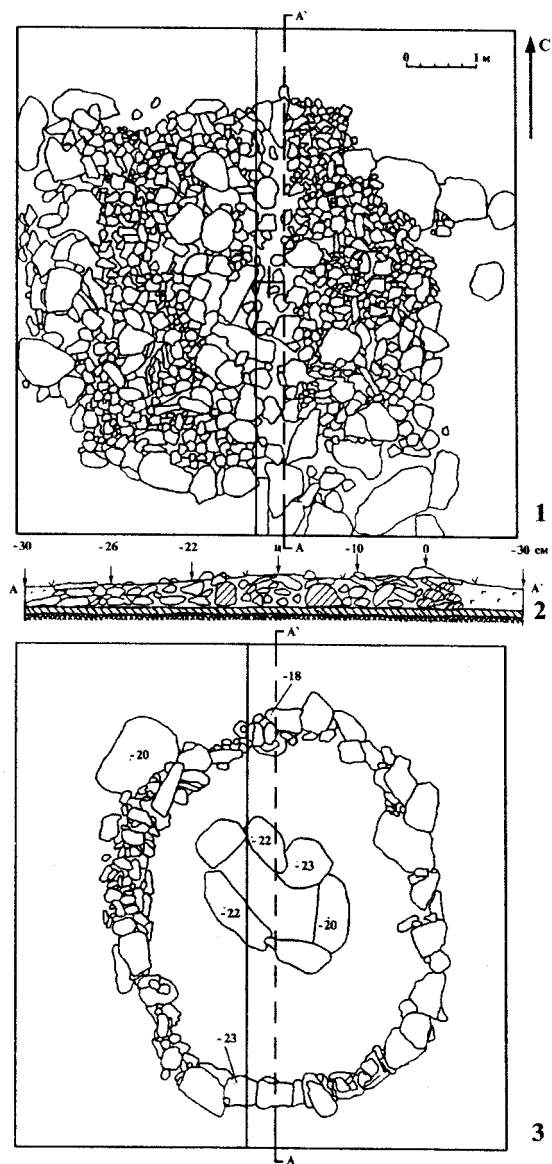

Рис. 35. Курган №28. Насыпь (1), разрез сооружения (2) и кольцо с ящиком (3). Планы

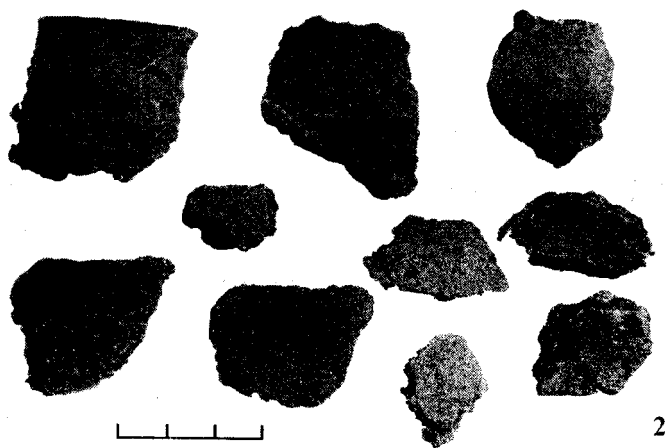
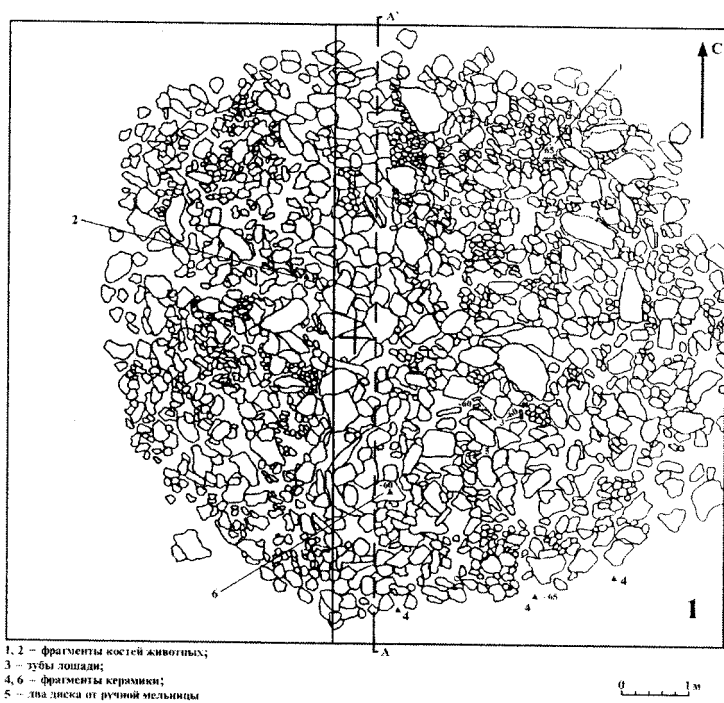

Рис. 36. Курган №29. План насыпи (1). Фрагменты керамики (2)

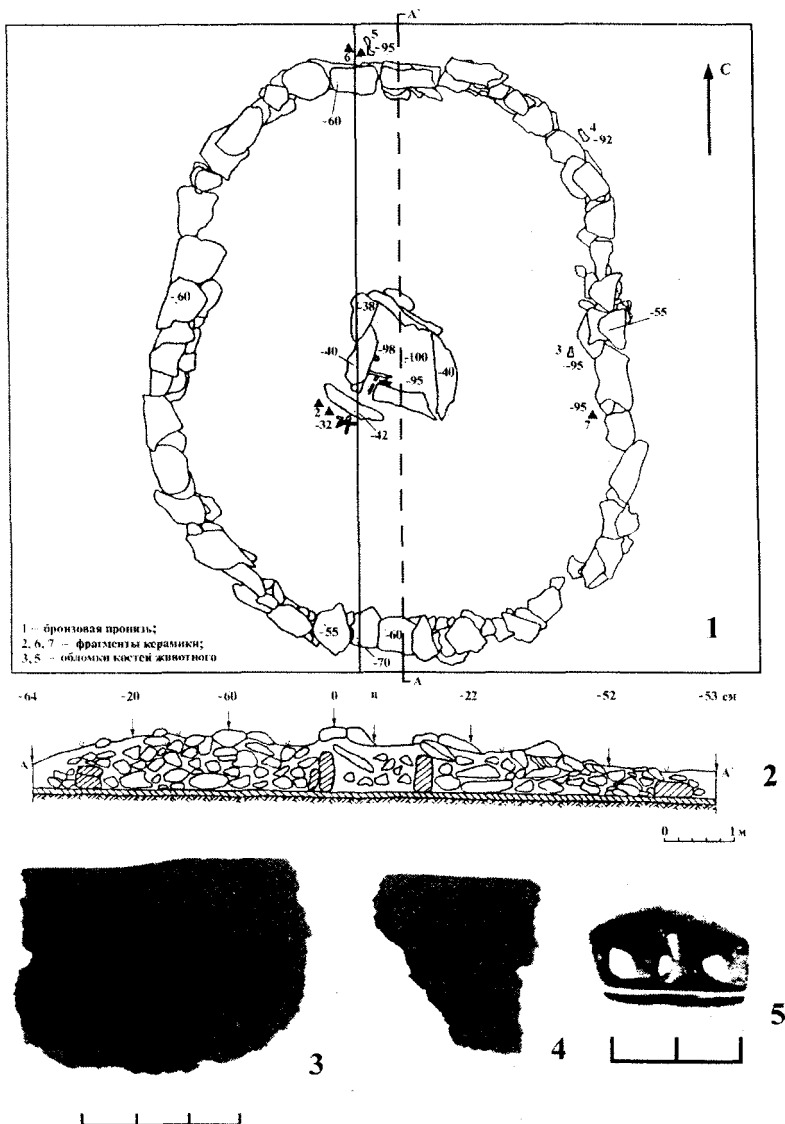

Рис. 37. Курган №29. План кольца с ящиком (1) и разрез сооружения (2).
 Фрагменты керамики (3, 4). Бронзовый распределитель ремней (5)

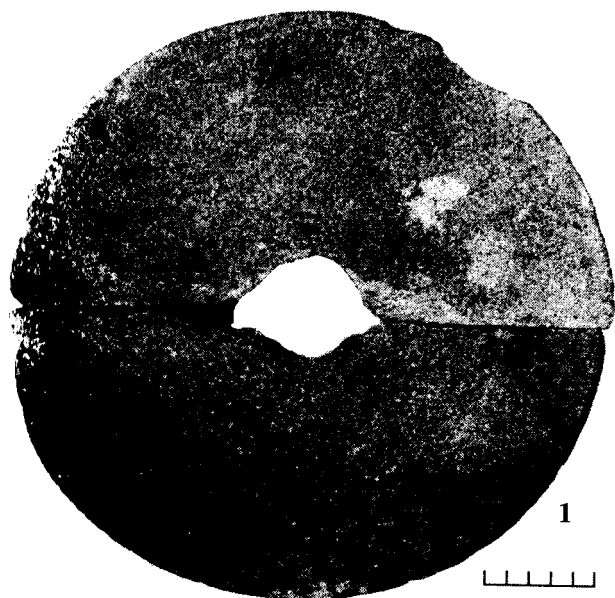

Рис. 38. Кургan №29. Верхний диск каменного жернова

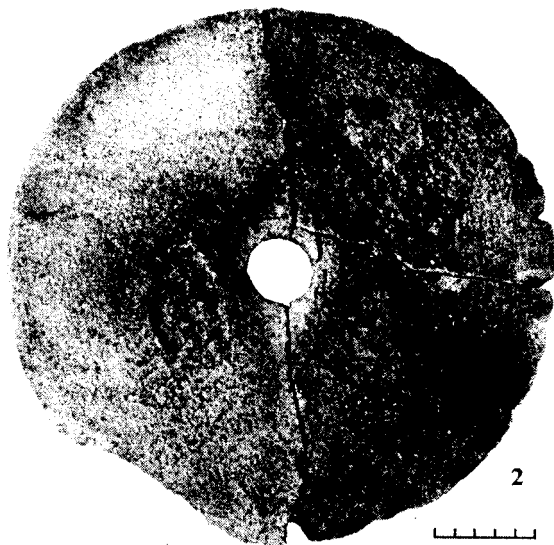
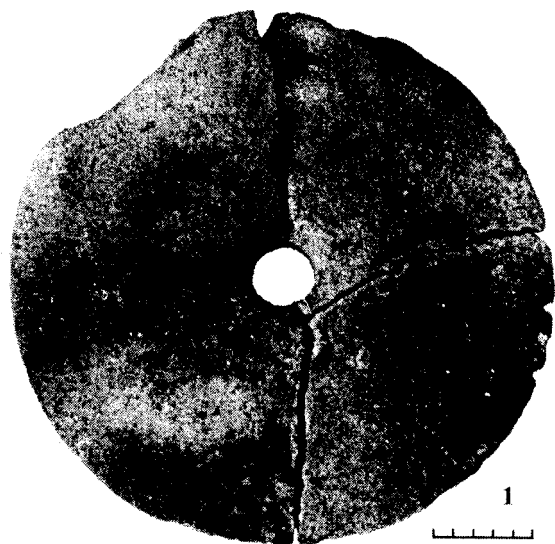

Рис. 39. Курган №29. Нижний диск каменного жернова

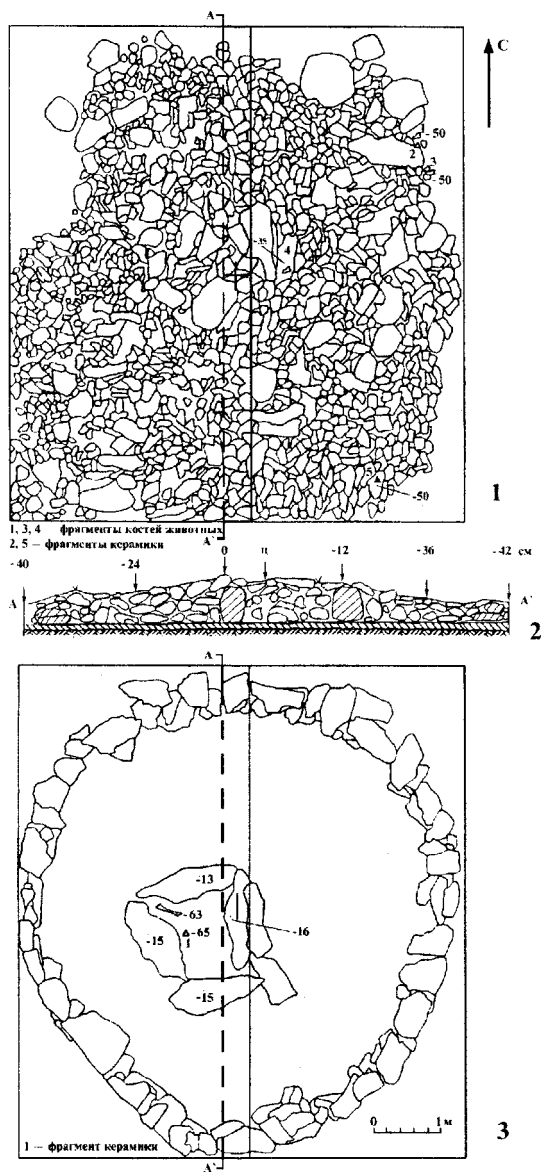

Рис. 40. Курган №30. План (1) и разрез насыпи (2).
Каменное кольцо с ящиком в центре (3)

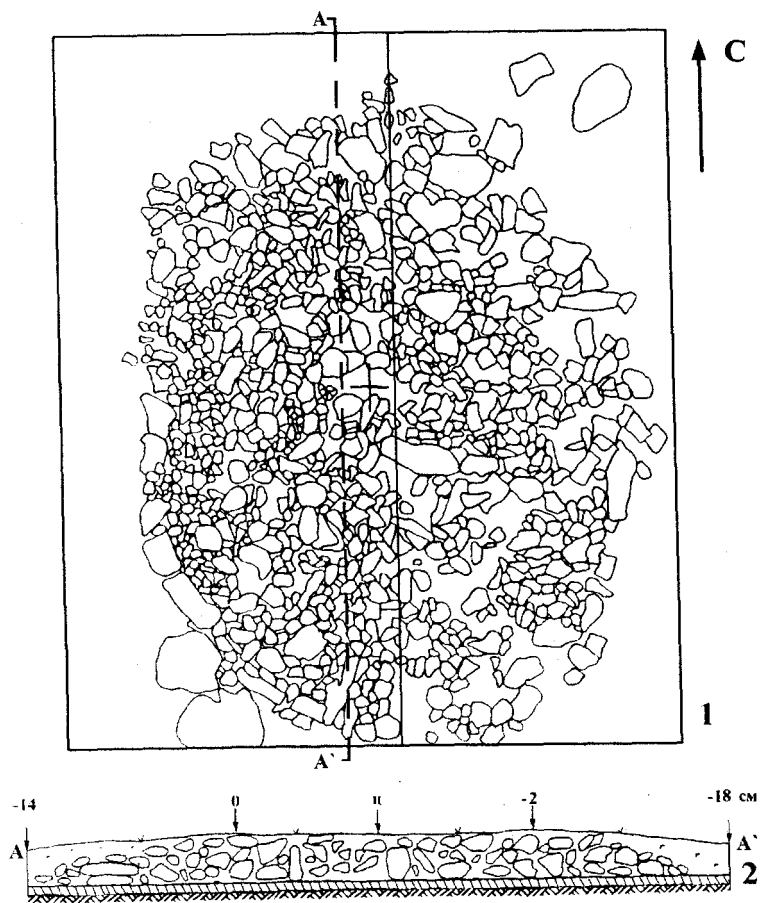
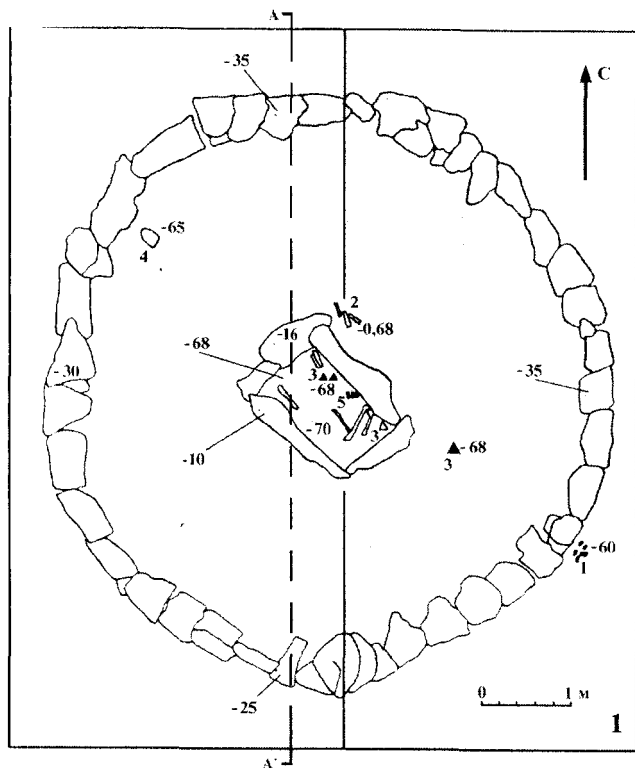

Рис. 41. Кургan №34. План (1) и разрез насыпи (2)

- 1 – кальцинированные кости; 2 – фрагменты костей животного (?), человека (?);
 3 – фрагменты керамики; 4 – обломок двусторонней зернотерки;
 5 – три конских зуба в засышке

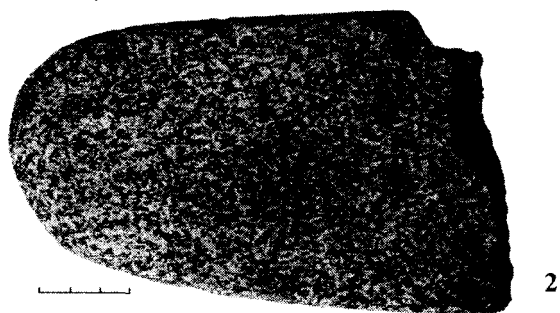

Рис. 42. Кургan №34. 1 – план кольца с каменным ящиком;
 2 – обломок двусторонней зернотерки из гранита (фото)

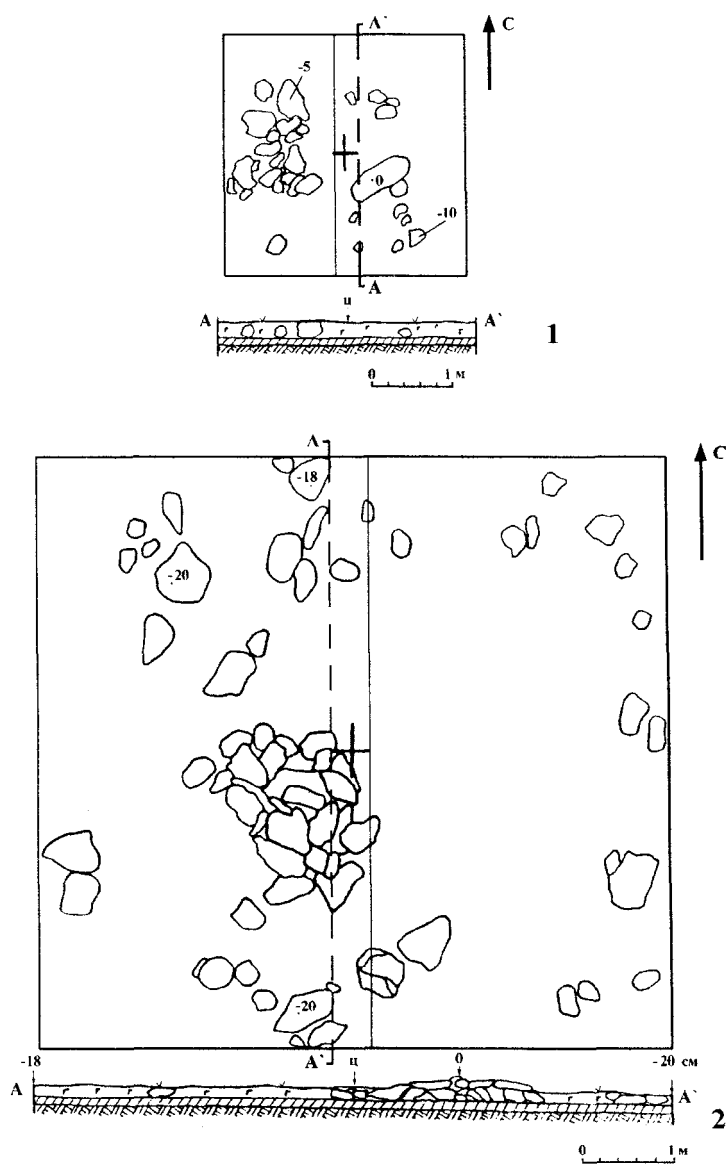

Рис. 43. Планы и разрезы: 1 – выкладка №35; 2 – выкладка №36

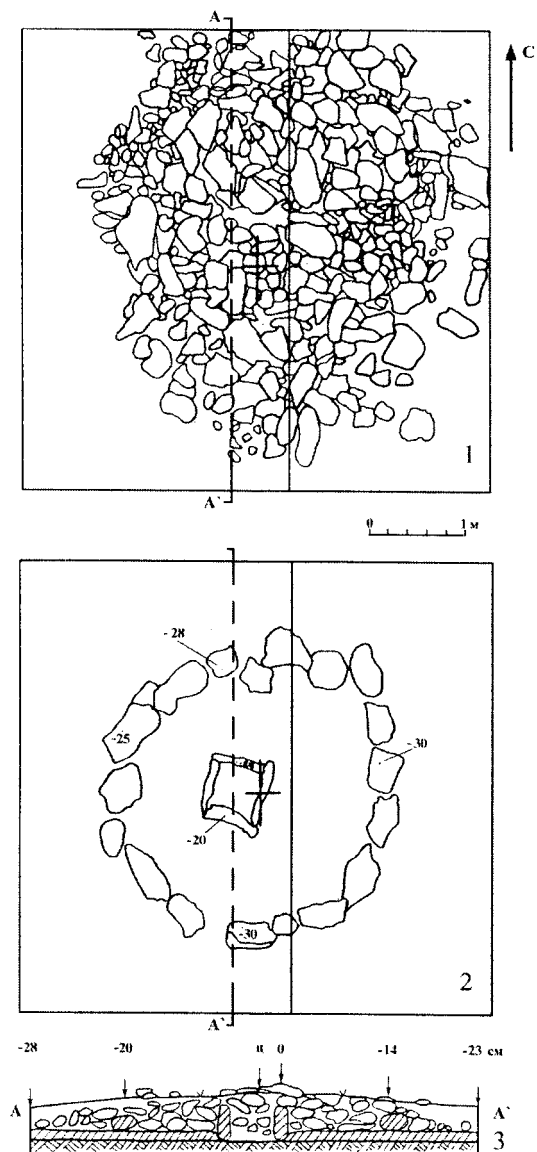

Рис. 44. Кургan №38. Каменная насыпь (1) и ее разрез (2).
Кольцо с ящиком (3). Планы

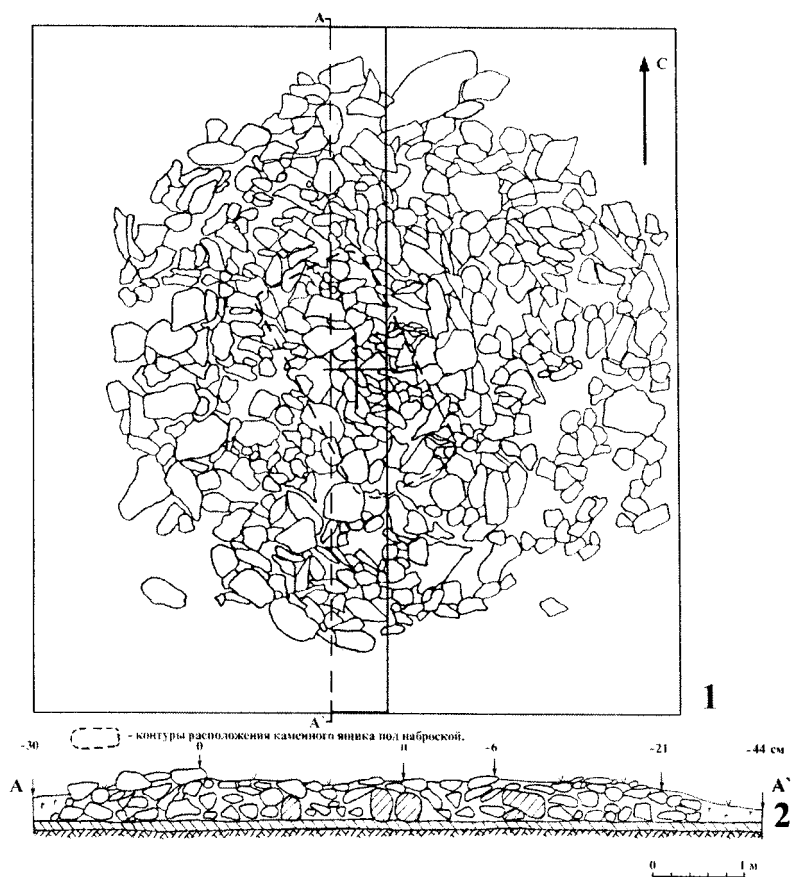

Рис. 45. Кургan №39. План (1) и разрез насыпи (2)

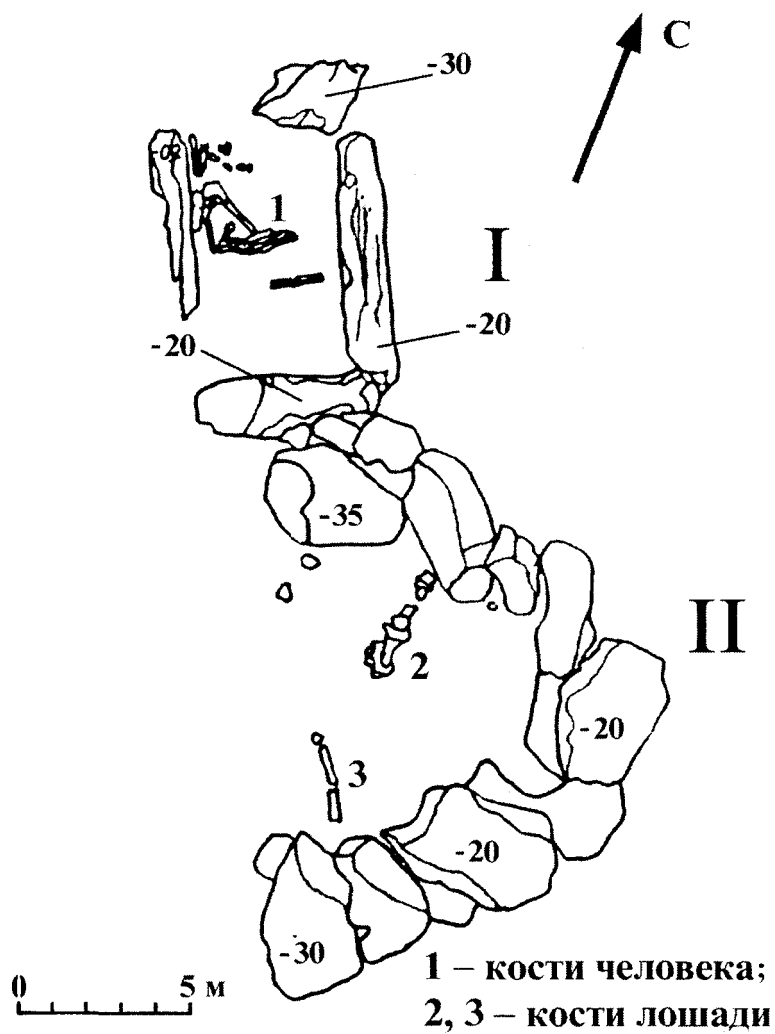

Рис. 46. Курган №39. I — каменный ящик с погребением человека;
II — сооружение для лошади

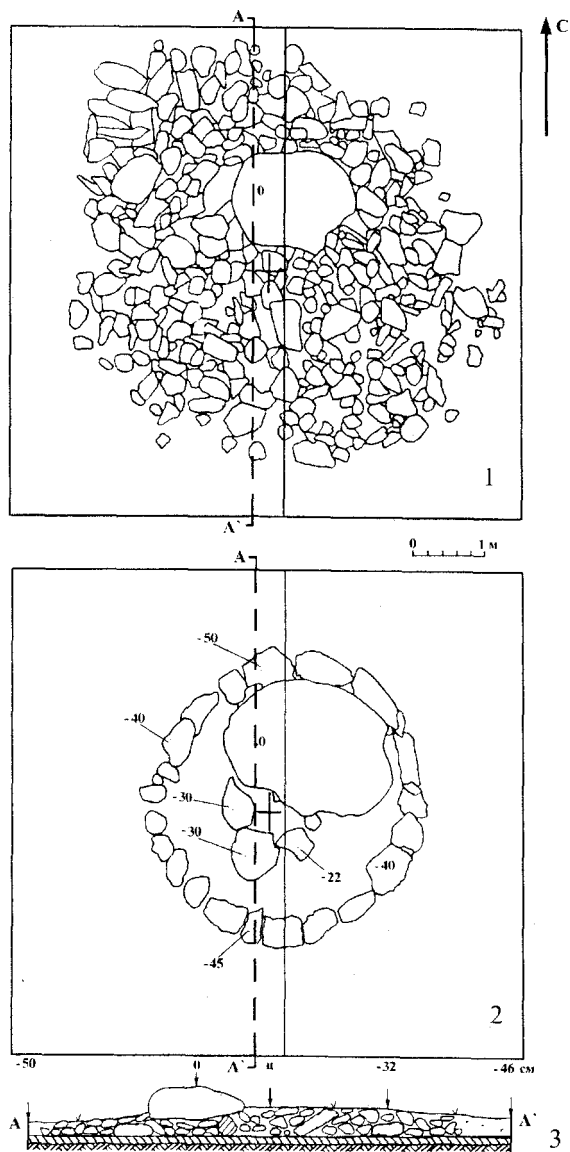

Рис. 47. Кургan №40. Насыпь (1) и ее разрез (3).
Каменное кольцо с ящиком (2). Планы

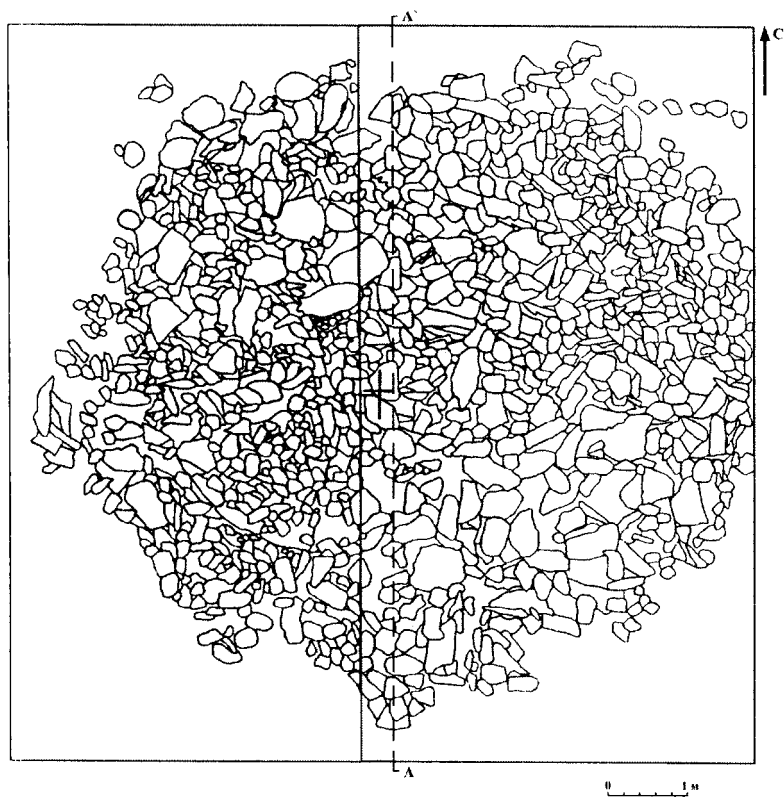

Рис. 48. Кургan №41. План насыпи

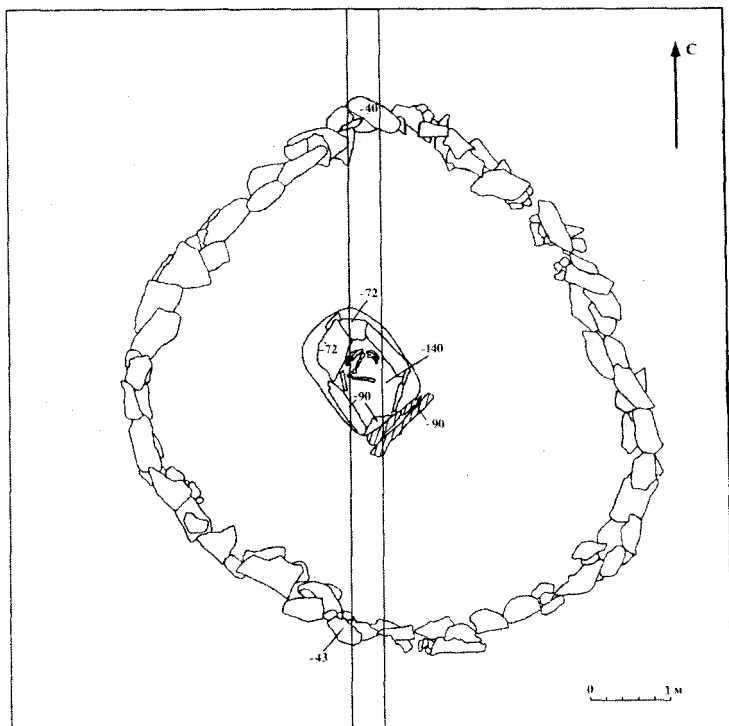

Рис. 49. Кургan №41. План кольца с каменным ящиком

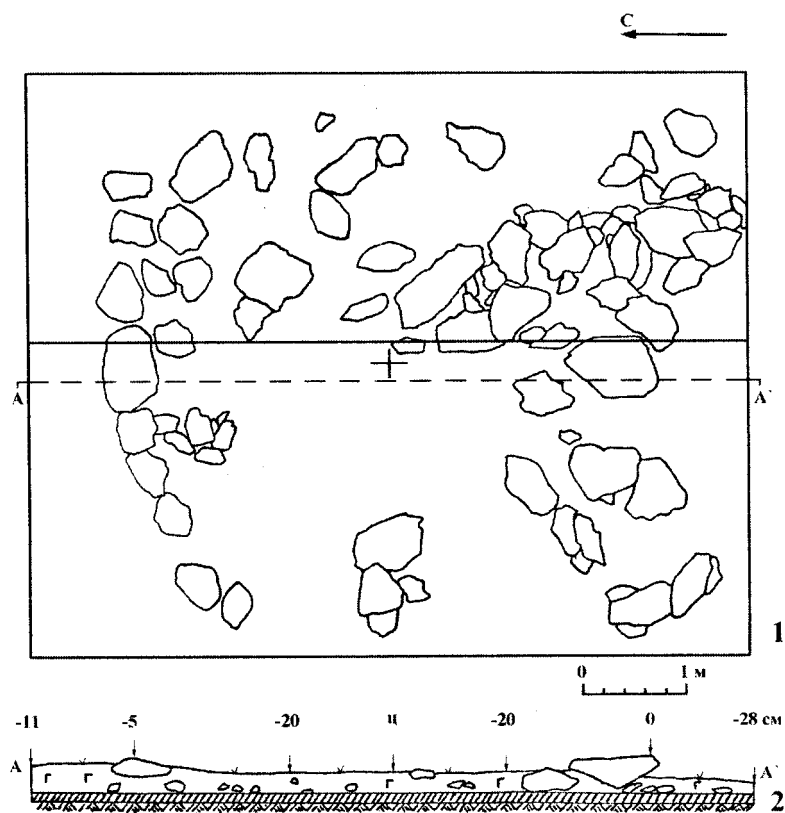

Рис. 50. Выкладка №43. План (1) и разрез объекта (2)

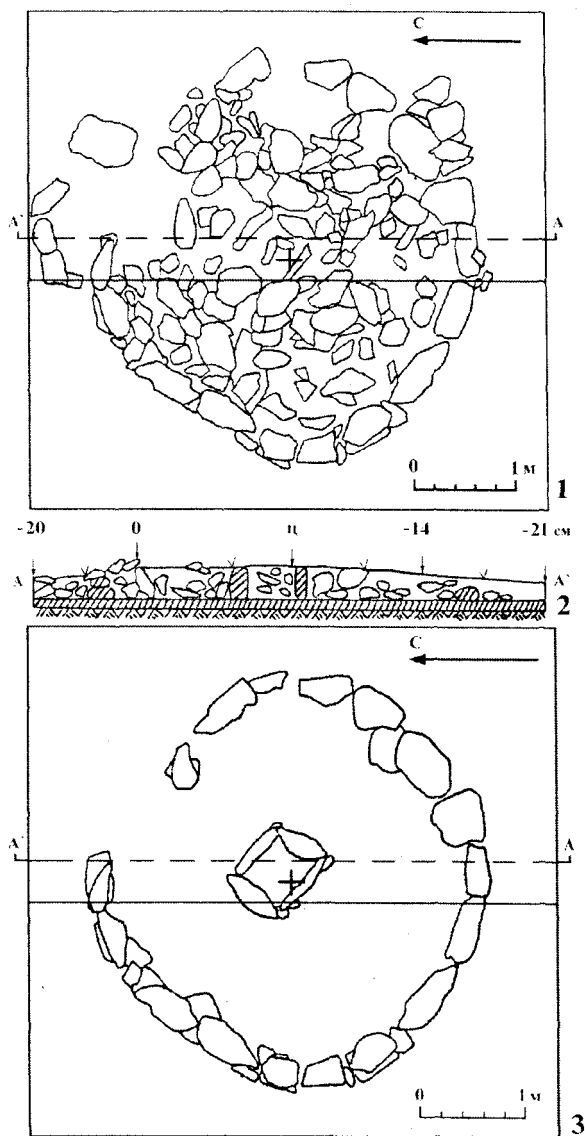

Рис. 51. Кургan №44. Насыпь (1) и ее разрез (2).
Кольцо с каменным ящиком (3). Планы

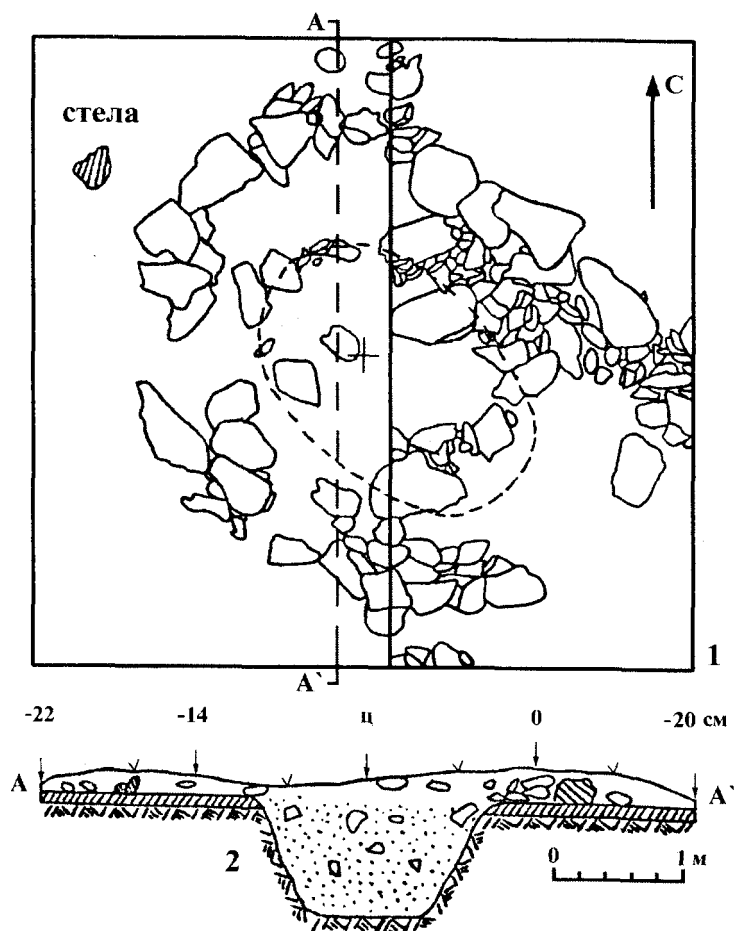

Рис. 52. Выкладка №45. План (1) и разрез объекта (2)

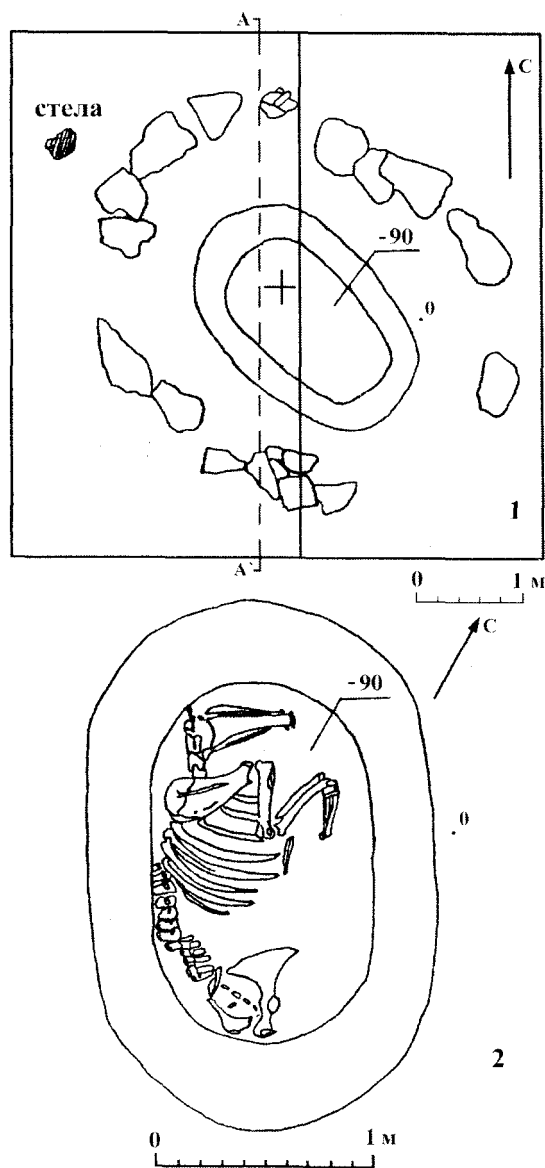

Рис. 53. Выкладка №45. План каменного кольца и ямы (1).
Захоронение лошади (2)

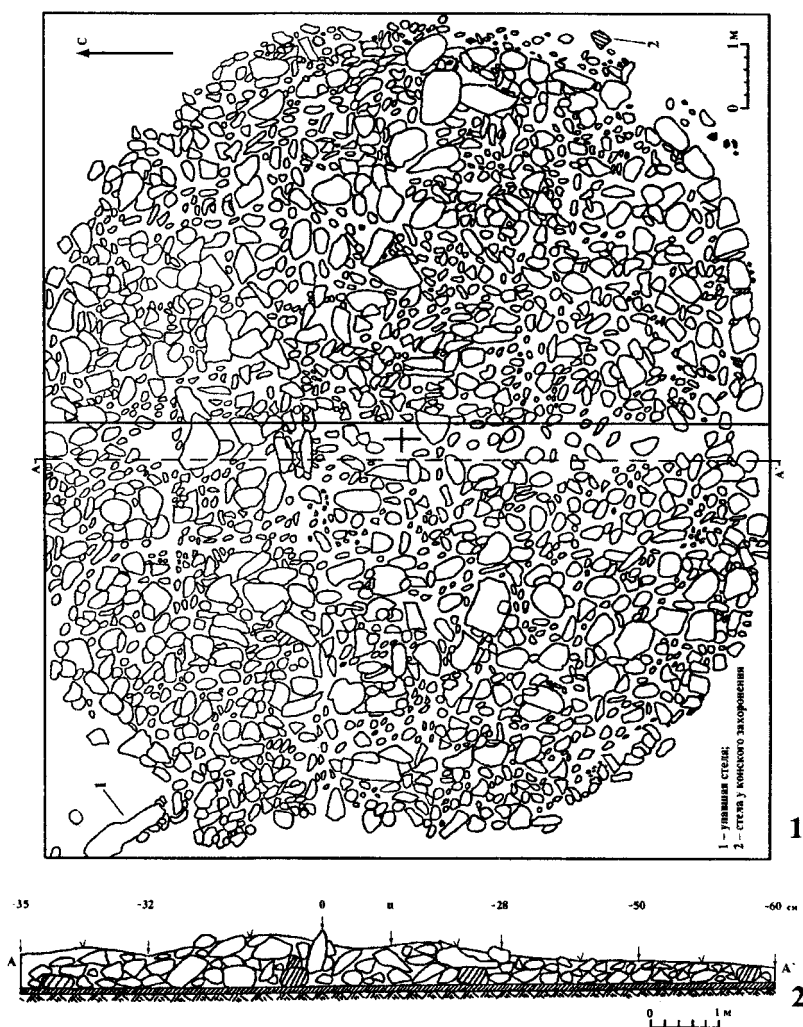

Рис. 54. Курган №51. План (1) и разрез насыпи (2)

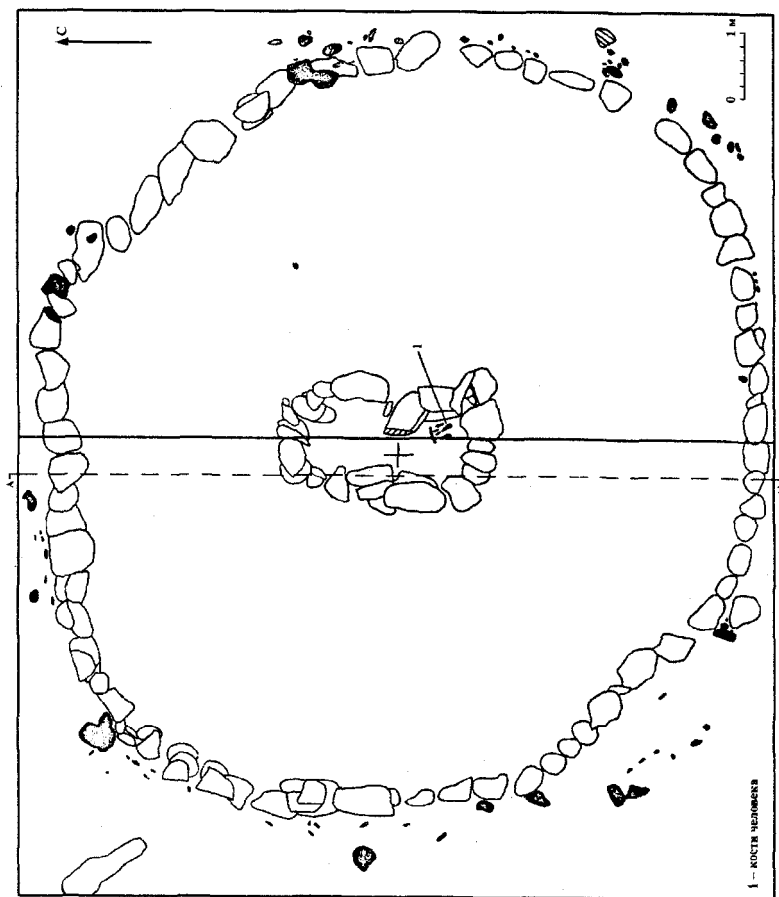

Рис. 55. Курган №51. План кольца с каменной цистой в центре

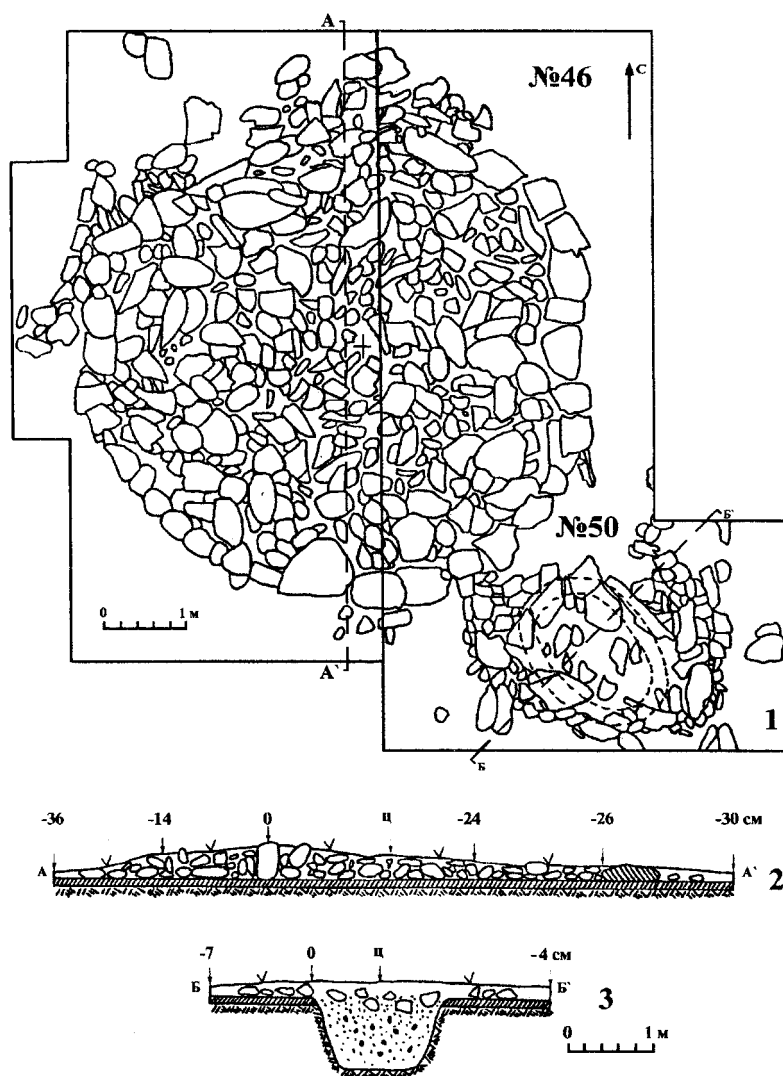

Рис. 56. Курган №46 и выкладка №50.
Планы каменных насыпей (1) и их разрезов (2, 3)

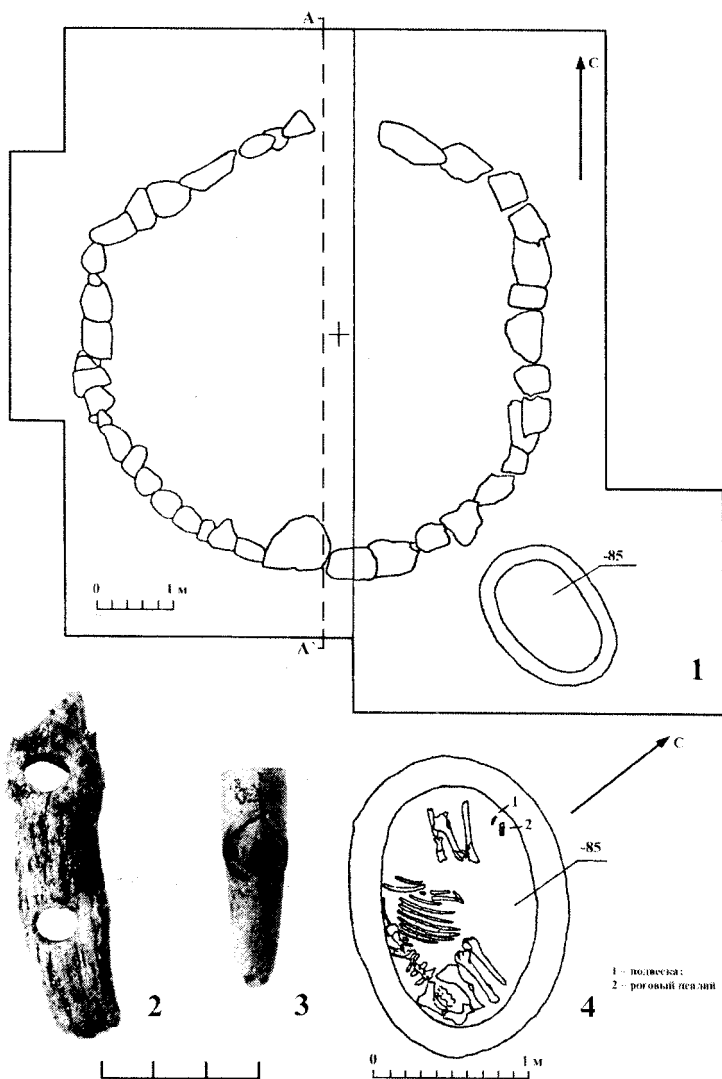

Рис. 57. 1 – план каменного кольца кургана №46 и ямы под выкладкой №50; 2 – фрагмент трехдырчатого рогового псаля; 3 – костяная подвеска; 4 – захоронение лошади

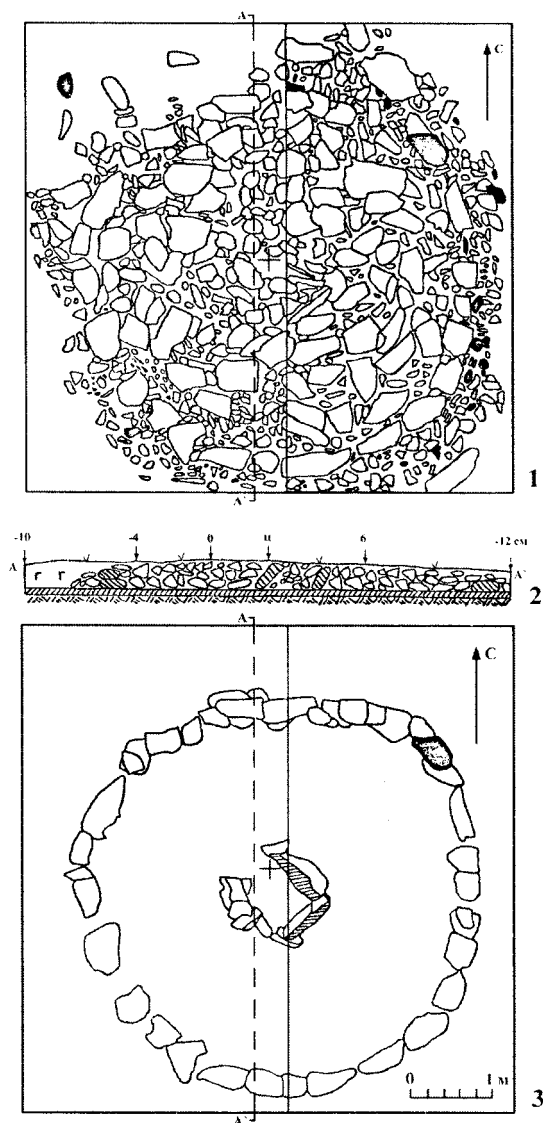

Рис. 58. Кургan №47. Планы насыпи (1), разреза (2) и каменного кольца с ящиком (3)

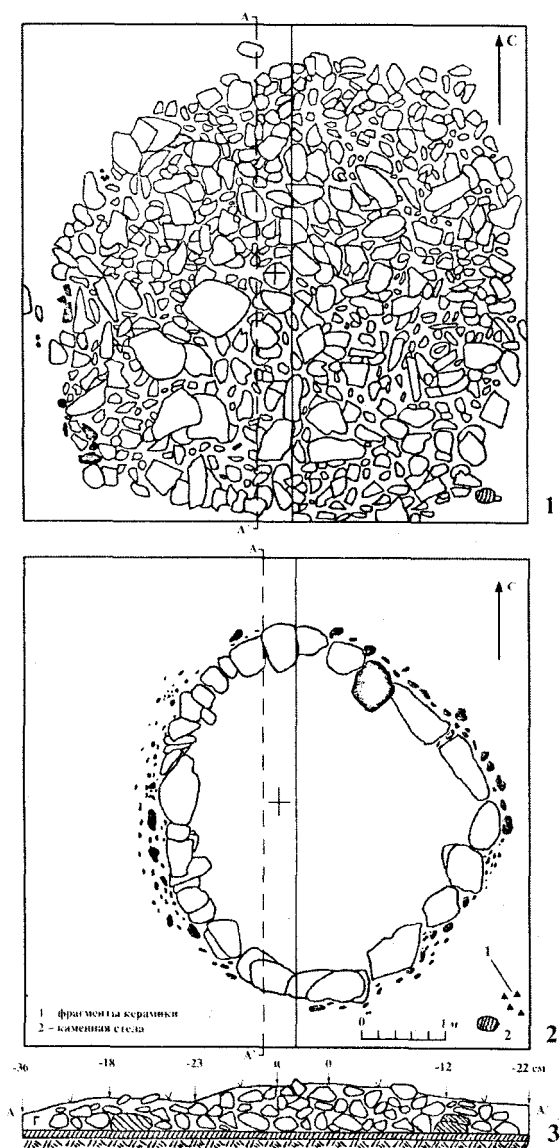

Рис. 59. Кургan №48. Планы насыпи (1), каменного кольца (2) и разреза (3)

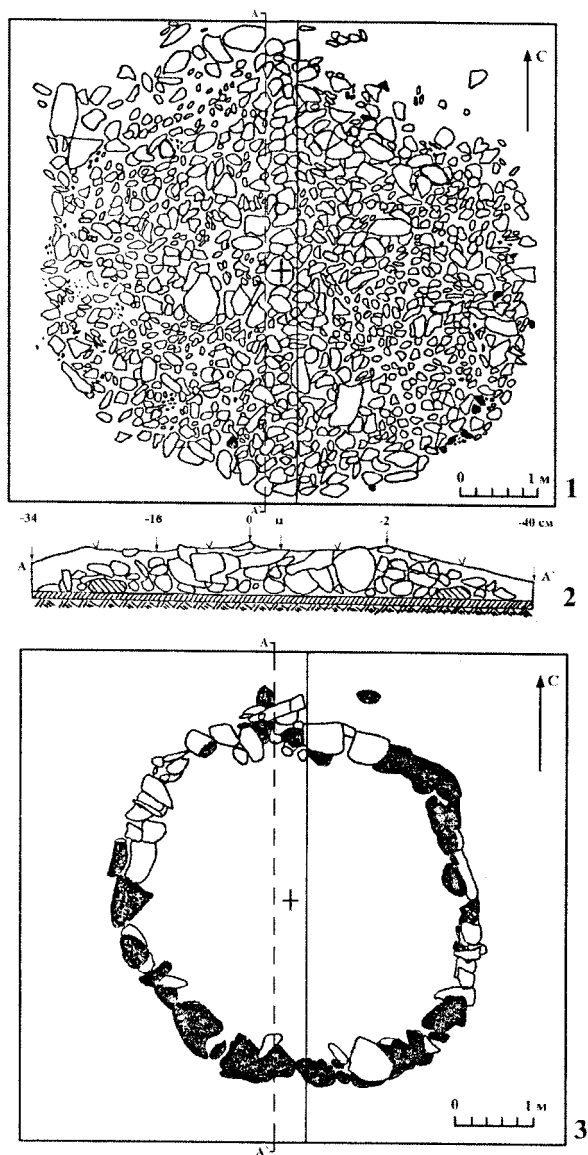

Рис. 60. Курган №49. Планы насыпи (1), разреза (2) и каменного кольца (3)

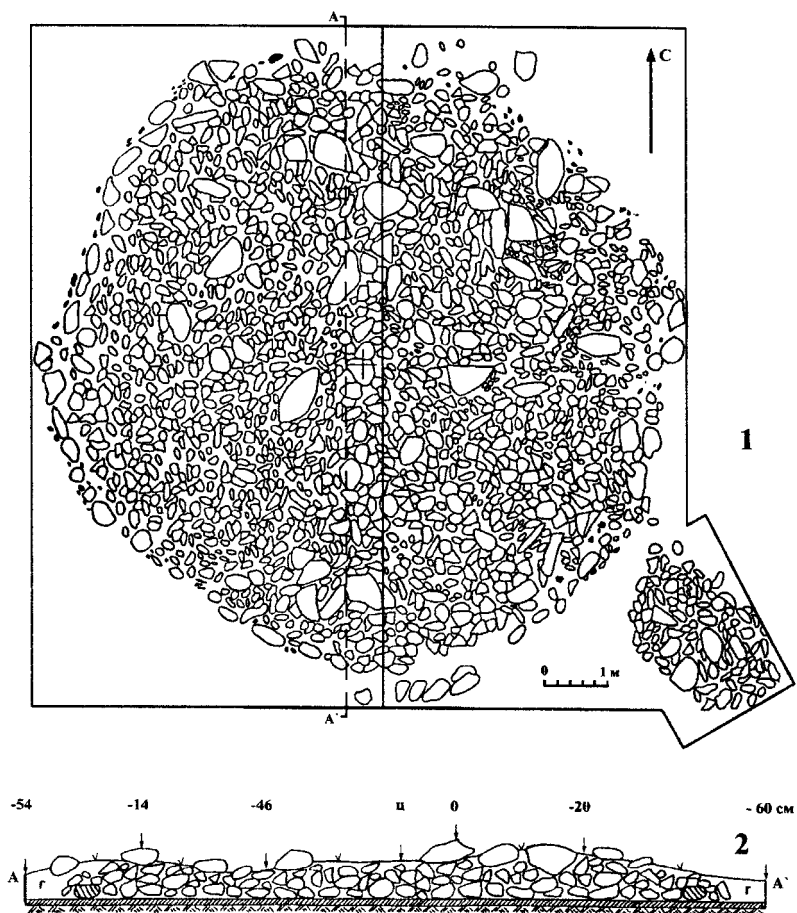

Рис. 61. Кургaн №52. Насыпь (1) и ее разрез (2)

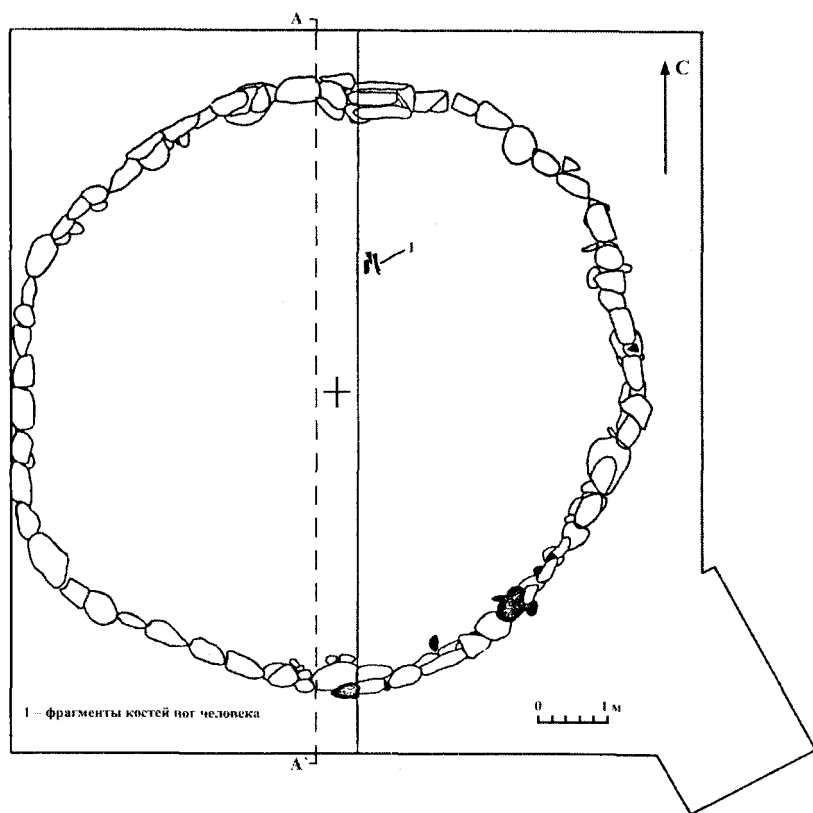

Рис. 62. Кургan №52. План каменного кольца

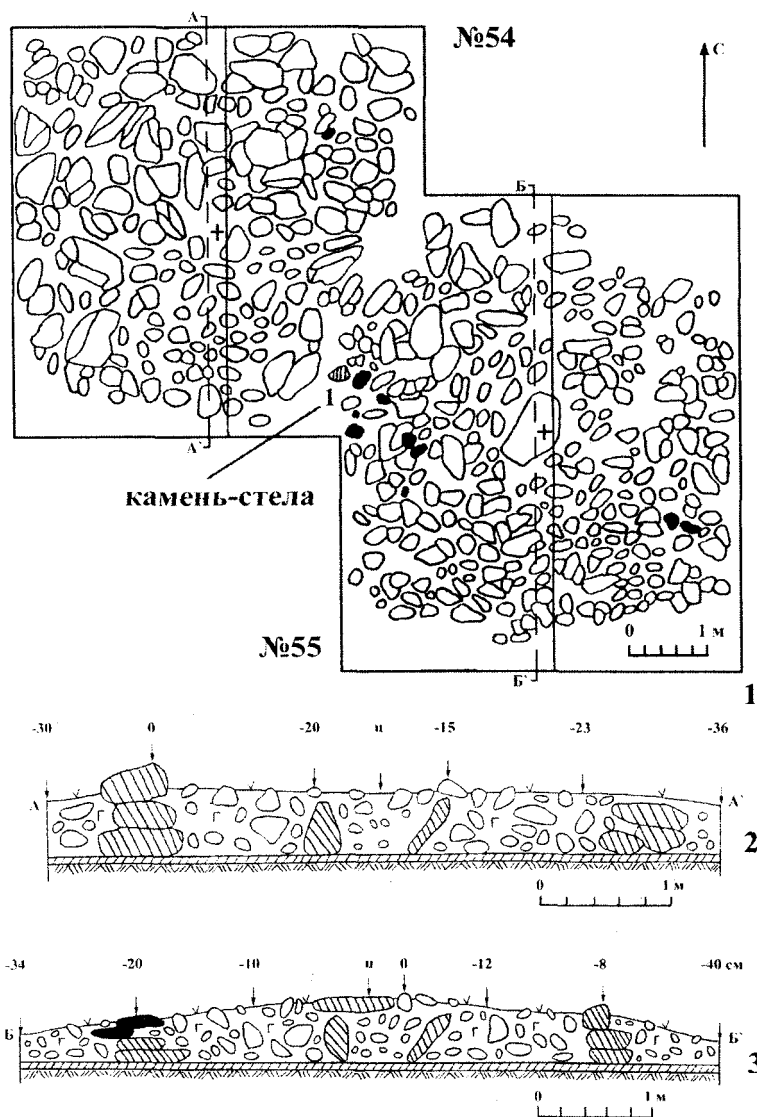

Рис. 63. Курганы №54 и 55. Планы насыпей (1) и разрезов (2, 3)

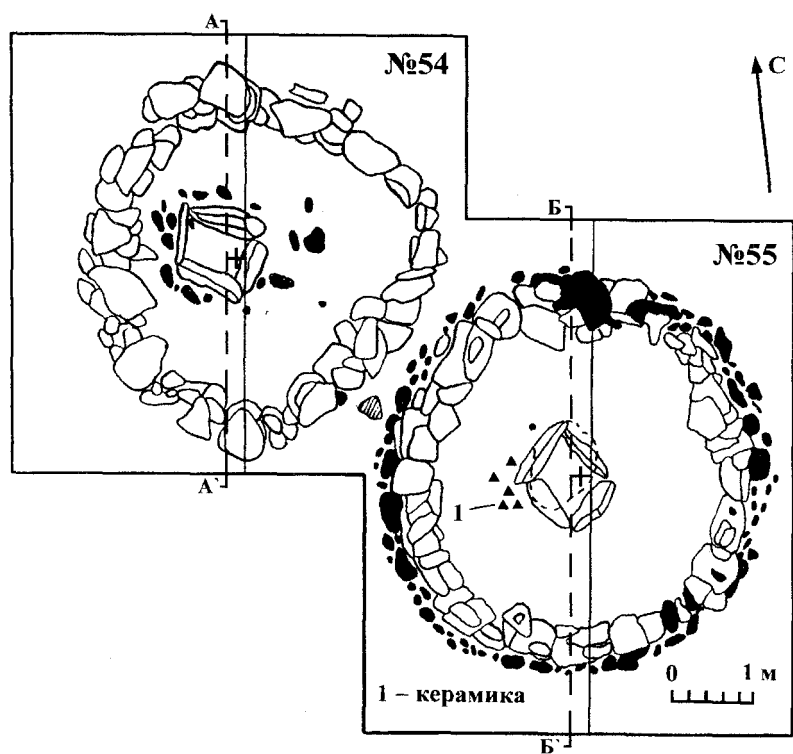

Рис. 64. Курганы №54 и 55. Планы колец с ящиками

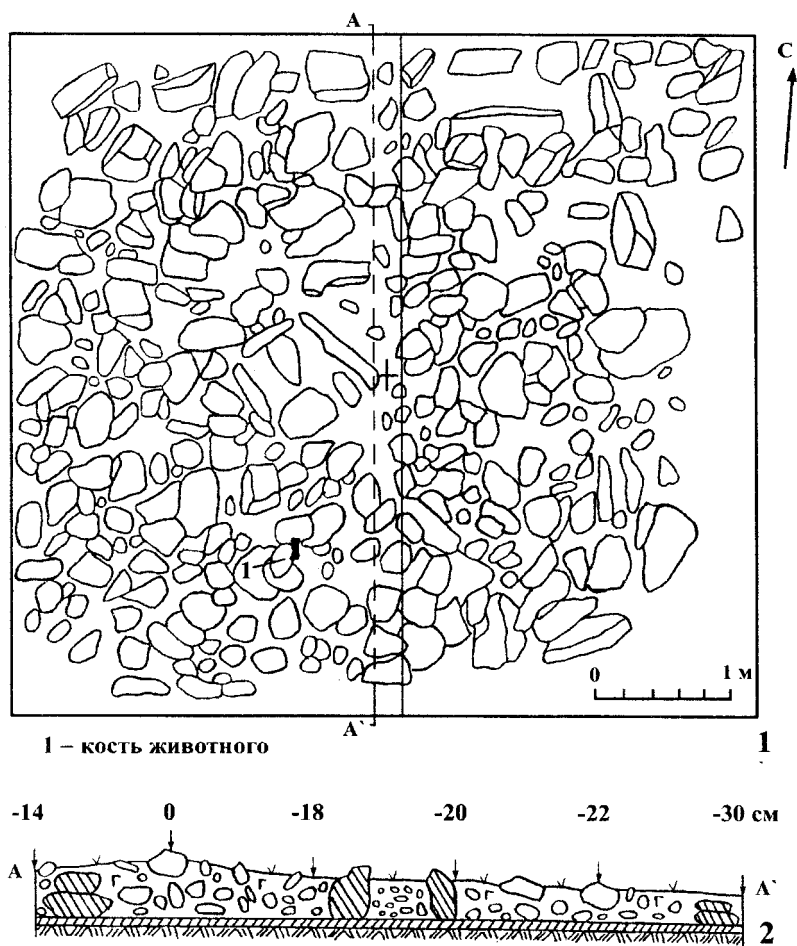

Рис. 65. Кургan №56. Насыпь (1) и ее разрез (2). Планы

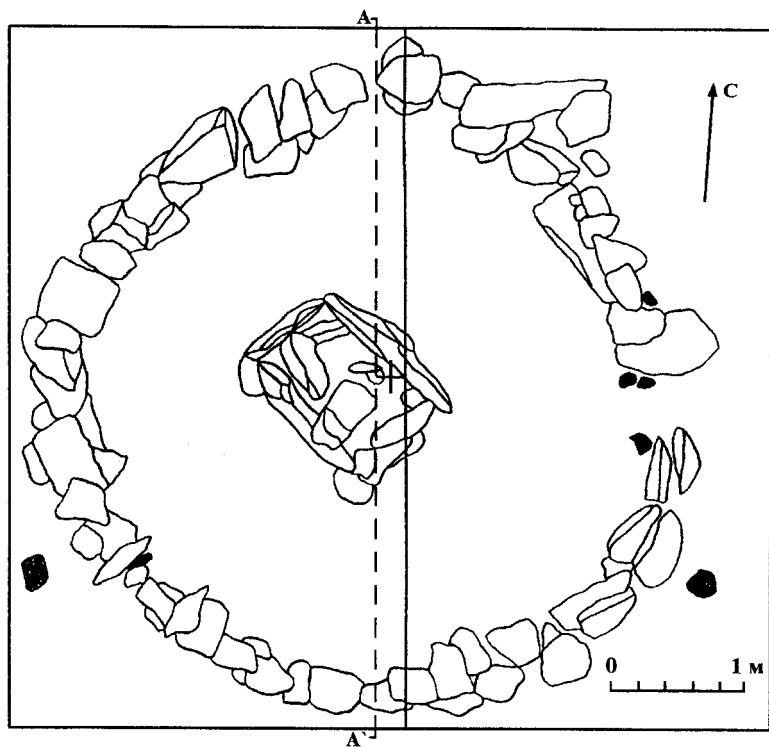

Рис. 66. Кургan №56. План кольца с каменным ящиком

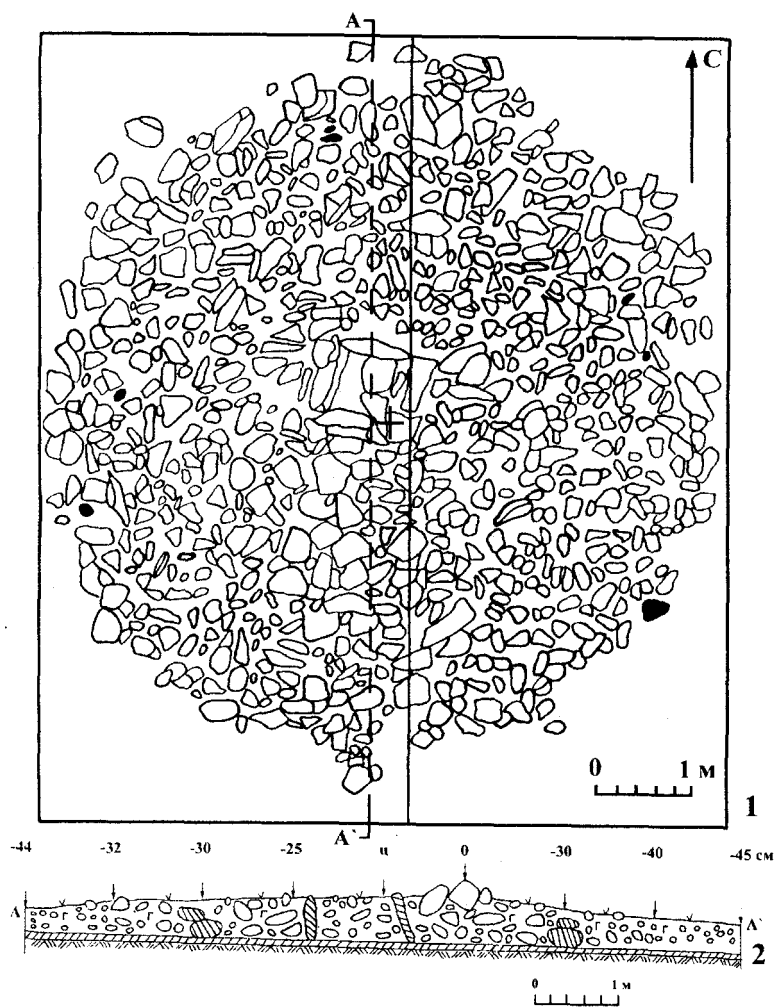

Рис. 67. Кургan №57. План насыпи (1) и ее разреза (2)

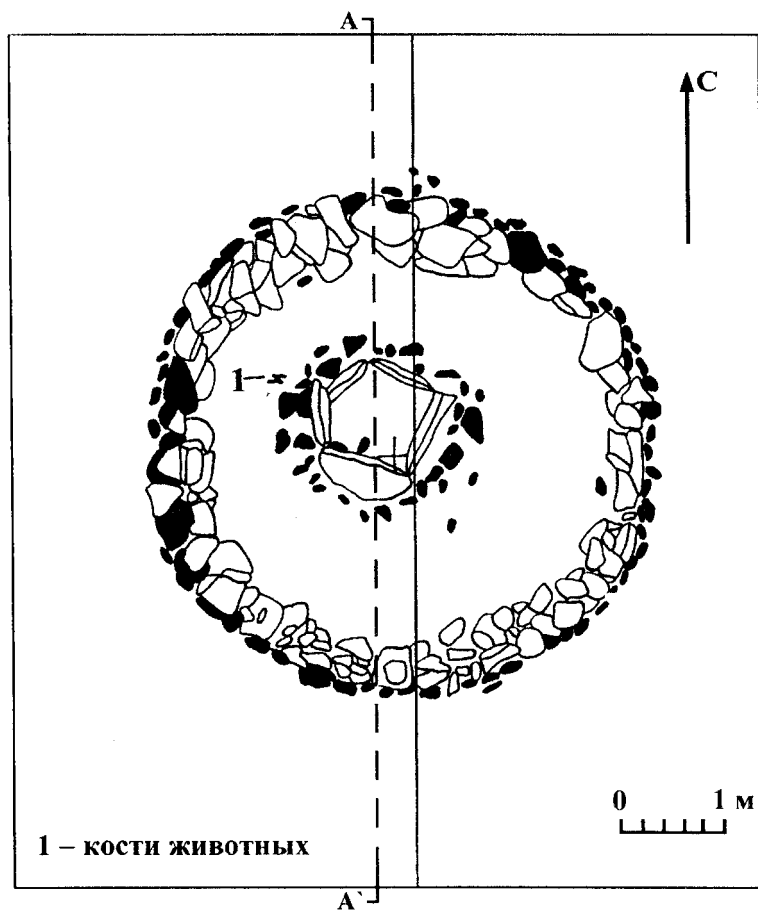

Рис. 68. Кургan №57. План кольца с каменным ящиком в центре

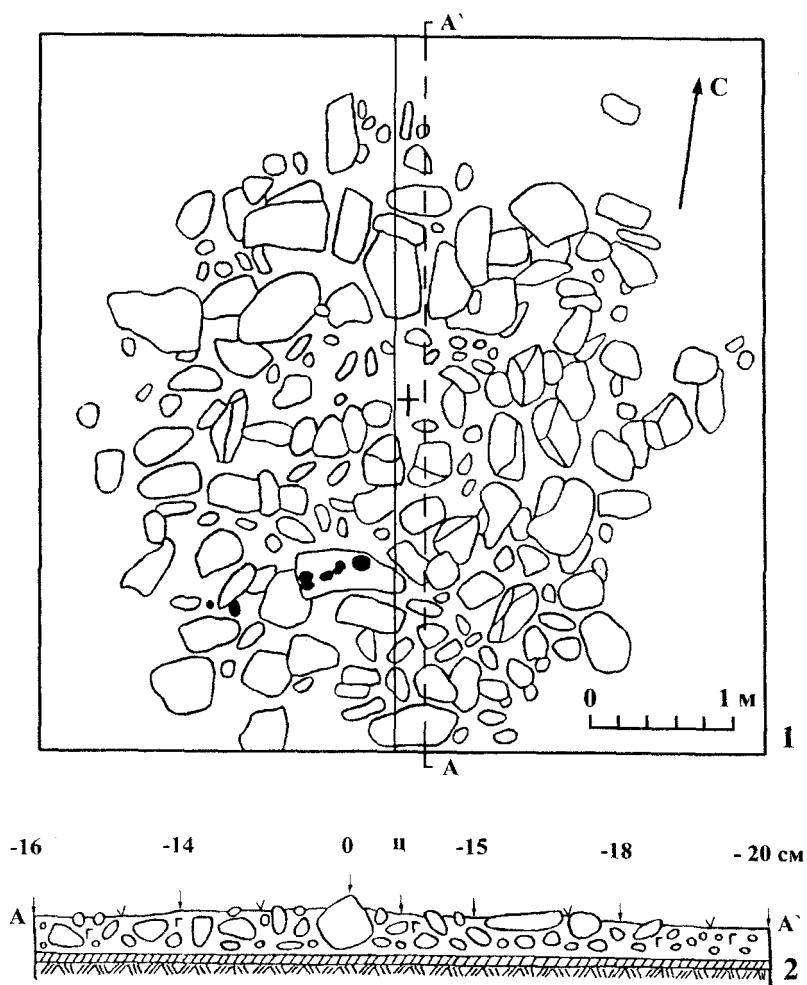

Рис. 69. Кургaн №58. План наброски (1) и разрез объекта (2)

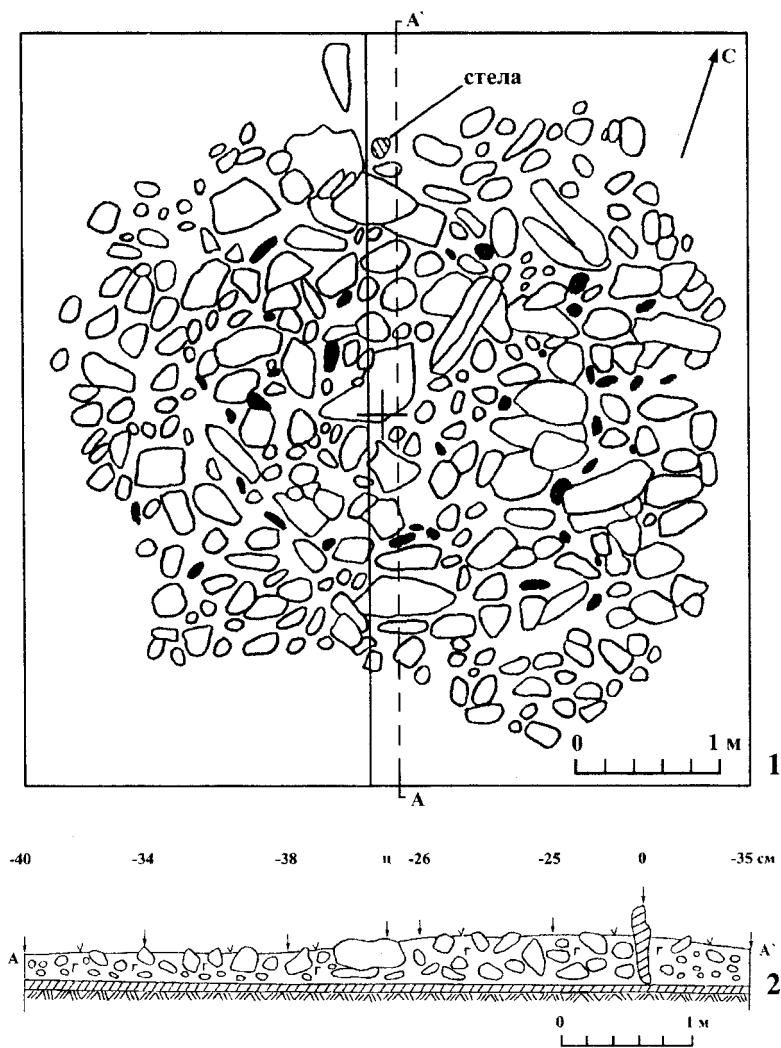

Рис. 70. Кургan №59. План насыпи (1). Разрез (2)

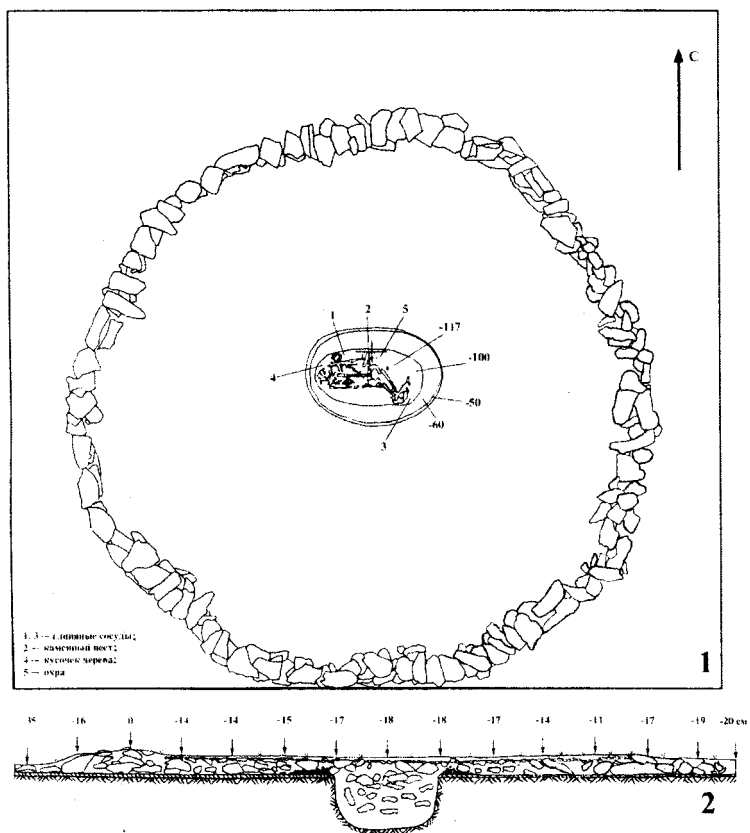

Рис. 71. Курган №31. План погребения и кольцевидной выкладки (1)
Разрез кургана (2)

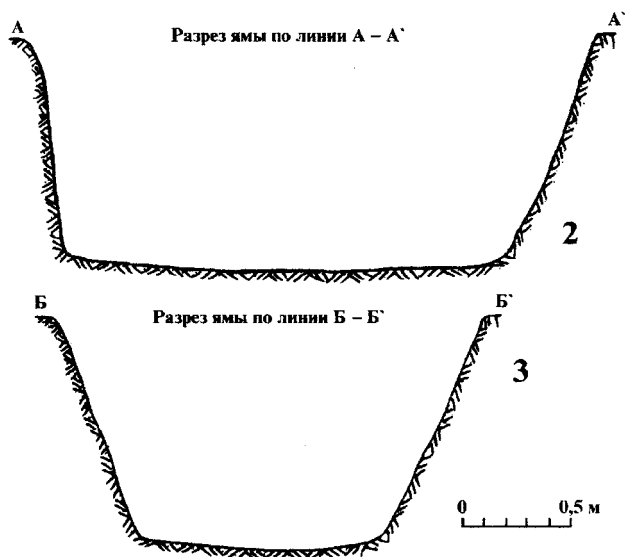
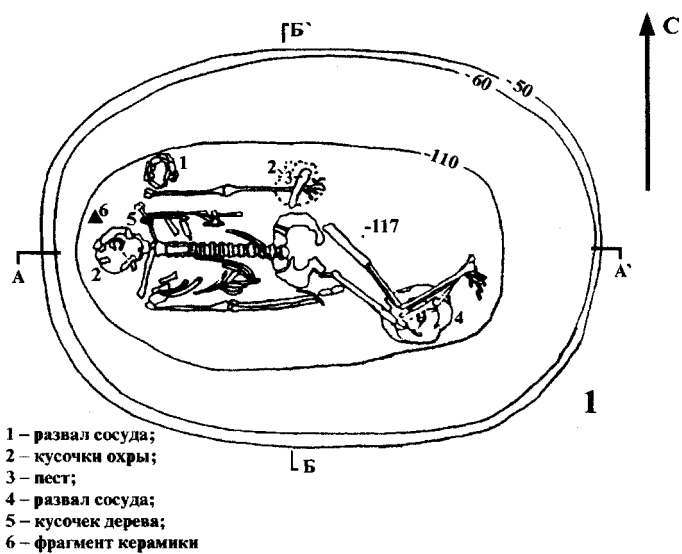

Рис. 72. Курган №31. План погребения (1).
 Разрезы могильной ямы (2, 3)

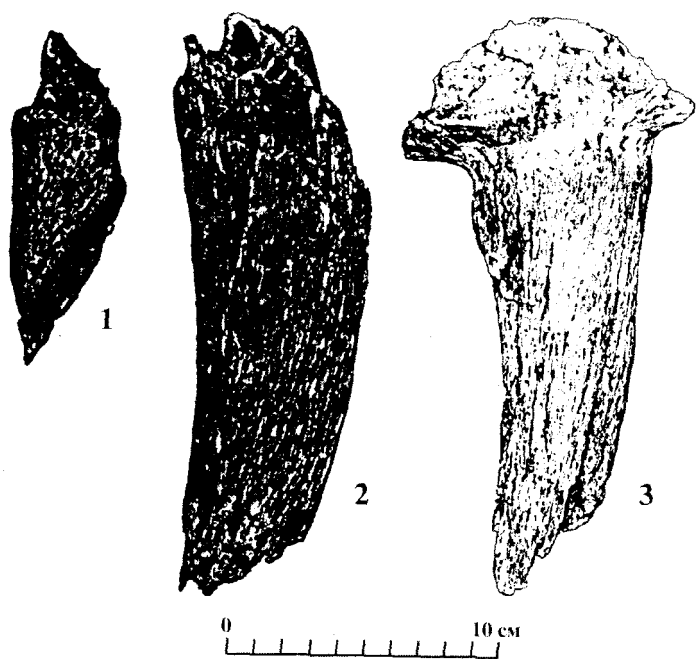

Рис. 73. Фрагменты рогов лесного бизона из насыпи кургана №31

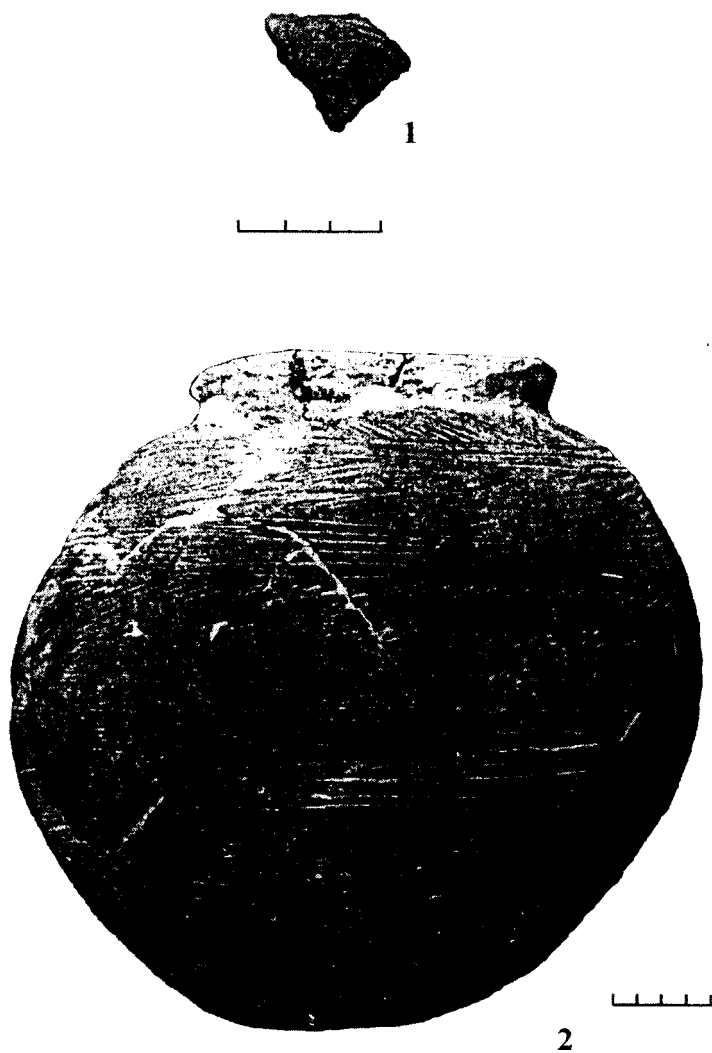
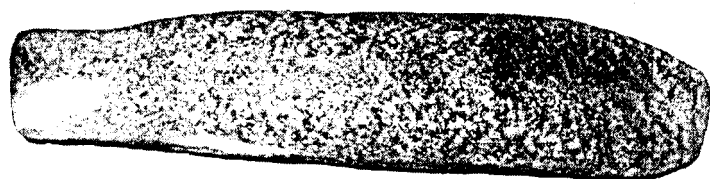
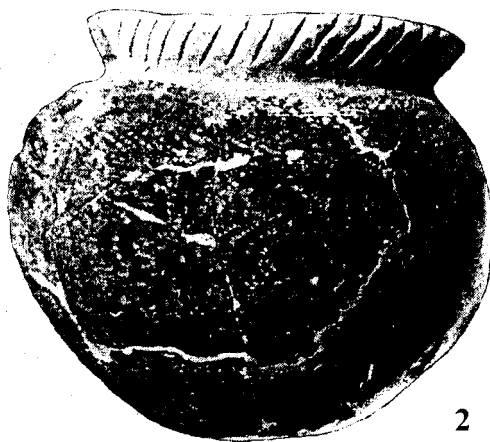

Рис. 74. Фрагмент керамики (1) и глиняный сосуд (2) из кургана №31

1

2

Рис. 75. Каменный пест (1) и керамический сосуд (2) из кургана №31

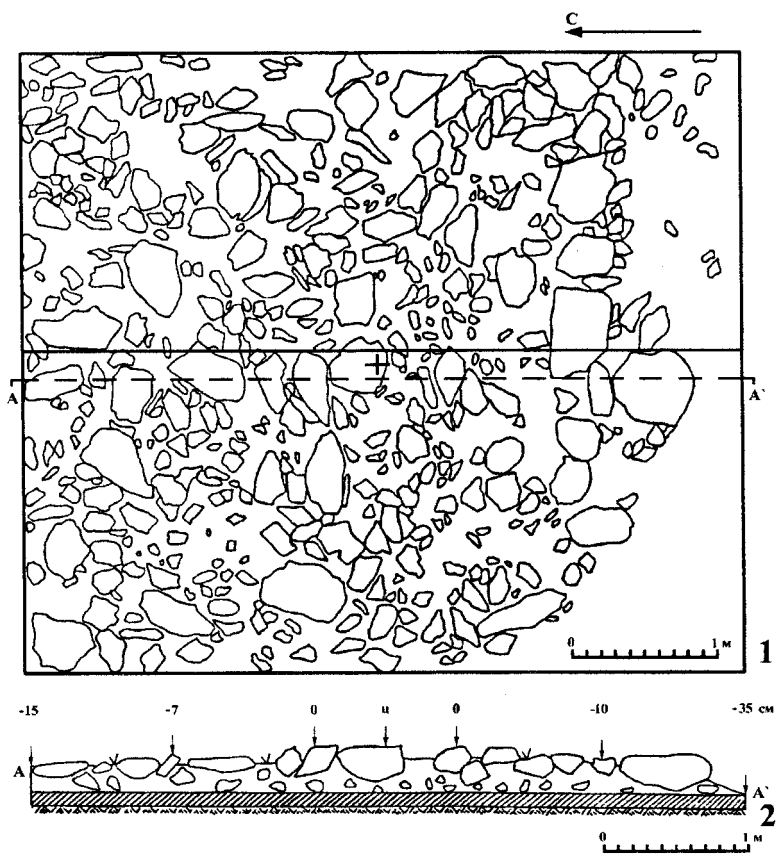

Рис. 76. Выкладка 32. План (1) и разрез объекта (2)

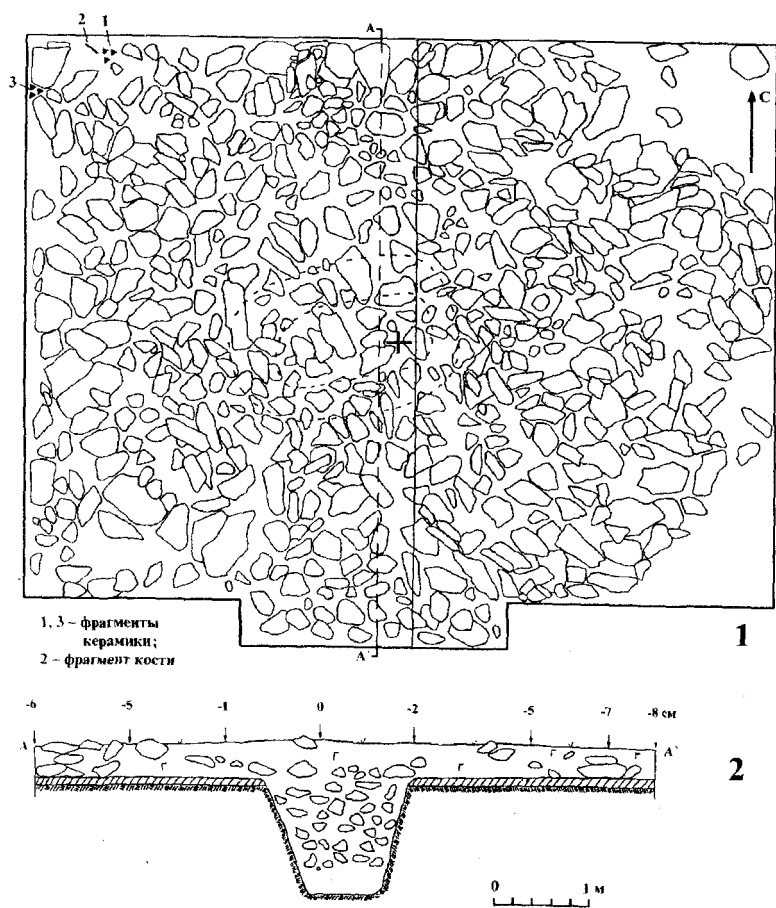

Рис. 77. Курган №33. План насыпи (1) и разрез сооружения (2)

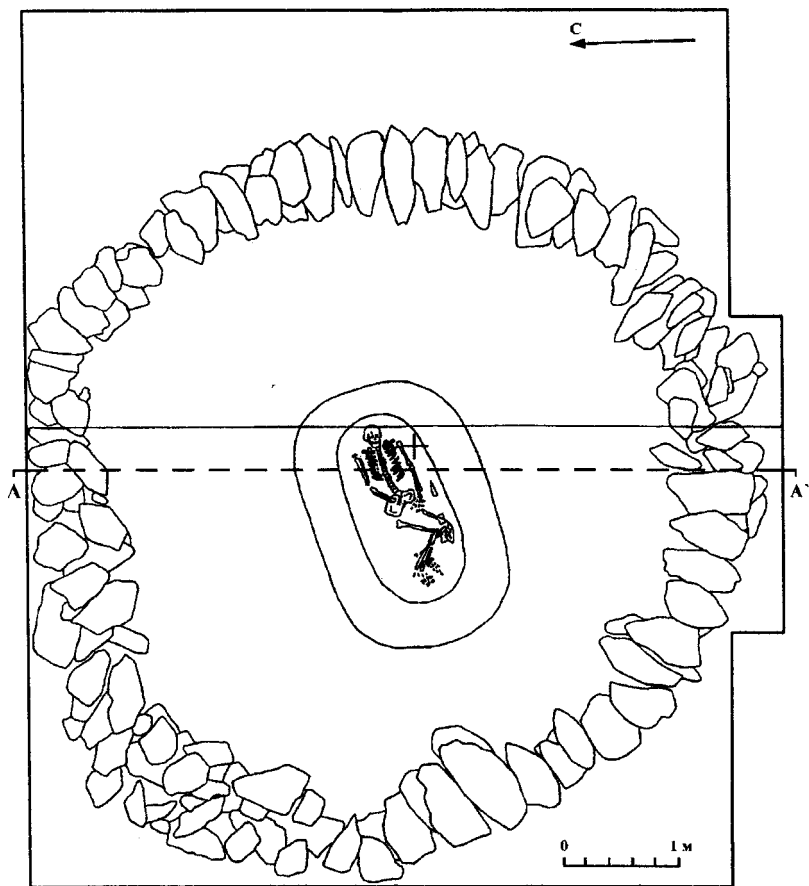

Рис. 78. Кургan №33. План крепиды и погребение в могильной яме

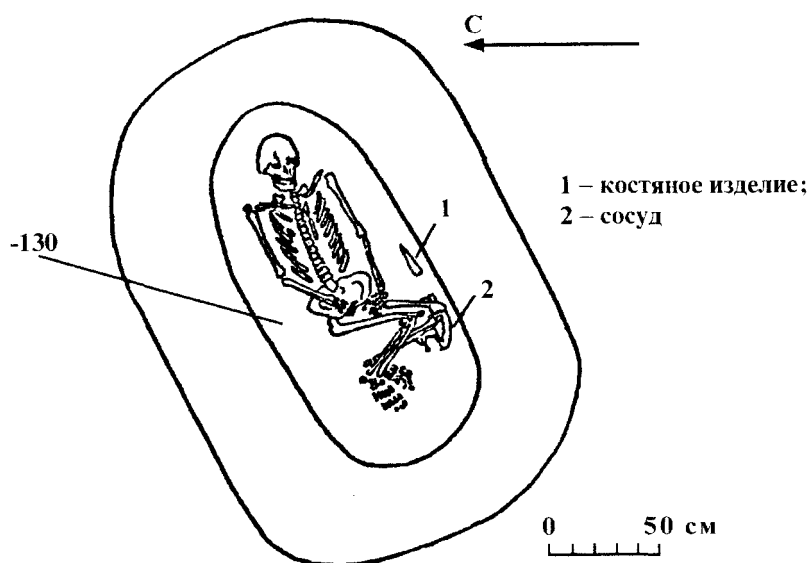

Рис. 79. Кургan №33. План погребения

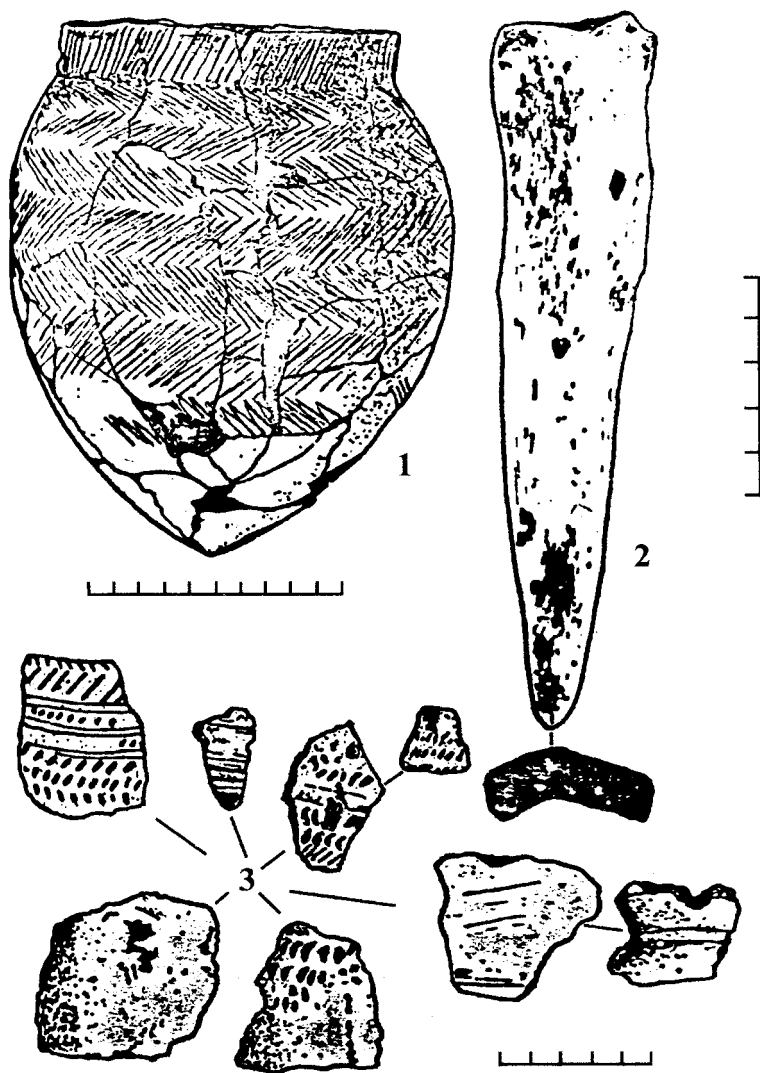

Рис. 80. Инвентарь из кургана №33. 1 – глиняный сосуд;
2 – костяное острие; 3 – фрагменты керамики

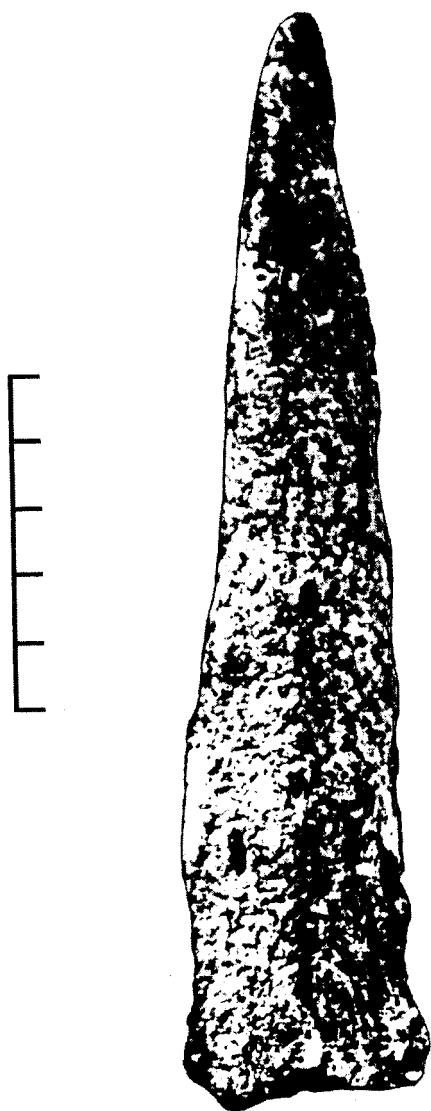

Рис. 81. Костяное орудие из кургана №33 (фото)

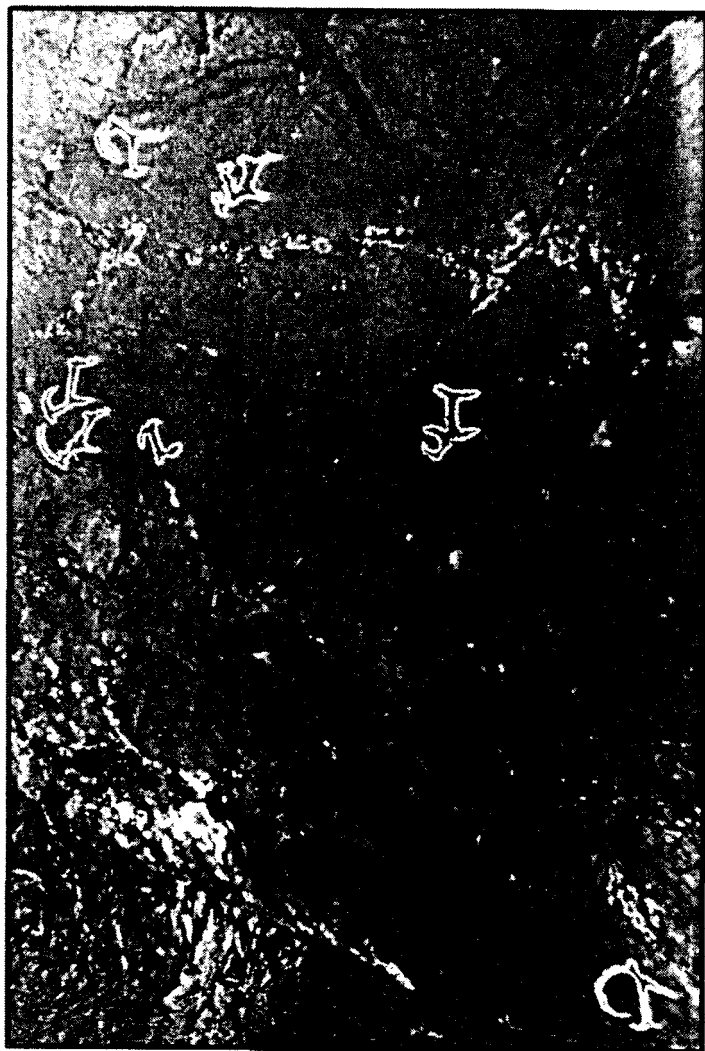

Рис. 82. Композиция рисунков на камне святылища (фото)

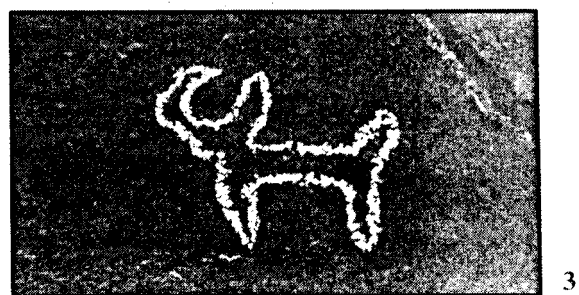
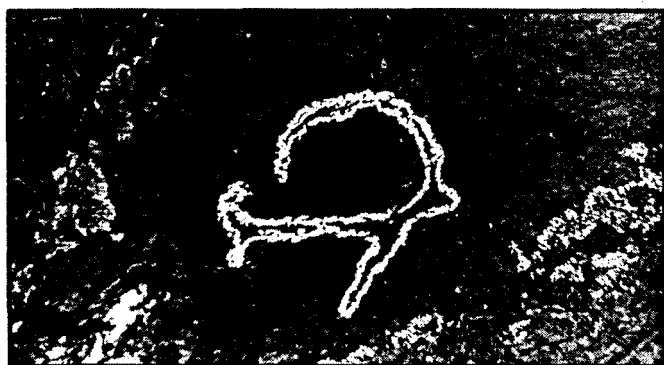

Рис. 83. Отдельные рисунки композиции на камне святилища (фото)

1

2

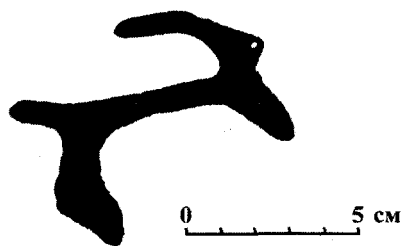

Рис. 84. Изображения козлов: 1 – фото; 2, 3 – прорисовки

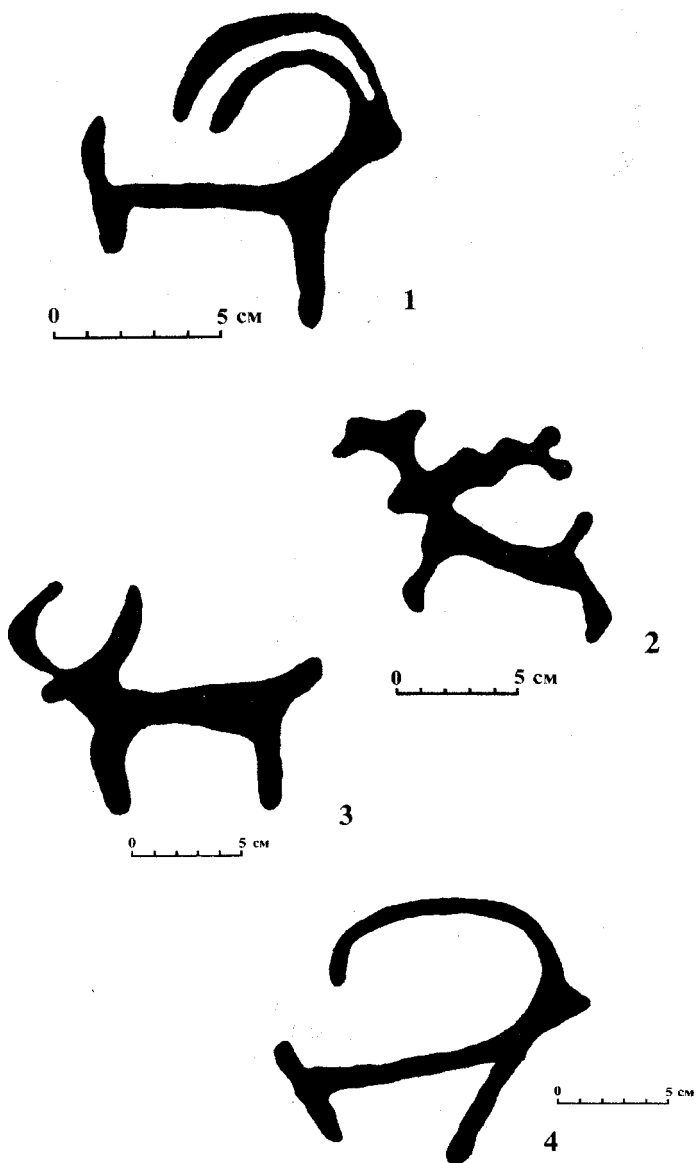

Рис. 85. Изображения козлов (1, 4), оленя (2) и «быка» (3)

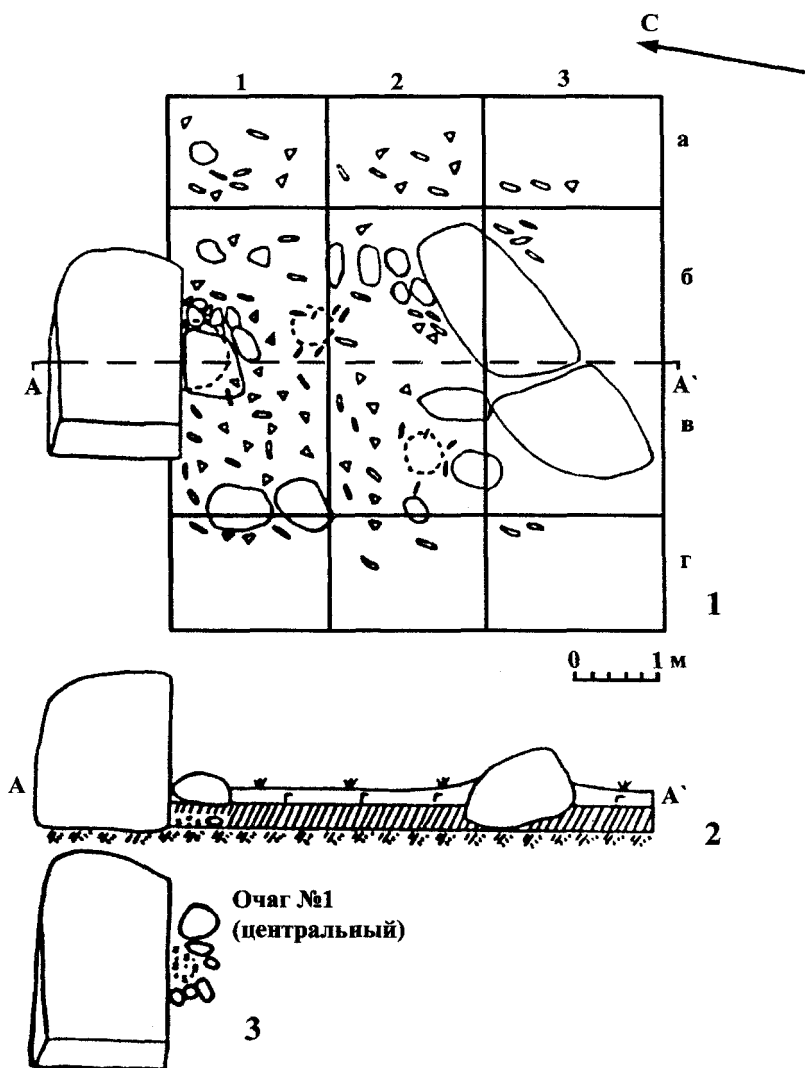

Рис. 86. План раскопа на святилище у камня (1) и его разрез (2).
Очаг №1 (3)

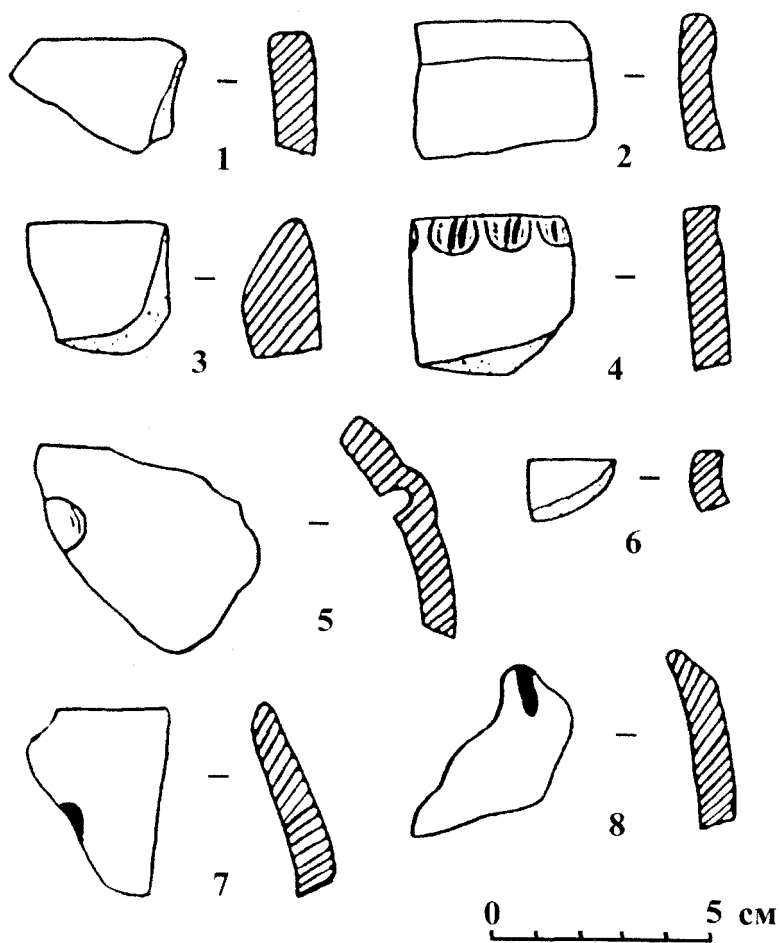

Рис. 87. Фрагменты керамика из раскопа у камня с петроглифами

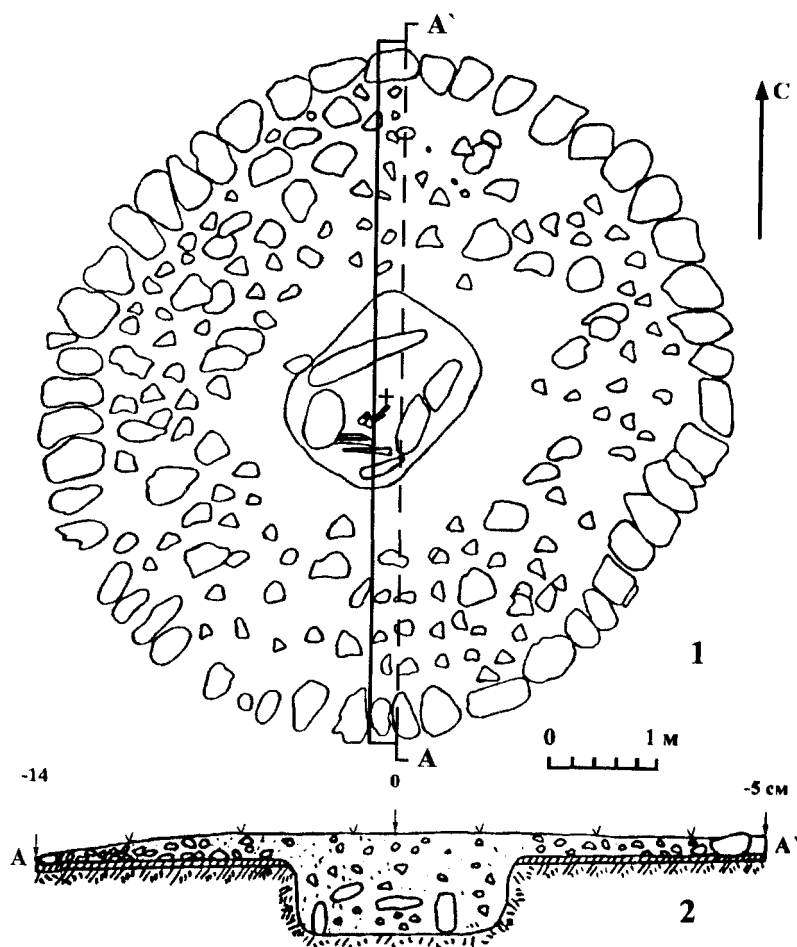

Рис. 88. Кургan №2. План насыпи (1). Разрез сооружения (2)

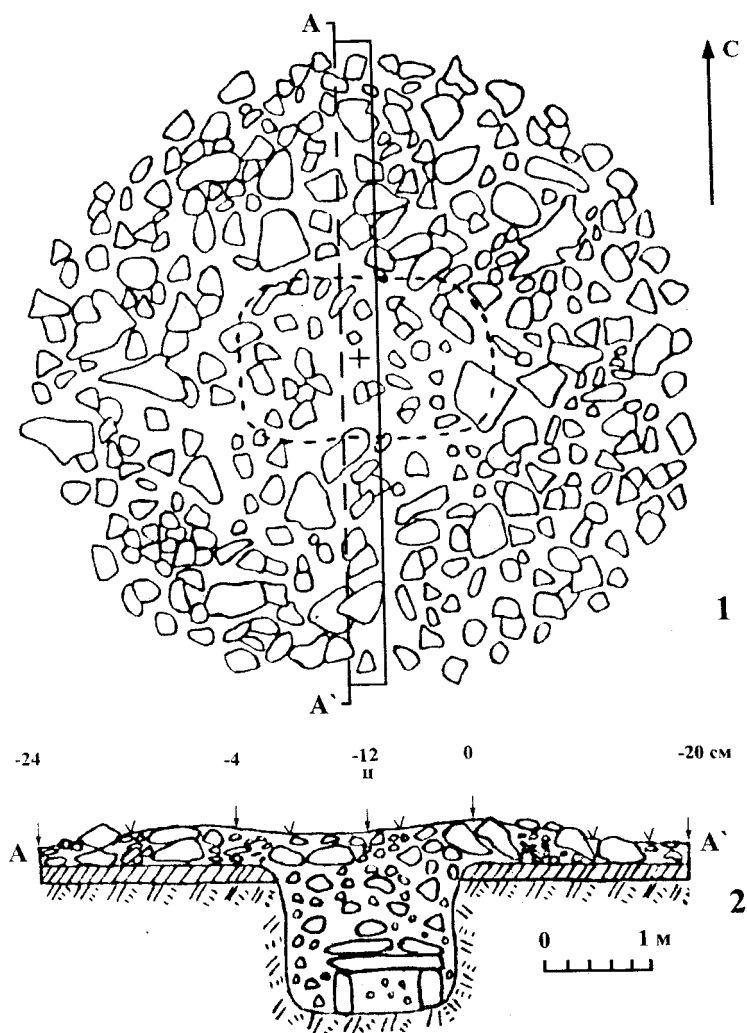

Рис. 89. Кургan №3. План насыпи (1). Разрез сооружения (2)

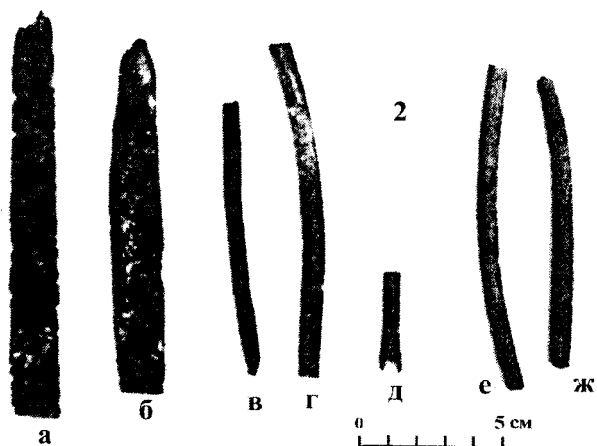
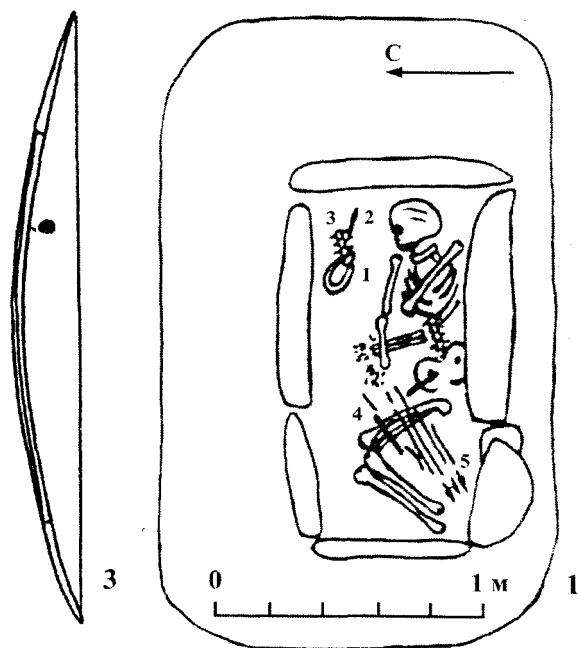

Рис. 90. Курган №3. 1 – план погребения человека;
2 – остатки деревянного лука и фрагменты древков стрел (фото);
3 – примерная реконструкция лука

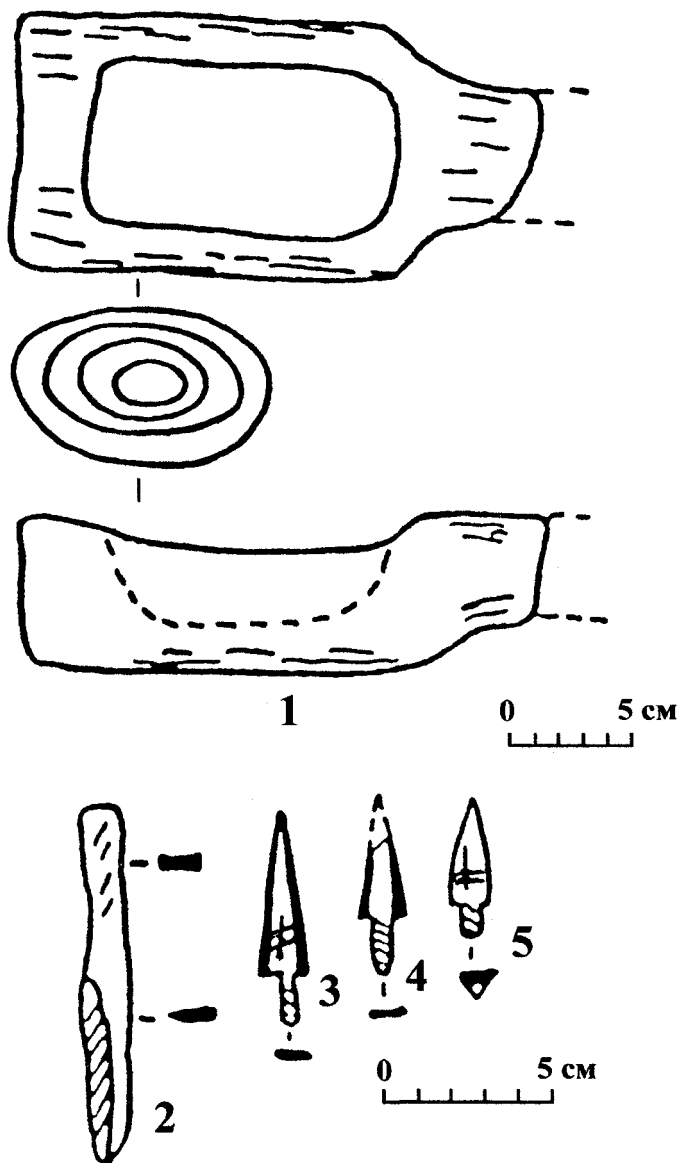

Рис. 91. Кургan №3. Инвентарь из погребения: 1 – деревянный ковш;
2 – бронзовый нож; 3–5 – костяные наконечники стрел

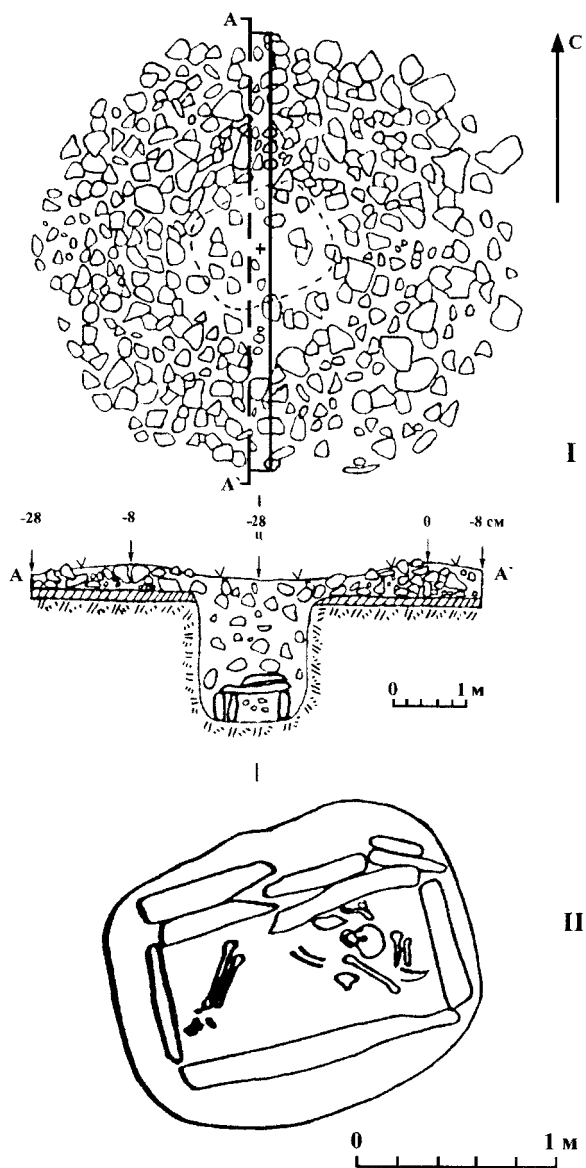

Рис. 92. Курган №4. I – план насыпи и разрез сооружения;
II – план погребения

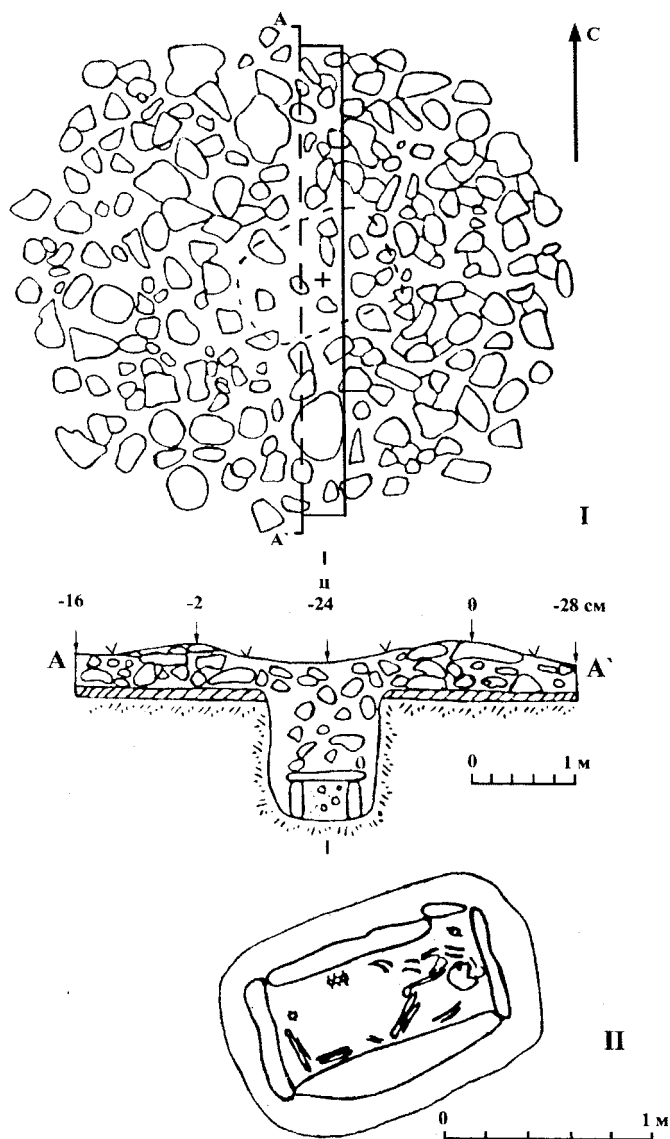

Рис. 93. Курган №5. I – план насыпи и разрез сооружения;
II – план погребения

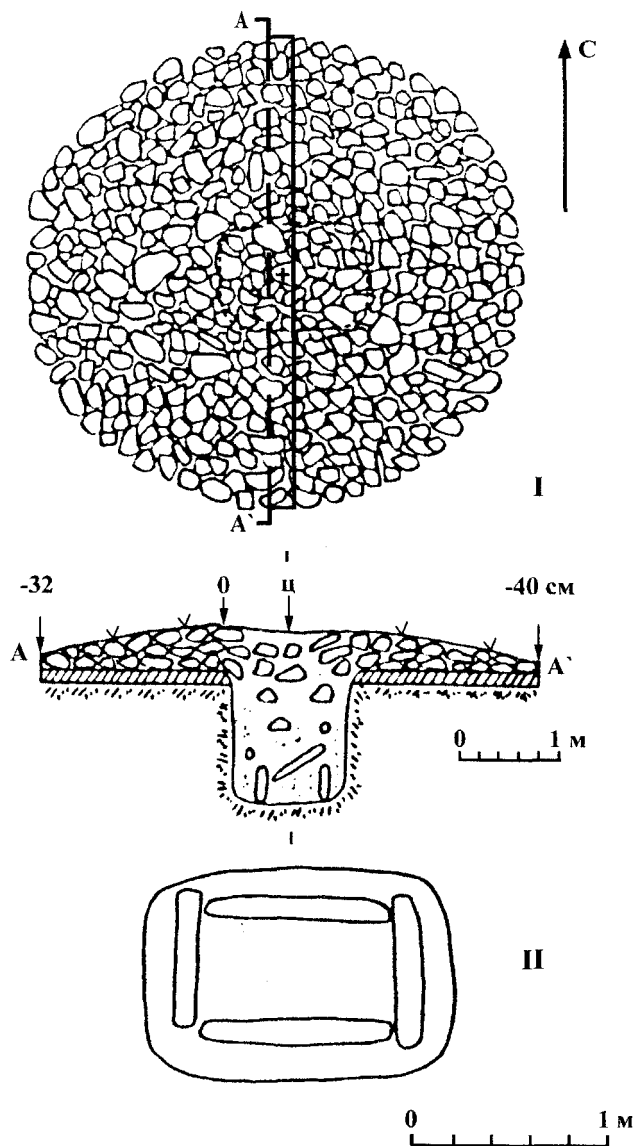

Рис. 94. Кургan №10. План насыпи и разрез сооружения (I).
Каменный ящик (II)

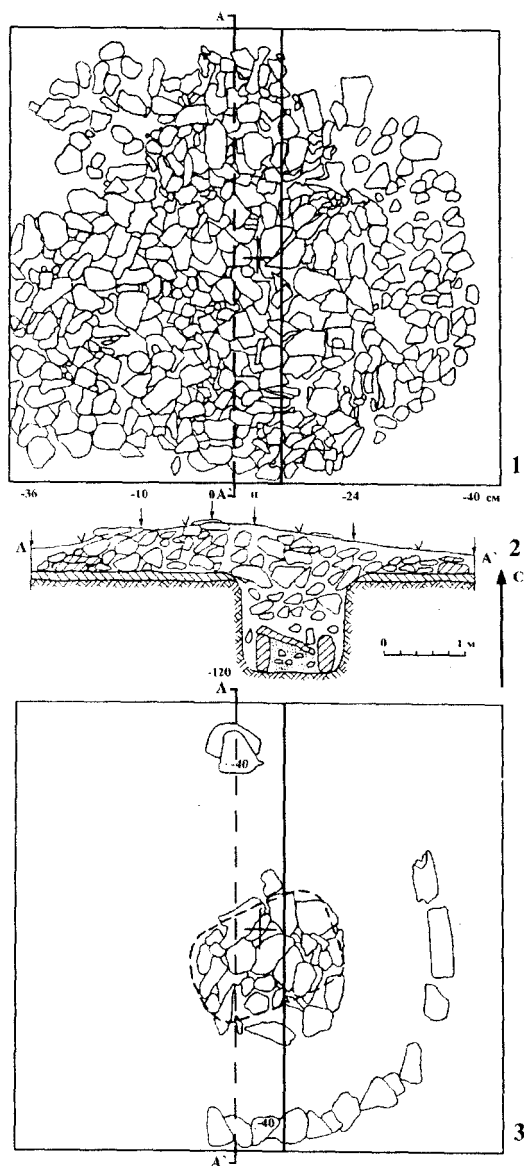
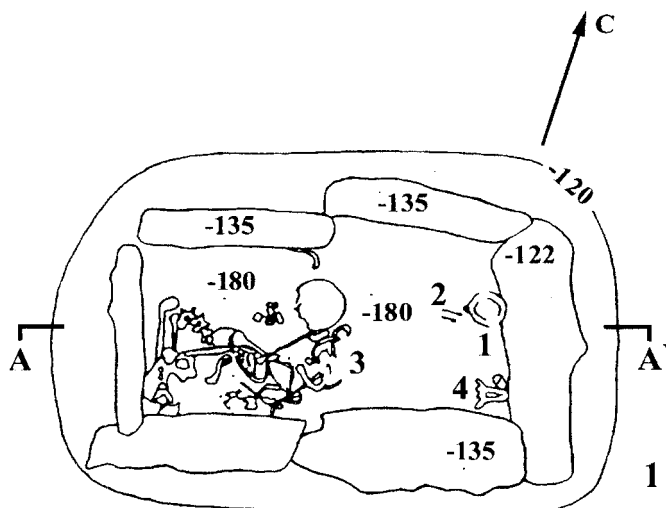

Рис. 95. Курган №37. План насыпи (1) и разрез сооружения (2).
Часть кольца и заполнение ямы (3)

- 1 – керамический сосуд;
- 2 – железные булавки (2 шт.);
- 3 – каменная бусина;
- 4 – позвонки и крестцовая кость овцы (?)

Разрез ямы по линии А – А'

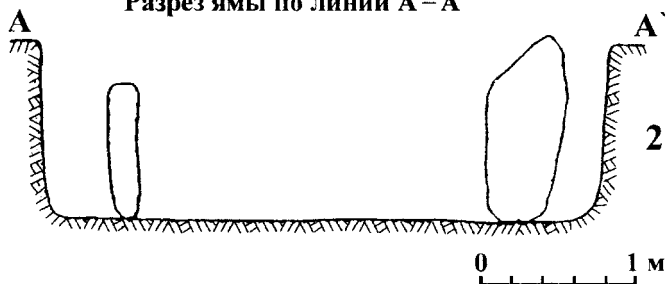

Рис. 96. Курган №37. План погребения (1), разрез ямы и ящика (2)

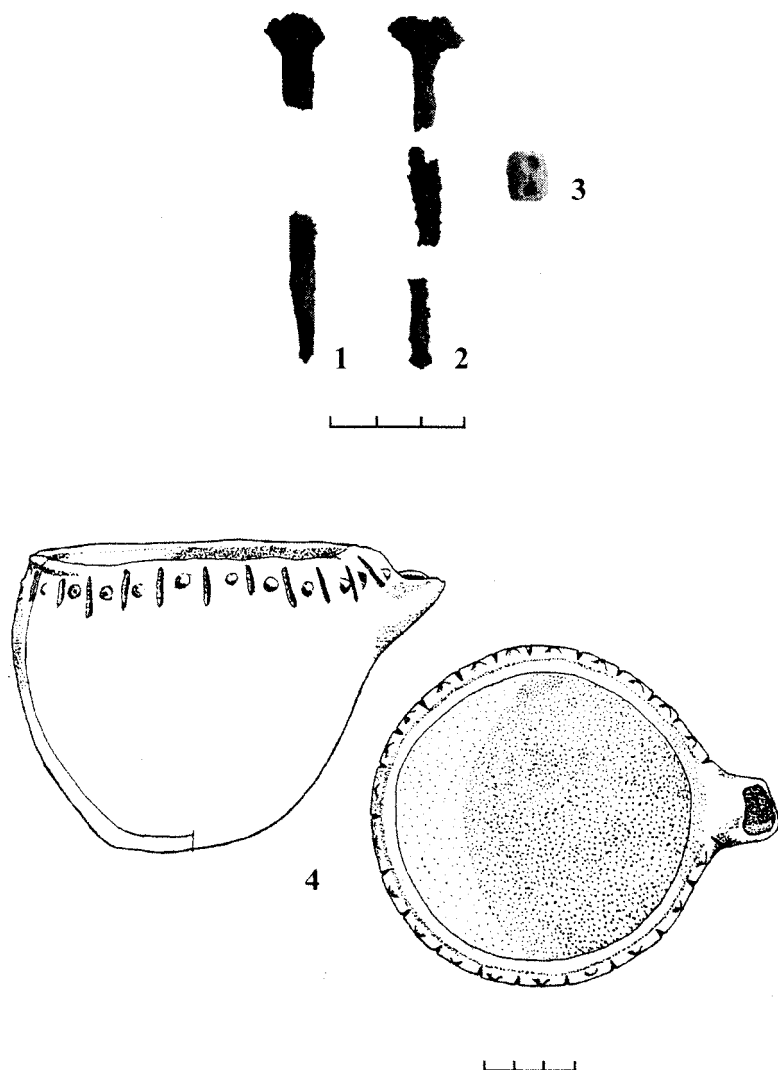

Рис. 97. Кургan №37. Инвентарь из погребения: 1, 2 – железные заколки; 3 – каменная бусина; 4 – керамический сосуд

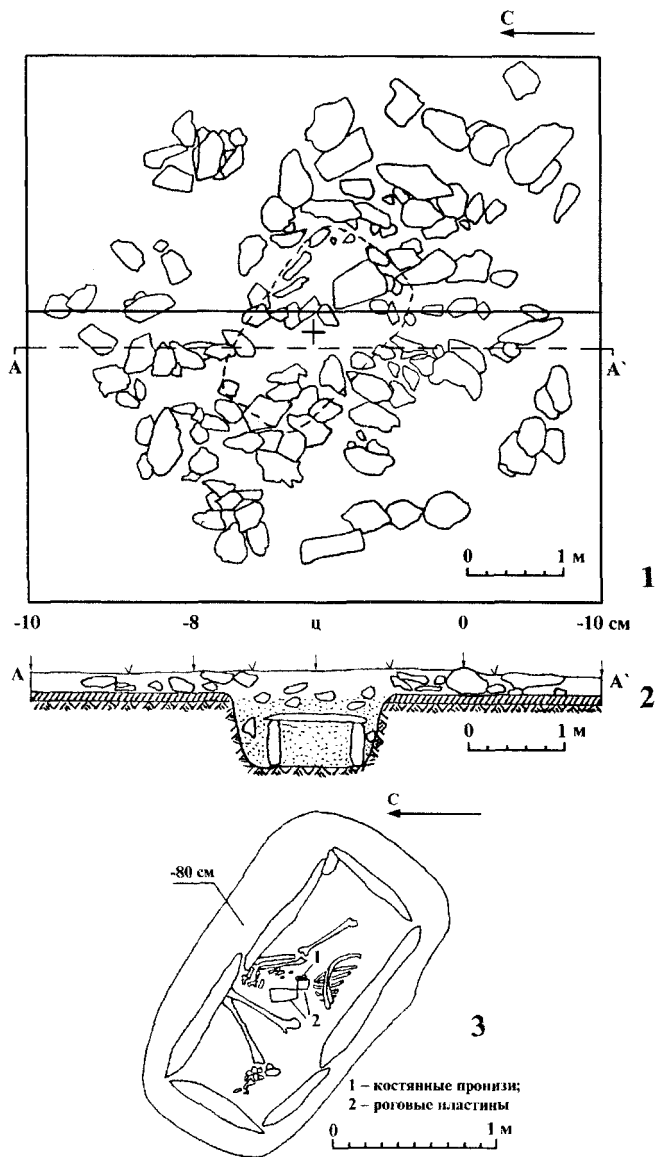

Рис. 98. Курган №42. 1, 2 – план насыпи и разрез сооружения;
3 – план погребения

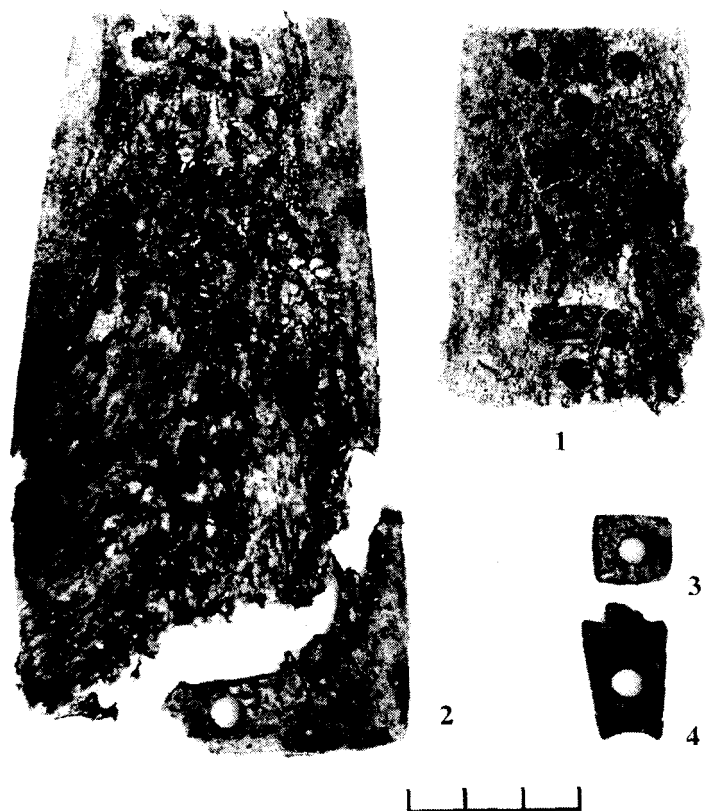

Рис. 99. Курган №42. Инвентарь из погребения (фото):
1, 2 – пряжки из рога; 3, 4 – костяные пронизи

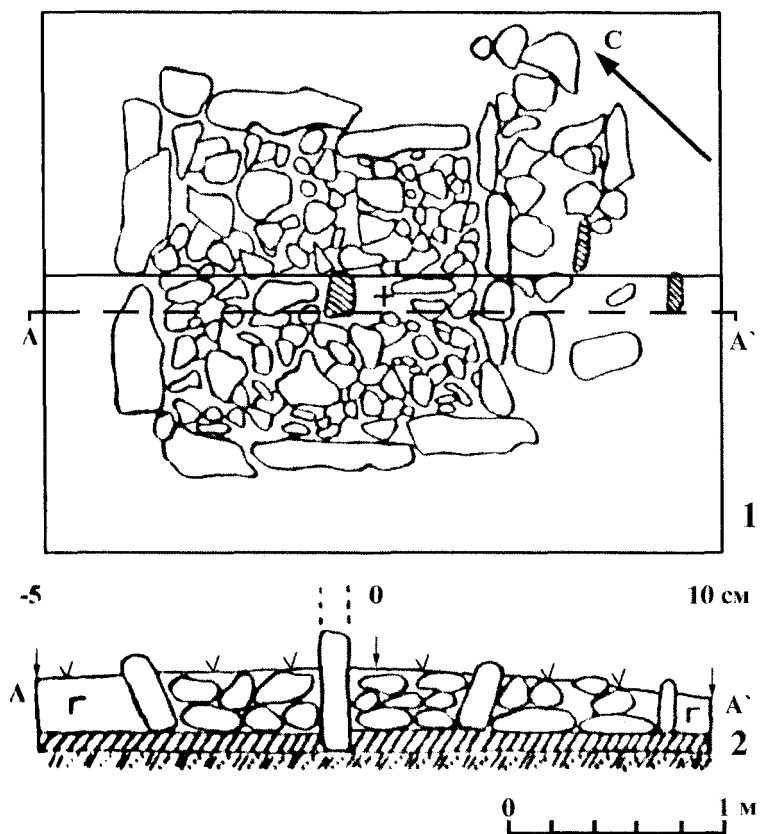

Рис. 100. Оградка №8. План (1) и разрез объекта (2)

Summary

A.S. Surazakhov, A.A. Tishkin

KYZYK-TELAN-I ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN MOUNTAIN ALTAY AND RESULTS OF ITS STUDY

Kyzyk-Telan-I archaeological complex is situated 7 kms to south-south-east from the village Kuyus in the Chermal region of the Altay Republic (Russia). It is situated in the valley of the same name and covers the 15-meters-terrace of the Katun river right shore and stretches along it from 2,5 to 3 kms. The territory is limited by terrace slope in south and west and by mountains in east and north. The site consists of about 120 archaeological objects of different times limited by one burial ground field.

The excavated barrows described in the given monograph mainly date from Early Scythian time (VIII–VI centuries B.C.). In spite of a small number of inventories, poor safety of osteological material and full “plunder” of most of stone boxes the discovered burial ground is the biggest of all known necropolis of the Biike archaeological culture. It is of great scientific interest.

Objects of earlier times were excavated in the complex. Such data supplement the Afanasyevskaya culture characteristics and are used for comparison in connection with constantly studied problem of its bearers' participation in genesis of Altay ethoses of Early Iron Age. Besides, there were discovered burials of Pazyryk time, turks fence and other archaeological sites that were not included into scientific circle.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Сооружения раннескифского времени	13
1.1. Описание исследованных курганов и выкладок.....	14
1.2. Общая характеристика изученного комплекса	37
Глава II. Анализ находок из курганов раннескифского времени	49
2.1. Изделия из бронзы, кости и рога	49
2.2. Керамика	55
2.3. Зернотерки и жернова	63
2.4. «Оленные» камни и стелы	69
Глава III. Древние и средневековые объекты комплекса..	78
3.1. Курганы и выкладка афанасьевской культуры	78
3.2. Святилище и камень с петроглифами.....	86
3.3. Погребальный обряд и инвентарь скифо-сакского времени	91
3.4. Оградка тюрокской эпохи.....	104
Заключение	107
Библиографический список	108
Список сокращений	128
Приложение	129
Summary	230

Научное издание

Александр Сазонович Суразаков
Алексей Алексеевич Тишкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КЫЗЫК-ТЕЛАНЬ-I
В ГОРНОМ АЛТАЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Монография

Корректор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Верстка: И.В. Шаповалов
Дизайн обложки: С.Н. Кисленко

*Для оформления обложки использованы фотоснимки, сделанные
А.А. Тишкиным: долина Катунь; бронзовые детали пояса, нож,
костяные наконечники стрел, деревянные детали лука (находки
хранятся в фондах Национального музея Республики Алтай
им. А.В. Анохина)*

Подписано в печать 12.12.2006. Формат 60х84/16
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 250 экз. Заказ 1034.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru